This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

WID-LC
PG
3350
.Z99
K34
X

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

38.19.9.2/1.

В. В. Каллашъ.

Puschkiniana

I.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ ТРУДЫ

о

ПУШКИНѢ,

ИХЪ ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ и НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНІЕ

II.

Стихотворенія о Пушкинѣ.

(1817—1849).

3268
4

КІЕВЪ.
Типографія Н. І. Чоколова, Фундуклеевская ул., домъ № 22.
1902.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

WID-LC
PG
3350
.Z99
K34
X
vol. 1

KALLASH

PUSCHKINIANA

I

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
MAR 31 1981

FAS 130

Digitized by Google

38 9.92.1

В. В. Каллашъ.

Puschkiniana

I.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ ТРУДЫ

о

ПУШКИНѢ,

ИХЪ ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ и НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНІЕ

II.

Стихотворенія о Пушкинѣ.

(1817—1849).

N 2

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская ул., домъ № 22.
1902.

Digitized by Google

Печатано по опредѣленію Правленія Коллегіи П. Г. 29 сентября 1902 г.

Оттискъ изъ „Ежегодника Коллегіи Павла Галагана".

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ ТРУДЫ
О
ПУШКИНѢ,

ихъ общій характеръ и научное значеніе.

I.

Археологическія и библіографическія увлеченія необыкновенно характерны для 50-тыхъ годовъ XIX в. Созданныя литературнымъ романтизмомъ стремленія къ старинѣ и народности, благодаря удушливости общественной атмосферы, запуганности университетскихъ и литературныхъ круговъ и неистовствамъ Бутурлинскаго комитета, въ большинствѣ случаевъ направлялись по мелкому руслу и вырождались въ то наивное и довольно забавное библіографическое крохоборство, которое такъ искусно пародировалъ Добролюбовъ, остроумно высмѣивала «Искра» и ядовито вышучивалъ Щедринъ.

Начало «великихъ реформъ», какъ извѣстно, шло при прежнихъ цензурныхъ условіяхъ и, конечно, не могло переродить людей, вполнѣ уже сложившихся при прежнемъ режимѣ.

Отъ тѣхъ далекихъ временъ вошелъ въ общественный обиходъ рядъ болѣе или менѣе смѣшныхъ анекдотовъ, курьезныхъ цитатъ— и легкая нронія при одномъ словѣ «библіографъ».

Дѣйствительно, при желаніи можно было набрать немало «монстровъ» и «раритетовъ» изъ тогдашней полемики библіографовъ и ихъ иногда очень своеобразныхъ научныхъ работъ.

Какъ это часто случается, отдѣльныя, разрозненныя, но яркія комическія проявленія заслонили для общества серьезный смыслъ явленія и многіе изъ его плодотворныхъ результатовъ. Немногіе за-

Digitized by Google

мѣтили, что въ рядахъ этихъ осмѣиваемыхъ библіографовъ были люди съ большимъ общимъ образованіемъ, широкими интересами и тонкимъ эстетическимъ чутьемъ. Оставаясь въ тѣни или даже подвергаясь всевозможнымъ издѣвательствамъ, они постепенно сводили науку исторіи русской литературы съ высотъ широковѣщательныхъ, но мало обоснованныхъ обобщеній въ *низины* копотливыхъ, детальныхъ частичныхъ изслѣдованій, этого необходимаго базиса прочныхъ научныхъ выводовъ.

Это были малозамѣтные, но достойные глубокаго уваженія піонеры научнаго реализма, смѣнившаго фразу и опиравшіяся на интуицію и дивинацію обобщенія.

Въ ихъ трудахъ до сихъ поръ для насъ—поучительный урокъ и рядъ драгоцѣнныхъ примѣровъ, совѣтовъ и указаній.

Они то и положили начало серьезному *историческому* изученію Пушкина, собиранію библіографическихъ свѣдѣній о немъ и его сочиненіяхъ. Эти попытки находятся въ тѣсной связи съ первыми критическими изданіями сочиненій великаго поэта—Геннади и Анненкова.

Давно уже указаны недостатки этихъ изданій, но для историка вполнѣ ясно теперь ихъ громадное научное и общественное значеніе: они подняли въ обществѣ и въ печати интересъ къ Пушкину, опубликовали много до тѣхъ поръ неизвѣстнаго, исправили много старыхъ ошибокъ и во многихъ случаяхъ установили правильный текстъ.

Въ нихъ, какъ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ П. А. Ефремова и литературнаго фонда, разсѣяно много драгоцѣнныхъ библіографическихъ указаній, которыя, конечно, по условіямъ изданія, и не могли быть приведены въ систему.

Первая попытка отдѣльнаго свода библіографическихъ свѣдѣній о Пушкинѣ принадлежитъ, насколько мы знаемъ, Геннади. Въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г. (I, 508—513, 604—606) имъ напечатанъ указатель (дополненный г. Кобеко): «Что писано о Пушкинѣ». Въ слѣдующемъ году тамъ же онъ даетъ обзоръ переводовъ сочиненій Пушкина [1]), по книгамъ Публичной и собственной библіотеки.

---

[1]) „Переводы сочиненій Пушкина, библіографическій указатель Г. Н. Геннади, дополненный М. П. и А. С.“ „Библіогр. Зап.“, 1859, 49—55, 87—95, 115—118, 253—4, 272—273) и отд. оттиск. Тамъ же „Проза А. С. Пушкина, библіографическія замѣчанія по поводу послѣдняго изданія поэта. К. И. Я. (стр. 129—148, 161—184).

Digitized by Google

Конечно, эти указатели далеко неполны и случайны по своему составу: они всецѣло опредѣлялись тѣмъ небольшимъ запасомъ книгъ который могли дать незадолго передъ тѣмъ возникшія попытки подобрать «Пушкиніану».

Но въ нихъ есть одна цѣнная черта, не усвоенная, къ сожалѣнію, позднѣйшими преемниками Геннади: онъ описываетъ изданія, очень обстоятельно, съ подлинниковъ, даетъ подробныя свѣдѣнія и характеристику переводовъ, ихъ образчики, свѣдѣнія относительно помощи переводчикамъ со стороны русскихъ и пр. Позднѣе начали ограничиваться одними голыми названіями, которыя часто рѣшительно ничего не говорятъ, и воспроизводить чужія ссылки, иногда ошибочныя, безъ всякой провѣрки.

Геннади описалъ немного—всего 78 номеровъ переводовъ (нѣмецкихъ, польскихъ, французскихъ, итальянскихъ, шведскихъ, голландскихъ, малорусскихъ и чешскихъ), но вполнѣ знакомитъ съ ихъ общимъ характеромъ, содержаніемъ и значеніемъ.

Въ 1860 г. онъ же выступаетъ съ новымъ трудомъ: «Приложенія къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, изданнымъ Я. А. Исаковымъ. Библіографическій списокъ всѣхъ произведеній А. С. Пушкина, дополненія, черновые отрывки, не вошедшіе въ текстъ, и примѣчанія. Спб. 1860». 3

Въ первомъ отдѣлѣ перечислены изданія сочиненій Пушкина, указаны мѣсто и время ихъ изданія, сдѣланныя въ нихъ перемѣны ихъ заглавія, подписи, предисловія; кромѣ того, отмѣчены мѣста первоначальнаго напечатанія отдѣльныхъ произведеній и варіанты. Въ остальныхъ отдѣлахъ, съ такою же обстоятельностью и точностью, указаны—переводы (92 №), отрывки и исключенныя мѣста; затѣмъ напечатаны объясненія и примѣчанія, за которыми слѣдуетъ указатель біографическихъ свѣдѣній о Пушкинѣ (59 русскихъ статей и 10 иностранныхъ).

Въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1861 г. (№ 9 и 19) даны были поправки и дополненія къ нѣкоторымъ стихотвореніямъ Пушкина и перечислены его письма.

Такого же свойства и библіографическія замѣтки Русскаго (Н. В. Гербеля) въ его книгѣ: «Стихотворенія А. С. Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій» (Берлинъ, 1861). 4

Digitized by Google

Онъ дастъ свѣдѣнія о стихотвореніяхъ, несправедливо приписанныхъ Пушкину, и весь IV отдѣлъ своей книги посвящаетъ обстоятельной «библіографической статьѣ о сочиненіяхъ Пушкина» (стр. 133—235), которая дастъ дополненія, варіанты и примѣчанія къ послѣднему изданію сочиненій Пушкина, Геннади; стихотворенія, напечатанныя въ журналахъ, но не вошедшія въ послѣднее изданіе сочиненій Пушкина; стихотворенія, напечатанныя въ заграничныхъ изданіяхъ, и стихотворенія, напечатанныя въ книгѣ Гербеля въ первый разъ.

II.

Слѣдующій моментъ въ развитіи Пушкинской библіографіи тѣсно связанъ съ возникновеніемъ при Александровскомъ Лицеѣ особой Biblitheca Puschkiniana.

Мысль о ней возникла еще во время празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Лицея, но осуществленіе ея относится къ 1879 г., когда начальство Лицея обратилось къ бывшимъ и настоящимъ лицеистамъ съ просьбой поддержать его начинаніе. Въ отвѣтъ на это обращеніе со всѣхъ сторонъ, отъ лицеистовъ и посторонихъ лицъ, послѣдовалъ рядъ приношеній, изъ которыхъ скоро, въ особенности благодаря энергіи В. В. Никольскаго, инспектора Лицея и черезчуръ, можетъ быть, бдительнаго хранителя Пушкинской библіотеки,— составилось значительное и цѣнное собраніе книгъ, портретовъ, рисунковъ и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ великому поэту.

Кажется, по его иниціативѣ Лицеемъ издавались и разсылались отъ времени до времени «Листки Александровскаго Лицея», въ которыхъ перечислялись новыя пріобрѣтенія Пушкинской библіотеки и ея desiderata. Они имѣютъ нѣкоторое библіографическое значеніе, такъ какъ многія указанія основываются на подлинникахъ и мѣстами отмѣчаютъ степень рѣдкости отдѣльныхъ изданій.

Къ 1880 г. Пушкинская библіотека была уже настолько богата, что понадобилось составленіе каталога. За это дѣло взялся В. В. Никольскій.

«Puschkiniana. Каталогъ Пушкинской библіотеки» (Спб., 1880) составленъ имъ тщательно. Онъ распадается на 4 отдѣла: 1) Сочиненія Пушкина, вышедшія въ отдѣльныхъ изданіяхъ, 2) сочиненія о Пушкинѣ, вышедшія въ отдѣльныхъ изданіяхъ, 3) альманахи и альбомы, въ которыхъ помѣщены произведенія Пушкина, статьи о

Digitized by Google

немъ и рисунки къ его произведеніямъ, 4) переводы сочиненій Пушкина (125 названій). Конечно, можно возражать противъ такого дѣленія: во второмъ отдѣлѣ смѣшаны сочиненія, біографическія свѣдѣнія и характеристики; признакъ дѣленія—чисто внѣшняго характера; хронологическое распредѣленіе матеріала и отсутствіе указателя сильно затрудняютъ всякія справки. Но каталогъ далъ возможность познакомиться съ богатствами и пробѣлами лицейскаго собранія, намѣтилъ desidrata для пополненія и, описывая по оригиналамъ, далъ прочную основу Пушкинской библіографіи.

Незначительные промахи его были указаны и исправлены г. Шульцемъ въ брошюркѣ (Sine loco et anno): «Нѣсколько исправленій и дополненій каталога Пушкинской библіотеки». 6

Дальнѣйшій ростъ библіотеки и смерть Никольскаго заставили начальство Лицея обратиться для составленія указателя къ другому лицу. Къ несчастью, это былъ пресловутый авторъ безконечнаго количества библіографическихъ пособій—Межовъ. Онъ не разъ «поднималъ руку» на Пушкина.

Въ 1885 году онъ издалъ: «Открытіе памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ. Сочиненія и статьи, написанныя по поводу этого событія. Библіографическій указатель». (Спб.). 7

Какъ всегда у Межова, въ этомъ изданіи не оберешься ошибокъ и недоразумѣній, страннаго распредѣленія матеріала, существенныхъ пробѣловъ и захватыванія по пути совершенно лишнихъ и не идущихъ къ дѣлу фактовъ. Такъ какъ оно почти цѣликомъ вошло въ Puschkiniana [1]), то мы не будетъ входить о немъ въ особыя подробности.

Въ 1886 г. Александровскій Лицей издалъ объемистую Puschkiniana Межова—«Библіографическій указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литературы и искусства» (Спб.). Она открывается очень торжественнымъ, хотя не особенно грамотнымъ предисловіемъ. «Необходимость собрать все (,) что только было печатано объ А. С. Пушкинѣ, не разъ высказывалось (sic) въ нашей литературѣ, особенно съ 1880 года, когда послѣдовало открытіе памятника нашему великому поэту въ Москвѣ. *Трудъ* [2]) *далеко не легкій*, такъ какъ *приходилось пере-* 8

---

[1]) Любопытно, что въ свою позднѣйшую Puschkiniana Межовъ не вводитъ многаго изъ того, что указано имъ же въ другихъ библіографическихъ изданіяхъ (напр., въ „Исторіи русской и всеобщей словесности").

[2]) Курсивъ нашъ.

Digitized by Google

смотрѣть всю повременную литературу, начиная съ 1813 года до настоящаго года, т. е. за 73 года. Имѣя уже прежде *огромный запасъ библіографическаго матеріала*, я, съ половины прошлаго года, по приглашенію начальства Имп. Александровскаго Лицея, приступилъ къ собиранію и составленію по возможности *полной библіографіи всего* (,) *что касалось Пушкина.* Въ настоящій указатель вошло 4587 №№. Не могу сказать, чтобъ это было безусловно полная библіографія всего напечатаннаго о Пушкинѣ. *Очень можетъ статься* (,) *кое*(—) *что и ускользнуло отъ моихъ самыхъ тщательныхъ поисковъ.* Особенно это относится къ сочиненіямъ и статьямъ, въ которыхъ по заглавію (sic) нельзя было и подозрѣвать заключающихся въ нихъ свѣдѣній о Пушкинѣ. Кромѣ того, коллекція русскихъ повременныхъ изданій Имп. Публичной Библіотеки, которая служила основаніемъ настоящему моему труду, не полна (,) и мнѣ волею, (—) неволею приходилось ограничиться только тѣмъ что имѣется на(—)лицо въ драгоцѣнномъ нашемъ отечественномъ книгохранилищѣ. Даже немногіе указатели къ прежнимъ нашимъ повременнымъ изданіямъ, разсмотрѣнныя (sic) мною (,) не могли пополнить этого пробѣла. Утѣшительно только то (,) что число этихъ недостающихъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ годовъ и №№ періодическихъ изданій невелико».

Такимъ обарзомъ Межовъ даетъ понять своимъ читателямъ, что онъ произвелъ тщательныя разыканія въ нашей журналистикѣ за 73 года, и что отъ него могло ускользнуть весьма немногое. Въ какомъ однако отношеніи къ этимъ новымъ «поискамъ» стоитъ прежде собранный «огромный запасъ», и какого онъ вообще достоинства?

Имѣемъ полное основаніе думать, что этотъ «запасъ» отличался обычными свойствами библіографическихъ матеріаловъ собранныхъ Межовымъ: онъ обыкновенно беретъ ссылки изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, безъ провѣрки, очень небрежно просматриваетъ журналы и сборники, пропуская существенное и часто отмѣчая не идущее къ дѣлу.

Отъ «самыхъ тщательныхъ поисковъ» ускользнуло не «кое-что», а очень и очень многое.

Собранный матеріалъ распредѣленъ очень странно; въ книгѣ вообще много повтореній и недоразумѣній, происходящихъ отъ полнаго незнанія и непониманія дѣла.

Digitized by Google

У Межова 6 отдѣловъ и 7 прибавленій: 1) жизнь Пушкина, его переписка, посвященныя ему стихотворенія, воздвигнутые ему памятники, празднованіе открытія въ 1880 году памятника, Пушкинская выставка; 2) сочиненія Пушкина; 3) его изданія; 4) критическія статьи, литературныя и библіографическія замѣтки объ его сочиненіяхъ; 5) переводы и статьи о нихъ; 6) сочиненія и статьи, относящіяся до исторіи Александровскаго Лицея, пропущенныя сочиненія и статьи и 5 указателей.

Почему переписка отдѣлена отъ сочиненій? Почему иностранныя статьи о Пушкинѣ отдѣлены отъ русскихъ и соединены съ переводами его сочиненій?

Недоумѣній будетъ еще больше, если мы приглядимся къ подробностямъ отдѣловъ.

Межовъ избралъ хронологическій порядокъ, хотя пользуется имъ очень странно. Извѣстное произведеніе онъ пріурочиваетъ не къ году написанія или напечатанія, а къ первой попавшейся датѣ, которую онъ встрѣтилъ случайно при немъ: если оно перепечатывалось нѣсколько разъ, оно будетъ помѣщено подъ разными годами, безъ оговорокъ; иногда берется только одна поздняя перепечатка; иногда отмѣчается не самое произведеніе о Пушкинѣ, а рецензія на него. Легко раскрываемые псевдонимы не раскрыты: пропусковъ и ошибокъ безъ конца; много лишняго. Чтобы не быть голословными, разберемъ первыя страницы этого изданія.

Подъ первымъ номеромъ (1815 г.) указано посланіе Жуковскаго къ Вяземскому и Пушкину, со ссылкой на стихотворенія Жуковскаго, изд. 1815 г. Но оно написано въ 1814 г., напечатано въ «Рос. Музеумѣ» 1815 г. и перепечатывалось въ изданіяхъ стихотвореній съ пріуроченьемъ къ 1814 г. Относится оно къ В. Л. Пушкину, а не А. С. Подъ 1835 г. Межовъ помѣщаетъ его вторично— со ссылкой на 4 изданіе стихотвореній, безъ всякихъ оговорокъ. То же самое сдѣлано со стихотвореніемъ Языкова, Тепловой, Фуксъ и т. д. Почему разныя изданія одного и того же произведенія не указаны подъ однимъ номеромъ? Зачѣмъ повторять нѣсколько разъ не относящееся къ Пушкину?

Въ 3-мъ № ссылка невѣрна: 35 поставлено вм. 33; въ № 5— К. Ш.—въ не раскрыто: кн. Шаликовъ, какъ ниже (№ 9, 11, 18,

Digitized by Google

19) К. Ш. [1]); въ № 13 перепутанъ годъ: 1827 вм. 1828. Сюда же (№ 7) попали, за компанію, критическая статья Кюхельбекера, «Взятіе Карѳагена (изъ Карно). Пер. (евела) Пушкина» (№ 14)— дѣтскій прозаическій переводъ какой то Пушкиной, который подъ волшебнымъ перомъ Межова переродился въ «Перо Пушкина»,— некрологъ В. Л. Пушкина и бар. Дельвинга (№ 21 и 26), рецензія (Воейкова) Кораблинскаго (№ 24) вмѣсто указанія самого альманаха «Утренняя Звѣзда»—и некрологъ Пушкина (№ 36)... подъ 1836 г.! Послѣдній курьезъ объясняется тѣмъ, что запоздавшая книжка «Московскаго наблюдателя» за 1836 г. вышла въ слѣдующемъ году уже послѣ смерти Пушкина, съ его некрологомъ.

Въ первомъ отдѣлѣ перечислено много біографическихъ статей и характеристикъ Пушкина; многія изъ нихъ, съ нарушеніемъ цѣльности плана, вошли и въ 4-тый отдѣлъ.

Мѣстами не обозначены страницы (№ 23), мѣстами онѣ указаны невѣрно (напр., № 33); иногда Межовъ ссылается на несуществующія произведенія (№ 236) [2]) и приписываетъ Пушкину чужія произведенія (№ 1552). Такихъ фактовъ мы могли бы привести десятки, если не сотни, но и указаннаго, кажется, достаточно для характеристики всей недобросовѣстности указателя Межова.

Въ немъ нѣтъ перваго и главнаго условія библіографическихъ трудовъ—точности указаній и систематичности распредѣленія матеріала.

Въ немъ нѣтъ даже приблизительной полноты. Опущено многое пріуроченное прямо къ имени Пушкина въ общеизвѣстныхъ журналахъ, не говоря уже о томъ, въ чемъ «по заглавію нельзя было подозрѣвать заключающихся свѣдѣній о Пушкинѣ». До 1886 г., до котораго доведенъ указатель Межова, было напечатано свыше 200 стихотвореній о Пушкинѣ, а онъ насчитываетъ, со всевозможными ошибками и недоразумѣніями, только около 80!

Для того, чтобы нагляднѣе предоставить всю неполноту его труда, мы приводимъ перечень всего того, что было напечатано о Пушкинѣ въ «Дамскомъ Журналѣ» за все его существованіе [3]).

---

[1]) В. Р. (№ 23)=Вестужевъ Рюминъ, N. N. (№ 17)=Филимоновъ и пр.

[2]) Московское изданіе пріурочено къ Петербургу; „вторая пѣснь комара“ цитируется, какъ „какъ эпитафія духовнику Пушкина“.

[3]) Кромѣ второй половины 30—года, которой мы не могли разыскать во всей Москвѣ.

Digitized by Google

Крестами обозначено то, что указано Межовымъ; въ скобкахъ обозначены его невѣрныя указанія [1]).

Настолько же небрежно составлены и указатели.

Самоувѣренный тонъ Межова загипнотизировалъ почти всѣхъ его критиковъ. Не имѣя возможности или желанія провѣрить его указанія, они преклонились передъ ихъ количествомъ и поспѣшили расхватать трудолюбіе и добросовѣстность собирателя.

Только «Вѣстникъ Европы» (1886, XI, 420—423) выразилъ недоумѣніе, почему былъ зарегистрованъ «Eugene Onaigin of our times, да D. Minaieff, ву «Русская Старина» (1887, II) напечатала слишкомъ сдержанную замѣтку г. Сержпутовскаго стр. 495—506, въ которой онъ упрекаетъ Межова, за отсутствіе системы вообще и подъ — отдѣловъ въ частности, что сильно затрудняетъ справки, и указываетъ 46 ошибокъ и 109 пропусковъ [2]).

Спеціалистовъ книга Межова удовлетворила настолько мало, что вскорѣ послѣ ея выхода начинаютъ появляться попытки частичныхъ указателей, существенныхъ дополненій и поправокъ.

Въ 1888 году г. Пономаревъ напечаталъ «Пушкинъ въ родной поэзіи» (Спб., изъ Академическаго «Сборника») — библіографическій указатель стихотвореній о Пушкинѣ. Въ немъ почтенный библіографъ далъ нѣсколько поправокъ и дополненій къ Межову, въ общемъ тщательно составленныхъ. Мы нашли въ немъ немного ошибокъ: повторено стихотвореніе Дельвига, неточно указаніе относительно Я. Толстого и Рахманнаго и пр. Это во всякомъ случаѣ полезная и добросовѣстная работа, хотя и узкая по своей основной цѣли.

Въ 1895 году г. Витбергъ помѣстилъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (IX, 324—328; X, 316—320; XI, 351—2; XII, 332—336) 4 статьи: «Литературно-библіографическія замѣтки, изъ старинныхъ газетъ и журналовъ. I. А. С. Пушкинъ». Вначалѣ приведены 24 выписки о Пушкинѣ изъ старыхъ журналовъ и газетъ, въ общемъ очень интересныхъ, хотя и расположенныхъ безъ всякой связи и порядка; затѣмъ слѣдуетъ 160 библіографическихъ указаній и дополненій къ Межову, тоже безъ всякой системы. Одни изъ нихъ от-

---

[1]) См. приложеніе I.

[2]) Небольшое дополненіе далъ Устимовичъ—„Рус. Стар.“, 1887, VIII, 461—2 (см. „Варшавскій Дневникъ“. 1887, № 8)

Digitized by Google

носится ко времени послѣ выхода въ свѣтъ «Puschkiniana» Межова, другія восполняютъ его пропуски. Многія изъ нихъ взяты изъ рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ изданій.

// Въ 1898 году г. Францевъ значительно пополнилъ и исправилъ указанія Межова относительно чешскихъ переводовъ Пушкина: «А. С. Пушкинъ въ чешской литературѣ. Библіографическіе матеріалы. СПБ. 1898» (изъ академическаго «Сборника») [1]. Онъ описалъ, безъ особыхъ подробностей и разъясненій, 201 переводъ и 35 библіографическихъ и біографическихъ статей (перечислены и портреты Пушкина), все съ подлинниковъ.

У Межова указано, съ ошибками, всего 6 переводовъ и 3 замѣтки о нихъ!

12 По отношенію къ польской литературѣ то же сдѣлалъ г. Дѣдовъ: «А. С. Пушкинъ въ польской литературѣ». (Варшава, 1899).

Авторъ указываетъ извѣстные ему переводы и характеристики поэта, даетъ извлеченія изъ нихъ и ихъ оцѣнку, такъ что его работа, наряду съ библіографическимъ, получаетъ и историко-литературное значеніе.

13 Стремительную и прямолинейную, хотя очень неловкую защиту Межова взялъ на себя г. Драгановъ, несмотря на сдѣланныя имъ же значительныя и существенныя, мѣстами, поправки и дополненія къ Межовскому списку переводовъ изъ Пушкина: «Пятидесяти-язычный Пушкинъ, т. е. переводы А. С. Пушкина на 50 языковъ и нарѣчій міра. Библіографическій вѣнокъ на памятникъ А. С. Пушкину, сплетенный къ столѣтію его рожденія» [2].

Библіографическія замѣчанія пересыпаны у г. Драганова крайне неумѣстными лирическими изліяніями и злостными выходками, всегда неожиданными, противъ несимпатичныхъ ему людей.

Словоохотливый авторъ разсказываетъ намъ о преждевременной кончинѣ своей супруги, о покровительствѣ «своего высшаго начальства, Его Высокопревосходительства, Директора Императорской Публичной Библіотеки, Члена Государственнаго Совѣта, Ординарнаго Академика и Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Аѳанасія Ѳедо-

---

[1]) Срв. его же: "Puškiniana. Новые чешскіе переводы произведеній А. С. Пушкина. Статьи, посвященныя его жизни и творчеству" — „Рус. Фил. Вѣст.", 1900, I—II, 1—8.

[2]) О немъ см. нашу статью въ „Русской Мысли" 1900, іюль, стр. 47—54: „Г. Драгановъ Puschkiniana Межова".

Digitized by Google

ровича Бычкова, благодѣтеля всей моей (г. Драганова) семьи», объ отказѣ нѣкоторыхъ редакцій печатать его статьи и пр.

Личныя выходки г. Драганова (противъ Вл. С. Соловьева, кн. Волконскаго и пр.) выходятъ изъ границъ всякихъ приличій—вплоть до употребленія словъ «мошеннический» и «хамскій».

Голословно называя «Puschkiniana» Межова «книгой классической, образцовой по замыслу, плану и исполненію», трудомъ «безукоризненно распланированнымъ», «гигантскимъ», г. Драгановъ даетъ много аргументовъ противъ нея, указывая ея пробѣлы и недоразумѣнія. Свѣдѣнія о переводахъ (времени первоначальнаго ихъ появленія и количествѣ) и отчасти переводчикахъ расположены у него въ своеобразномъ порядкѣ: по языкамъ и по времени появленія переводовъ на нихъ. Языковъ, собственно, 51, хотя въ ихъ число включены «эсперантистскій» и «червонорусскій, или русинскій», т. е. «общерусскій литературный языкъ, но съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма незначительныхъ мѣстныхъ идіомовъ русской рѣчи въ фонетикѣ, главнымъ образомъ въ лексиконѣ и въ слабой степени даже въ правописаніи»: такъ въ число «переводовъ» Пушкина попали его *дословныя* заграничныя перепечатки, сдѣланныя галицкими руссофилами!

Книга г. Драганова вызвала рядъ журнальныхъ и газетныхъ отзывовъ и замѣтокъ [1]).

Было указано значительное количество пропусковъ и недоразумѣній.

Не повторяя уже указаннаго, отмѣтимъ нѣсколько сдѣланныхъ нами наблюденій надъ этою странною книгой.

Плохо справляясь съ русскою рѣчью, г. Драгановъ дѣлаетъ мѣстами свое изложеніе неудопонятнымъ. У него заурядъ попадаются такія фразы: «этотъ списокъ, свидѣтельствующій о постепенномъ движеніи иноязычныхъ произведеній Пушкина по земной поверхности, притомъ о движеніи во времени и пространствѣ, указываетъ каждому переводившему его языку, какое именно мѣсто занимаетъ этотъ языкъ-народъ «по старшинству» со времени заключенія знакомства съ любимѣйшимъ русскимъ авторомъ, и списокъ этотъ можетъ служить показателемъ лишь степени любознательности иноязычныхъ литературъ и первоначальнаго ихъ рвенія среди мно-

---

[1]) Въ „Русской Мысли“, „Новомъ Времени“ и пр.

Digitized by Google

жества языковъ и народовъ міра по этой части; но вовсе еще не можетъ служить доказательствомъ дѣйствительнаго усердія и дѣйствительной распространенности произведеній Пушкина у того или иного народа, не говоря уже о тѣхъ иноязычныхъ переводахъ Пушкина, которые могли явиться въ свѣтъ лишь случайно» (стр. 3—4); «духовныя стихотворенія» А. С. Пушкина въ переводѣ на современный церковно-славянскій языкъ С. Пчельникова печатаются слѣдующія пьесы» (стр. 55) и пр. [1]).

Не давая почти никакихъ свѣдѣній, г. Драгановъ «попутно» дѣлаетъ много совершенно лишнихъ замѣчаній и впадаетъ въ многочисленныя ошибки.

Гете будто теперь назвали бы «парнасцемъ» (стр. 7); онъ, *„вмѣстѣ съ Гердеромъ“* (умеръ въ 1803 году!), умѣлъ найти и дѣйствительно нашелъ большой родникъ свѣжей поэзіи не только у Пушкина, но и въ ново-греческихъ пѣсняхъ клефтовъ и въ сборникѣ пѣсенъ Вука Караджича и Пропера (sic) Мериме» (ib.). Въ главѣ о польскихъ переводахъ (стр. 13) довѣрчиво повторяется фантастическій разсказъ Ковальскаго, давно уже опровергнутый, соединившій Пушкина и Мицкевича, вопреки достовѣрнымъ фактамъ, въ Одессѣ въ 1825 г. «Перебендя» Шевченка названъ (стр. 17) переводомъ Пушкинскаго «Пророка» (!!), и тому же поэту приписанъ небывалый переводъ стихотворенія «Поэтъ и Чернь» («Чернь»?). Объ одномъ изъ переводовъ (молдавскомъ) помѣщено удивительное замѣчаніе (стр. 21): «переводъ этотъ составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость, быть можетъ, даже онъ и не былъ напечатанъ никогда».

Вся глава о персидскихъ *переводахъ Пушкина* свелась къ указанію на персидское стихотвореніе о Пушкинѣ Ахундова (стр. 26—28). Переводъ на русскій языкъ сдѣланъ самимъ авторомъ и подвергся двойнымъ измѣненіямъ—Клементьева и Марлинскаго. Въ 1880 г. нѣкто S. переложилъ русскій переводъ, не совсѣмъ удачно, въ стихи. Между тѣмъ г. Драгановъ говоритъ о трехъ переводахъ «съ рукописнаго подлинника, въ настоящее время затерянnаго», и послѣдній переводъ почему то называетъ «подстрочнымъ».

---

[1]) Особенно характерны въ этомъ отношеніи начало XXIX отдѣла (стр. 40) и середина 45 стр.

Digitized by Google

На стр. 34 «Мятель» названа «стихотвореніемъ»; заглавія другихъ Пушкинскихъ произведеній (къ нимъ г. Драгановъ почему то прибавляетъ эпитетъ «словесный» — стр. 43) цитируются въ искаженномъ видѣ: «Разговоръ купца съ поэтомъ», «Рославлева» (стр. 34]; «анонимная повѣсть Дубровскій» (стр. 42); строфа систематически смѣшивается со строкой (стр. 44, 52). «Путешествіе въ Арзрумъ» якобы «классическій по краткости этнографическій очеркъ» (стр. 46).

Заглавія мѣстами цитируются такъ: «составилъ — отдѣлъ II. Одесса. П. Францовъ».

Часто авторъ пускается по поводу сообщаемыхъ библіографическихъ фактовъ въ своеобразныя умствованія.

Пушкинъ сказалъ про Гвадалквивиръ только то, что онъ «шумитъ, бѣжитъ». Это не помѣшало г. Драганову утверждать: «несмотря на то, что онъ (Пушкинъ) никогда не бывалъ за границей (то же (?!) было впослѣдствіи и съ М. Е. Салтыковымъ-Щедринымъ), благодаря лишь своему литературному знакомству съ внѣшнимъ міромъ, въ частности и съ Испаніей, Пушкинъ такъ описывалъ Гвадалквавиръ и испанскую жизнь, какъ будто онъ видѣлъ все это своими глазами» (стр. 46).

Авторитетность г. Драганова во всемъ, что касается Испаніи, ярко сказалась и на оцѣнкѣ одного изъ испанскихъ переводовъ (стр. 47): «переводъ знаменитой повѣсти, *повидимому*, весьма тщательный... По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что переводъ сдѣланъ не съ русскаго подлинника, а съ французскаго перевода, но *работа весьма добросовѣстная*. Самое интересное въ ней то, что многія характерныя русскія слова переданы латиницей и оставлены въ текстѣ безъ перевода».

Основываясь на своихъ очень неполныхъ свѣдѣніяхъ о первоначальныхъ переводахъ, г. Драгановъ распекаетъ отдѣльныя народности за слишкомъ позднее знакомство съ Пушкинымъ, говоритъ даже о «скандалѣ». Внимательныя библіографическія изысканія, несомнѣнно, измѣнятъ многія его даты первоначальныхъ переводовъ и поставятъ многорѣчиваго обвинителя въ комическое положеніе...

Отсутствіе подробностей относительно переводовъ, ненадежность многихъ указаній, довольно неожиданные экскурсы въ далекія отъ существа дѣла области, обиліе ошибокъ и недоразумѣній лишаютъ книгу г. Драганова всякаго научнаго значенія. Составителямъ будущей «Puschkiniana» она дастъ очень немного—послѣ тщательной провѣрки указаній, конечно, какъ и книга Межова.

Digitized by Google

14 Повидимому, неудовлетворительность Puschkiniana Межова и дальнѣйшій ростъ Пушкинскаго музея заставили Александровскій Лицей издать особое «Описаніе Пушкинскаго музея» (гг. Аснаша и Яхонтова, подъ ред. Шляпкина, Спб., 1899). Спеціальная критика отнеслась къ этому изданію не вполнѣ справедливо: къ нему предъявили несоотвѣтствующія требованія и слишкомъ выдвинули недостатки, забывая о крупныхъ достоинствахъ.

Предисловіе ясно указываетъ поставленную себѣ составителями цѣль: «являющееся нынѣ «Описаніе Пушкинскаго Музея» имѣетъ своею цѣлью дать точный перечень всего находящагося въ немъ. Это не библіографическій указатель, а каталогъ, назначеніе котораго —познакомить желающихъ съ теперешнимъ положеніемъ Музея, указать имѣющіеся въ немъ пробѣлы и такимъ образомъ облегчить возможность дальнѣйшаго пополненія нашего собранія» (стр. XIX —XX).

Такова скромная задача, выполненная вполнѣ добросовѣстно. Можно возражать противъ принятыхъ отдѣловъ и распредѣленія матеріала по нимъ, можно указать рядъ частныхъ промаховъ (напр., повторены нѣкоторыя ошибки Межова), но въ цѣломъ это не только хорошій каталогъ, но и цѣнные матеріалы для будущей полной Пушкинской библіографіи, какъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ —съ подлинниковъ, а не изъ чужихъ указаній [1]). Отдѣловъ 10: 1) автографы, факсимиле, старинныя копіи писемъ и сочиненій А. С. Пушкина, его рисунки, документы и письма къ нему и о немъ; 2) предметы и вещи, принадлежавшіе А. С. П., бюсты и модели памятниковъ поэта; предметы, ему посвященные; 3) портреты А. С. П. и его родныхъ друзей и знакомыхъ, сцены изъ жизни поэта; виды мѣстностей, гдѣ жилъ А. С. П., рисунки къ его сочиненіямъ

---

[1]) Такое же значеніе могутъ имѣть каталоги выставокъ: 1) каталогъ Пушкинской выставки, устроенной Комитетомъ Общества для пособія нужд. литер. и ученымъ, Спб., 1880; 2) Общ. Люб. Рос. Слав., М., 1899; 3) Пушк. юбил. выставки въ Академіи Наукъ (и дополненіе къ каталогу), Спб., 1899., 4) Каталогъ Пушкинской выставки въ Одессѣ, 1899., 5) Каталогъ книгъ, гравюръ и разныхъ предметовъ, представленныхъ на Пушкинскую выставку въ г. Астрахани, 26 февраля 1899 г.; 5) Московскій Публичный Румянцевскій Музей, Пушкинская выставка, 1899, указатель; 7) Каталогъ Пушкинской выставки въ Московской 5 гимназіи въ октябрѣ 1899.; 8) Матеріалы для каталога Пушкинской юбилейной выставки въ г. Ярославѣ, Ярославль, 1899.

Digitized by Google

22

и пр.; 4) отдѣльно вышедшія сочиненія А. С. П., полныя собранія сочиненій А. С. П., изданія самого А. С. П. (на русскомъ языкѣ); 5) альманахи, сборники, газеты, повременныя и періодическія изданія на русскомъ языкѣ, заключающіе въ себѣ оригинальныя произведенія А. С. П., біографическія, критическія и библіографическія статьи о немъ и его произведеніяхъ, описанія торжествъ, стихотворенія, посвященныя его памяти и пр.; 6) сочиненія на русскомъ языкѣ, цѣликомъ или частями посвященныя Пушкину, вышедшія въ свѣтъ отдѣльно: біографіи, критики, библіографіи, учебники, описанія торжествъ, стихотворенія, посвященныя памяти поэта и т. д. 7) А. С. П. въ произведеніяхъ музыкальнаго и драматическаго искусства; стихотворенія А. С. П., положенныя на музыку; драматическія произведенія, повѣсти и поэмы, послужившія сюжетомъ для оперъ, балетовъ, комедій и драмъ; либретто оперъ и балетовъ; музыкальныя и драматическія произведенія, посвященныя памяти поэта; 8) переводы и передѣлки сочиненій А. С. П. на иностранные языки, статьи о П. и его сочиненіяхъ всевозможнаго (?) содержанія; 9) Lyceana, свѣдѣнія о Лицеѣ 1811—1817 гг.; біографіи лицеистовъ I-го курса и все до нихъ относящееся; памятныя книжки Лицея, 10) смѣсь.

Справки по каталогу нелегки благодаря сложности, запутанности и даже противорѣчивости дѣленія по отдѣламъ, а также вслѣдствіе не вполнѣ удачнаго указателя, въ которомъ, напр., письма Пушкина къ Туманскому поставлены (стр. 466) подъ словомъ *два* (по ихъ числу, какъ ниже *двѣ* повѣсти); попадаются такія туманныя обозначенія, какъ «дѣло по I экспедиціи IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи» (стр. 467) и проч.

Это—самая слабая сторона «Описанія».

III.

Значительное оживленіе въ Пушкинской библіографіи вызвалъ юбилейный 1899 г. Юбилейная литература быстро и сильно разрослась, захватилась 1900—1901 гг. и выразилась въ рядѣ перечней и попытокъ подведенія итоговъ.

Въ петербургскомъ «Пушкинскомъ Сборникѣ» (стр. 673—674) г. Кульманъ далъ настолько бѣглый и неполный (безъ всякихъ по-

Digitized by Google

ясненій) «указатель Пушкинскій юбилейной литературы», что онъ оказался значительно меньше *торговыхъ* объявленій о Пушкинской литературѣ въ «Новомъ Времени» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (юбилейнаго періода).

Въ іюльскомъ номерѣ «Вѣстника Европы» появился очеркъ г. А. П.: «Литературное обозрѣніе. Пушкинская литература. Новыя книги и брошюры» (стр. 408—428). Почтенный авторъ составлялъ свой обзоръ тогда, когда юбилейная литература только начала еще выходить: у него было подъ руками только 34 изданія.

Свидѣтель торжества 1880 г., онъ невольно сопоставилъ его съ новѣйшимъ юбилейнымъ празднованіемъ, о которомъ въ печати было выказано такъ много нелестнаго,—и сопоставилъ вполнѣ безпристрастно и справедливо.

«Празднества 26 мая были важнымъ фактомъ въ нашей общественной жизни. Литературное торжество вызвало сочувствія въ такихъ сферахъ, въ какихъ оно еще не проявлялось, и сочувствія получали реальный характеръ. Праздникъ 1880 года происходилъ, собственно говоря, въ тѣсномъ кругѣ общества: онъ былъ только литературный; нынѣшній праздникъ, по справедливому замѣчанію одного оратора [1]), былъ «педагогическій»: дѣйствительно, онъ распространился на всю школу и, слѣдовательно, обнималъ гораздо больній районъ, распространяясь на все школьное поколѣніе; тотъ же ораторъ выразилъ надежду, что придетъ время, когда этотъ праздникъ будетъ, наконецъ, народнымъ. 26 мая дало не малыя пріобрѣтенія въ историко-литературномъ и общественномъ смыслѣ: оно было новымъ шагомъ въ пониманіи Пушкина. Юбилейныя годовщины нерѣдко даютъ такія серьезныя пріобрѣтенія, потому что побуждаютъ снова пересмотрѣть вопросъ о дѣятельности историческаго лица, при чемъ въ историческомъ отдаленіи вѣрнѣе опредѣляются условія этой дѣятельности, трудности, какія ей приходилось побѣждать, и дальнѣйшій результатъ, въ которомъ сказывается ея вліяніе. На этотъ разъ не явилось цѣльной работы подобнаго рода, исчерпывающей вопросъ; но зато явились широкія начинанія, знаменательные отдѣльные этюды, которые завершаютъ сдѣланное до сихъ поръ и даютъ прекрасныя указанія для послѣдующихъ работъ надъ Пушкинымъ» (стр. 416). Цѣли автора выясняются слѣдующими его сло-

---

[1]) В. П. Острогорскаго.

Digitized by Google

вами: «мы не имѣемъ въ виду давать полнаго обзора литературы, вызванной 26-мъ мая; ее и не легко собрать въ эту минуту; но мы укажемъ нѣсколько фактовъ, которые дадутъ понятіе о томъ, какъ расширялся, съ одной стороны, біографическій и историко-литературный интересъ къ Пушкину, съ другой стороны—педагогическій и популярный» (ib.).

Разборъ отдѣльныхъ изданій и является дальнѣйшимъ развитіемъ и подтвержденіемъ этого общаго положенія.

«Извѣстія книжныхъ магазиновъ Вольфа» (1899, № 9—10, стр. 199—208) дали небольшую и безсодержательную статейку г. К. С—скаго [1]) «Пушкинская литература», охватившую очень небольшое количество изданій и обнаруживающую весьма небольшое знакомство съ ними.

Далеко не отличается полнотой, но недурно знакомитъ, хотя и въ поэтическомъ безпорядкѣ, съ содержаніемъ и общимъ характеромъ разбираемыхъ книгъ, въ общемъ немногихъ, статья г. Еленина: «Юбилейная литература о Пушкинѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1899, VII, 264—282; VIII, 592—613). Особенно подробно останавливается авторъ на «Матеріалахъ» Майкова, статьѣ проф. Сумцова о «женской ножкѣ въ стихотвореніяхъ Пушкина», Пушкинскихъ сборникахъ (въ томъ числѣ и стихотвореній о великомъ поэтѣ) и проч. Онъ, собственно, и ставилъ себѣ цѣль выяснить «типы литературныхъ изданій, посвященныхъ поэту и вышедшихъ въ послѣднее время» (стр. 613). Свою основную точку зрѣнія и конечный выводъ онъ формулируетъ такъ: «литературно-издательская предпріимчивость не оказалось особенно изобрѣтательною, и наряду съ хорошими работами и изданіями появилась масса невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ, преслѣдующихъ грубо-спекулятивныя цѣли. Однако начавшееся академическое изданіе Пушкина, цѣлый рядъ біографическихъ и историко-литературныхъ матеріаловъ, критическая разработка нѣкоторыхъ вопросовъ Пушкинской поэзіи,—все это, вмѣстѣ взятое, позволяетъ высказать отрадную увѣренность въ томъ, что въ пережитые нами дни чествованія столѣтія со дня рожденія поэта положено прочное начало всестороннему изученію жизни и общественныхъ мотивовъ его творчества. Это изученіе привлечетъ

---

[1]) Такого же достоинства „Пушкинскія статьи и матеріалы о Пушкинѣ“ Л. Б.—„Научное Обозрѣніе“, 1899, іюль, 1110—1121.

Digitized by Google

къ себѣ много научныхъ и литературныхъ силъ, которыя, надо надѣяться, выполнятъ лежащій на насъ общественный долгъ передъ памятью поэта и помогутъ проложить въ народной средѣ тотъ путь грамотности и просвѣщенія, по которому завѣты великаго учителя дойдутъ до сердца народа и сольются въ немъ съ глубочайшими основами его духовнаго быта и идеальныхъ стремленій» (ib.).

Изученіе отдѣльныхъ произведеній привело его къ такому общему выводу. «Закончилось чествованіе столѣтія со дня рожденія величайшаго изъ поэтовъ русскихъ; объединивъ въ общемъ чувствѣ признательности и восторга людей самыхъ различныхъ направленій, степеней образованія и рода занятій, оно отходитъ въ область воспоминаній, становится историческимъ фактомъ. То единодушіе, съ которымъ ученыя и образовательныя учрежденія, литературныя и художественныя общества, органы печати и частныя лица сдѣлали день 26 мая торжественнымъ праздникомъ русской мысли, заслуживаетъ высокаго общественнаго признанія и, несомнѣнно, будетъ отмѣчено свѣтлой чертой въ исторіи роднаго просвѣщенія. Немалая заслуга будетъ признана и за текущей литературой, которая много содѣйствовала уясненію историческаго значенія переживавшагося момента и внесла значительный вкладъ въ дѣло всесторонняго изученія сочиненій нашего поэта и опредѣленія характера и стремленій его эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, къ 26 мая появилось огромное количество новыхъ книгъ, брошюръ и журнальныхъ и газетныхъ статей, связанныхъ съ именемъ Пушкина, раскрывающихъ или его сочиненія съ небывалой прежде полнотой и точностью, или обстоятельства, при которыхъ они создавались, или, наконецъ, освѣщающихъ ту или другую сторону его изумительнаго по разнообразію проявленій поэтическаго генія. Историкъ литературы найдетъ въ нихъ чрезвычайно цѣнныя указанія, которыя, быть можетъ, во многомъ измѣнятъ взгляды на нѣкоторыя особенности творчества поэта и на процессъ его духовнаго развитія; во всякомъ случаѣ ему придется считаться со всею наличностью новаго матеріала о Пушкинѣ, гдѣ онъ прежде всего увидитъ необходимость строгой критической оцѣнки каждаго «новаго слова» и, наряду съ цѣннымъ и существенно важнымъ, найдетъ много противорѣчивыхъ, а иногда и завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній и поверхностныхъ сужденій, принадлежавшихъ перу случайныхъ цѣнителей, критиковъ по недоразумѣнію. Сдѣлать это въ небольшой журнальной статьѣ невозможно, да и, пожалуй, еще преждевременно, но хотя въ общихъ чертахъ разо-

Digitized by Google

браться въ обширномъ матеріалѣ этого рода и указать на его существенные признаки—можетъ, намъ думается, представить задачу, не лишенную извѣстнаго значенія и интереса».

До извѣстной степени эта задача и выполнена авторомъ.

Многія изъ юбилейныхъ изданій такъ запоздали, и ихъ въ общемъ накопилось такъ много, что явился рядъ попытокъ дать обзоръ всего напечатаннаго не только въ 1899, но и въ 1900—1 гг.

Самыя слабыя изъ нихъ принадлежатъ гг. Яворскому и Щеголеву [1]. Первый очень бѣгло и поверхностно характеризуетъ всего десять изданій, въ число которыхъ вводитъ и собственную ничтожную брошюрку о сказкахъ Пушкина; второй имѣлъ подъ руками гораздо больше матеріалы, но воспользовася имъ очень странно.

Это—радъ безсвязныхъ замѣтокъ объ отдѣльныхъ книгахъ, разбросанныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ. Иногда даже онѣ совсѣмъ не отдѣлены другъ отъ друга (напр., на стр. 223 отъ вліянія Пушкина на Майкова, Мея, Фета крутой переходъ къ выясненію значенія Пушкина въ музыкѣ») [2]).

Авторъ не считаетъ для себя обязательными элементарныя правила критики и библіографіи: нигдѣ не указаны года и мѣста изданій; весь разборъ сводится къ выхваченной наудачу цитатѣ, стилистической придиркѣ, огульному и ничѣмъ не подтвержденному порицанію или ничѣмъ необоснованной похвалѣ, нѣсколькимъ случайнымъ замѣчаніямъ, часто не идущимъ къ дѣлу и ошибочнымъ; то, что указывается, даетъ, за рѣдкими исключеніями, очень мало понятія о содержаніи и общемъ характерѣ книги, хотя недурно рисуетъ самого г. Щеголева.

Вотъ кой-что, немногое изъ многаго, по части его фактическихъ свѣдѣній.

На стр. 186 онъ утверждаетъ (какъ всегда, очень рѣшительно), будто бы статья Л. Н. Майкова: «Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ», до его сборника «Пушкинъ», «еще нигдѣ не была

---

[1]) Javorskij Puškinovo jubileum v ruské literature – „Slovansky Přehled", 1900, V, 225—7. Д. Щеголевъ „Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной линературы 1899 г." „Пушкинскій Сборникъ. Статьи студентовъ Московскаго университета подъ редакціею проф. Кирпичникова", М., 1900, стр. 177–236.

[2]) На стр. 200 ссылка на разобранные „выше аналогичные сюжеты", хотя ничего подобнаго выше не было.

Digitized by Google

напечатана, хотя ее нетрудно было разыскать—въ «Русскомъ Обозрѣніи». На стр. 195 сказано, что «слово Радша одинаково необъяснимо ни изъ нѣмецкаго, ни изъ литовскаго, ни изъ славянскихъ языковъ», хотя его уже давно сближали съ Ро(а)стиславъ (въ сокращенной формѣ) и ему подобными формами; германская кровь допускается у Пушкина только въ силу его происхожденія отъ легендарнаго Радши, хотя ее можно было бы найти гораздо ближе—по женской линіи. Особенно интересенъ примѣръ на стр. 199.

«Авторъ (свящ. Троицкій) приписываетъ Пушкину предсмертное стихотвореніе: Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ.... Ни въ одномъ собраніи сочиненій такого стихотворенія нѣтъ. По формѣ оно тоже едвали можетъ принадлежать Пушкину». Не безъ величественности онъ замѣчаетъ: «очевидно, автору статьи не хватаетъ историко-литературной подготовки и подробнаго знакомства съ твореніями Пушкина».

Увы! «врачу, исцѣлися самъ!» Г. Щеголевъ имѣлъ несчастье попасть на общеизвѣстное стихотвореніе Пушкина, которое, напр., въ изданіи П. А. Ефремова (1882) помѣщено въ III томѣ на стр. 444—445, Литературнаго Фонда—т. II, стр. 159.

Дѣло становится еще хуже, когда онъ пускается въ болѣе сложныя разсужденія. Запутанный и очень спорный вопросъ о причинахъ разлада между Пушкинымъ и современными ему читателями разрѣшается очень просто (стр. 215): «намъ кажется, что онъ происходилъ, такъ сказать, отъ недостатка времени: читатели, воспитанные на литературѣ псевдоклассической и на поэзіи (Державина) были слишкомъ мало подготовлены къ воспріятію поэзіи Пушкина, новой и вслѣдствіе этого чуждой имъ и по формѣ и по содержанію. А между тѣмъ одно произведеніе слѣдовало за другимъ. Гдѣ же тутъ съ непривычки разобраться? Отсюда то и происходило и то странное на нашъ взглядъ явленіе, что лучшія, по нашему мнѣнію, произведенія Пушкина отнюдь не считались такими, а пальма первенства отдавалась произведеніямъ второстепеннымъ. Да и такъ ли ужъ значителенъ былъ разладъ?» Не правда ли, слѣды хорошей «историко-литературной подготовки и подробнаго знакомства съ твореніями Пушкина»? Какъ извѣстно, первыя произведенія Пушкина, быстро слѣдовавшія другъ за другомъ, дали ему рядъ блестящихъ тріумфовъ; разладъ, и очень сильный, начинается около 1830 г. и объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что общество все болѣе и болѣе поворачивало къ романтизму, иногда въ его менѣе художе-

Digitized by Google

ственныхъ, трескучихъ и крикливыхъ формахъ, а поэтъ все болѣе и болѣе сводилъ свое творчество на реальную почву.

Отдѣльныя критическія замѣчанія не лишены глубины и соли: «о выборѣ произведеній самого Пушкина можно сказать только, что составитель, очевидно, руководился мыслью дать все болѣе значительное по объему, вслѣдствіе чего сборникъ оказался наполненнымъ отрывками» (стр. 194), «къ достоинствамъ статьи надо отнести еще ея краткость» (стр. 203) и пр. Расхвалена затѣмъ совсѣмъ ничтожныя, переполненныя грубѣйшими ошибками книжонки (стр. 210, 216, 226, 233). Обзоръ достойно завершается перечнемъ: «библіографія 1899 г. (также книги, вышедшія вторымъ изданіемъ)». Въ немъ не обозначены, по усвоенной г. Щеголевымъ странной привычкѣ, мѣста и года изданій. Въ него включены почему то старыя изданія, не имѣющія никакого отношенія къ 1899 г. (Анненковъ, Архангельскій, Либровичъ, Незеленовъ, Острогорскій, Павлищевъ, Трубачевъ, Черняевъ, Южаковъ)—вѣроятно, потому, что объявленія о нихъ печатались въ газетахъ втеченіе юбилейнаго періода; попали и не существующія изданія: Буренинъ, критическіе этюды о Пушкинѣ, Острогорскій, Пушкинъ въ народной школѣ (если это не оттискъ изъ «Вѣстника Воспитанія»); Скобичевскій, Воспитательное значеніе Пушкина; Борзенковскій—вѣроятно, искаженное Борзаковскій, Владиміровъ—г-жа Владимірова; очень сомнителенъ, какъ авторъ Антокольскій (издатель?). Въ числѣ изданій сочиненій Пушкина упомянуты въ разныхъ мѣстахъ: А. Н. Мамонтова въ 3-хъ т. т., Черноярова, художественное изданіе соч. Пушкина, хотя имѣется въ виду собственно одно изданіе. Въ число сочиненій включены и альбомы; «Пушкинскій уголокъ» почему то повторенъ дважды. Въ самомъ концѣ перечислены «сочиненія безъ имени автора»: «Поэтъ-Пушкинъ. Общедоступное чтеніе»—вѣроятно, старая и общеизвѣстная книга Филонова, «Сборникъ статей о Пушкинѣ»—повидимому, искаженіе заглавія сборника Романова, «Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ Пушкина»—несомнѣнно, извѣстная брошюра г. Рункевича, «Шутки и остроты Пушкина»—или сборникъ г. Эгля (Спб., 1899), или сборникъ г. Козмана (Одесса, 1900). Такъ составляютъ у насъ библіографическіе труды!

Иное впечатлѣніе производитъ «Очеркъ Пушкинской юбилейной литературы» г. Лободы (Кіевъ, 1900, изъ «Чтеній въ Ист. Общ. Нестора Литописца», XIV).

Digitized by Google

Это-очень сжатый и довольно полный библіографическій обзоръ, мѣстами переходящій въ перечень и дающій вообще очень краткую характеристику указываемыхъ произведеній. Наряду съ отдѣльными изданіями указываются часто журнальныя и .газетныя статьи. Въ основѣ изложенія нѣтъ опредѣленнаго плана, переходы отъ одного отдѣла къ другому иногда отличаются искусственностью, однородныя произведенія разсматриваются въ разныхъ мѣстахъ обзора.

Въ основной точкѣ зрѣнія автора нельзя не отмѣтить извѣстной широты и полнаго безпристрастія, между тѣмъ какъ большинство другихъ обзоровъ ударялось въ излишній (нѣсколько наивный) оптимизмъ или предвзятый пессимизмъ.

«Столѣтняя годовщина со дня рожденія Пушкина отпразднована было широко и разнообразно. Не обошлось, правда, безъ недочетовъ, шероховатостей, ненужныхъ фразъ и упрековъ,; сквозила иногда искусственность и преувеличенность восторговъ,.. но это лишь тѣни, печальныя, досадныя, не закрывшія, однако, общей свѣтлой картины, о которой наглядно свидѣтельствуетъ юбилейная литература о Пушкинѣ» (стр. 5).

Въ юбилейной литературѣ, «пожалуй, нѣтъ тѣхъ вдохновенныхъ. полныхъ высокаго энтузіазма для рѣчей, какими сопровождалось, напр., открытіе памятника Пушкина. Быть можетъ, найдутъ, что нѣтъ въ ней и такихъ работъ, которыя проливали бы совершенно новый свѣтъ на Пушкина; не богата юбилейная литература и новыми находками. Повидимому, все главное уже найдено, и на очереди-разработка матеріала, а эта послѣдняя работа на юбилеѣ была представлена далеко не худо, ибо среди юбилейныхъ трудовъ есть такіе, которые надолго сохранятъ свое значеніе и даже станутъ необходимыми пособіями въ дальнѣйшемъ. Правда, наряду съ ними есть много и такихъ, гдѣ повторяется старое, гдѣ видно больше усердія и наивнаго преклоненія передъ памятью поэта, чѣмъ пониманія его; но вѣдь первая и главная цѣль юбилеевъ—освѣжить въ память общества вспоминаемое событіе, а эта цѣль во всякомъ случаѣ была достигнута и притомъ въ такихъ размѣрахъ, какъ никогда ранѣе. Осуществлена была и другая цѣль юбилея: былъ вызванъ подъемъ духа и интересъ къ чествуемому, родилось желаніе высказаться и внести хоть ленту въ общую сокровищницу, а это также не малое дѣло—и любопытно хотя бы въ статистическомъ отношеніи, такъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ обширенъ кругъ почитателей поэта, какъ

Digitized by Google

обширны и разнородны тѣ вопросы, которые способна возбуждать его поэзія» (стр. 33—34).

Г. Ляцкій («Итоги Пушкинской годовщины» — «Образованіе», 1900, іюль—августъ, стр. 174—184) даетъ суммарную характеристику юбилейной литературы, проникнутую глубокимъ, но не вполнѣ обоснованнымъ пессимизмомъ, если не считать мимолетныхъ упоминаній о неудачѣ появившихся къ юбилею изданій сочиненій Пушкина [1]) и посвященныхъ ему сборниковъ.

По своему общему тону его «Итоги» примыкаютъ къ статьѣ г. Плеханова: «Неудавшійся праздникъ» («Русское Богатство», сборникъ).

Для яркости общей картины г. Ляцкій пользуется даже преувеличенными газетными толками о почти полномъ незнакомствѣ псковскаго населенія съ Пушкинымъ, хотя они своевременно вызвали компетентныя возраженія и ограниченія, и сильно подчеркиваетъ общественное недовольство юбилеемъ, сводя все къ неудачности юбилейной литературы.

Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ крайній пессимизмъ такъ же далекъ отъ истины, какъ и крайній оптимизмъ, и въ значительной степени былъ предвзятымъ, зависѣлъ отъ неудачныхъ ожиданій таинственнаго вѣщаго слова, которое всѣхъ бы всколыхнуло, всѣмъ прожгло бы сердце—при чемъ заранѣе было рѣшено, что такихъ «глаголовъ» по нынѣшнимъ временамъ и быть не можетъ...

«Шумиха звонкихъ фразъ и трескотня газетныхъ статей, вызванная послѣдними Пушкинскими днями въ обѣихъ столицахъ, создали на унылой въ общемъ поверхности нашей общественной жизни бурную пѣну дешевыхъ восторговъ и лицемѣрнаго преклоненія, въ которой потонули скромныя проявленія искренней признательности къ памяти величайшаго русскаго поэта... Пѣна сплыла, личные счеты, столь обильно полчитые при такомъ удобномъ случаѣ, отошли на задній планъ, и въ литературѣ съ поразительной ясностью обнаружились жалкіе итоги того, чѣмъ встрѣтили скорбный ликъ поэта, вѣнчаннаго лаврами и цвѣтами, наша литература и наука, интеллигенція и ревнители народнаго просвѣщенія» (стр. 174).

---

[1]) Въ число ихъ не совсѣмъ справедливо зачислено и академическое изданіе. Мы не согласны съ высокой оцѣнкой изданія г. Морозова. Напрасно не упомянуто хорошее народное изданіе г. Острогорскаго.

Digitized by Google

Юбилейныя рѣчи, среди которыхъ были изящныя и глубокія характеристики А—ра Н. Веселовскаго, проф. Назимова и нѣк. др., вызвали такой рѣзкій отзывъ: «отсутствіе таланта, оригинальности, остроумія, своего рода поэзіи, всего того, что дѣлаетъ рѣчь художественнымъ произведеніемъ, каковымъ она только и можетъ быть по существу, когда предметомъ ея является поэзія и искусство» (стр. 175).

Характерная и цѣнная особенность юбилея — участіе въ немъ самыхъ разнообразныхъ спеціалистовъ, иногда подходившихъ къ великому поэту съ совсѣмъ неожиданныхъ и новыхъ сторонъ. Ихъ взгляды иногда бывали односторонними, но въ общей суммѣ, при сопоставленіи и общемъ сводѣ, способствовали уясненію личности и творчества Пушкина.

Автору «Итоговъ» она очень не понравилась: еслибы напечатать всѣ эти рѣчи подъ рядъ и затѣмъ прочитать, «то вмѣсто того, чтобы еще болѣе возлюбить Пушкина, его можно было бы навсегда возненавидѣть, подобно тому, какъ можно возненавидѣть собственное изображеніе, отраженное въ тысячѣ вогнутыхъ и выпуклыхъ зеркалъ»; «всѣ они были правы съ своей точки зрѣнія, насколько имъ виденъ былъ Пушкинъ, отвѣчавшій многосторонностью и глубиной своего генія самымъ разнообразнымъ запросамъ мысли и чувства; у всякаго былъ *свой* Пушкинъ, который и выдавался каждымъ за единственно вѣрно понятаго, единственно точно оцѣненнаго и охарактеризованнаго, словомъ, наиболѣе подлиннаго поэта, гражданина, человѣка» (ib.).

Но это—вполнѣ естественно и для общаго итога даже полезно, общая же формула, которая могла бы всѣхъ удовлетворить и примирить, врядъ ли теперь и возможна...

«Если въ рѣчахъ столичныхъ ораторовъ образъ Пушкина вышелъ кривымъ и мертвымъ, то не лучше обстоялъ дѣло и съ трудами нашихъ ученыхъ отъ литературы и исторіи по изученію подлиннаго Пушкина, какимъ онъ сказался въ своихъ сочиненіяхъ, письмахъ, біографическихъ и историческихъ данныхъ, имѣющихъ къ нему отношеніе» (стр. 177)—хотя среди нихъ были прекрасные труды Л. Н. Майкова, П. Н. Жданова, проф. Дашкевича, Истрина, Некрасова и мн. др.

«Двѣ-три книги біографическаго характера, дающія нѣсколько новыхъ матеріаловъ для біографіи поэта... нѣсколько болѣе чѣмъ посредственныхъ въ общемъ юбилейныхъ сборниковъ да сотни бро-

Digitized by Google

шюръ съ рѣчами и компилятивными статьями—вотъ изъ чего сложилась литература о Пушкинѣ, предназначенная спеціально къ тому, чтобы праздникъ юбилейныхъ обѣдовъ и разукрашенныхъ флагами улицъ сдѣлать праздникомъ русской мысли, потрудившейся надъ данью признательности національному поэту» (стр. 177—178).
Въ университетскихъ сборникахъ «наглядно отразилось какое то безсиліе мысли, воспитанной сухой работой начетчика, который посѣдѣлъ въ искусствѣ разбирать знаки полуистлѣвшихъ рукописей, но утратилъ всякую способность творческаго увлеченія и поэтическаго восторга» (183). Нѣкоторое значеніе имѣютъ только труды лицъ, «сообщившихъ неизвѣстныя прежде документальныя данныя о Пушкинѣ» (184).

«Для юбилея 26 мая мало было сдѣлано полезнаго, ничего капитальнаго, что увѣковѣчило бы этотъ день въ родной литературѣ; отъ юбилея скорѣе «отдѣлывались», чѣмъ «дѣлали» для него во имя торжества русской художественной и научной мысли. Главное — не было могучей силы, которая могла скрасить и оживить мертворожденныя груды компилятивныхъ посвященій поэту,—не было таланта, не было неподдѣльнымъ восторгомъ рожденнаго слова, проникнутаго огнемъ и жизнью, а только такое слово могло бы всколыхнуть наше сонное общественное теченіе и хотя на мгновеніе пріобщить насъ къ тому источнику духа и свѣта, по которому «дорогою свободной» царственной поступью шелъ Пушкинъ, увлекаемый «свободнымъ умомъ» и томимый духовной жаждой. Не было порыва, увлеченія, оторванности отъ суеты злободневной, и потому флаги, громкія слова и обыденныя ликованія явились лишь ненужной и горькой ироніей» (ib.).

Мы нарочно подробнѣе остановились на этой статьѣ, потому что она, какъ и статья г. Пѣшехонова, очень характерна для одного теченія нашей общественной мысли, ярко сказавшагося въ «Пушкинскіе дни», но, по нашему мнѣнію, въ основѣ своей произвольнаго и не оправдываемаго фактами. Очень типичны—и это ожиданіе мистическаго «слова», и признаніе вялости общественнаго сознанія, и невозможность откликнуться даже на дѣйствительные «жгучіе глаголы»—въ силу предвзятаго къ нимъ недовѣрія!

Какъ все это напоминаетъ Пушкина:

Мы малодушны . . . .
. . . . . .

Digitized by Google

Мы сердцемъ хладные скопцы...
. . . . . .
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя...

Противъ такой точки зрѣнія сдѣланы подробныя возраженія въ статьѣ W: «Итоги Пушкинской юбилейной литературы» (Русская Мысль» 1900, VIII, 43—59; IX, 132—160; X, 82—110).

Въ библіографическомъ отношеніи этотъ обзоръ полнѣе всѣхъ предшествующихъ, хотя и въ немъ есть пробѣлы [1]). Въ него вошли только отдѣльныя изданія.

За общей характеристикой юбилея слѣдуетъ 7 отдѣловъ; 1) и 2) обзоры чествованій и сборники, 3) изданія сочиненій, 4) біографіи и біографическіе матеріалы, 5) характеристики, 6) драматическія изображенія, 7) библіографическія работы и альбомы.

Въ концѣ данъ такой итогъ—«Итоговъ» («Рус. Мысль», 1900, X, стр. 109—110).

«Передъ нами прошла пестрая вереница талантливыхъ и бездарныхъ, дѣльныхъ и ничтожныхъ, добросовѣстныхъ и наглоспекулятивныхъ изданій о великомъ поэтѣ. Много въ нихъ отталкивающаго, нечестнаго, невѣжественнаго и произвольнаго, но есть и крупные вклады въ многотысячную «Puschkiniana», цѣнные по фактамъ и высоинтересные по выводамъ. Къ поэту пробовали, и часто удачно, подходить съ новыхъ, не тронутыхъ доселѣ сторонъ; для изученія его творчества открыли новыя, очень заманчивыя и широкія перспективы; мы лучше теперь знаемъ и откровеннѣе можемъ говорить объ условіяхъ личной, семейной, общественной жизни человѣка и дѣятеля; у насъ есть начало перваго научнаго, академическаго изданія, которое, можно надѣяться, будетъ продолжаться. Это во всякомъ случаѣ крупный результатъ юбилея 1899 г., который не забудется ни въ исторіи русской литературы вообще, ни въ исторіи изученія ея главной красы и гордости въ частности».

Двѣ библіографическихъ работы по Пушкину еще не кончены

---

[1]) Въ приложеніи II перечислено все то, что не вошло въ него потому, что осталось автору неизвѣстнымъ во время составленія имъ обзора или появилось въ свѣтъ уже послѣ его напечатанія.

Digitized by Google

Первая — г. Державина: «А. С. Пушкинъ и юбилейная литература» (библіографическая справка)—въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» 1900 (I—II, 231—261).

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью «напомнить наиболѣе интересные факты изъ Пушкинской юбилейной литературы, а затѣмъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу наиболѣе оригинальныхъ юбилейныхъ работъ и ихъ отношенія къ поэту и его творчеству» (ib., 231—2).

Въ извѣстной намъ первой части этой работы пока очень мало «замѣчаній», въ общемъ неважныхъ, зато дано подробное изложеніе біографіи г. Венкстерна, *написанной еще* въ *1880* г., статей сборника Кіев. Педаг. Общ., статей «Недѣли», проф. Дашкевича, А—я Н. Веселовскаго и В. В. Сиповскаго.

Очень обстоятельнымъ, широко задуманнымъ и наиболѣе полнымъ обѣщаетъ быть только что начатый печатаніемъ «Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 г.» В. В. Сиповскаго (Ж. М. Н. пр.», 1901, II, 455—488) [1]).

По словамъ автора, цѣль его работы — «дать, по возможности, полный обзоръ всего того, что было напечатано о Пушкинѣ въ юбилейномъ 1899 и 1900 годахъ. Въ предѣлы нашего обозрѣнія не вошли лишь газетныя статьи (за небольшими исключеніями),— вся же остальная литература, поскольку она была намъ доступна, будетъ исчерпана въ нѣсколькихъ главахъ: 1) чествованіе 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина, 2) матеріалы въ юбилейной литературѣ, 3) біографіи и біографическіе очерки, 4) характеристики Пушкина, 5) исторіко-литературная оцѣнка Пушкина въ 1899 и 1900 гг., 6) изъ литературной исторіи Пушкинскихъ произведеній, 7) изданія Пушкинскихъ сочиненій и библіографія юбилейной литературы» (стр. 455).

Пока напечатана только первая глава, представляющая очень подробную и продуманную общую характеристику юбилейныхъ чествованій и ихъ оцѣнокъ.

---

[1]) Теперь уже эта работа закончена и вышла отдѣльной книгой.

Digitized by Google

Обзоръ библіографическихъ трудовъ о Пушкинѣ [1]) приводитъ насъ къ не очень утѣшительному выводу.

До сихъ поръ мы не имѣемъ сколько-нибудь удовлетворительной по полнотѣ и основательности указаній «Пушкиніаны», хотя для нея есть значительные матеріалы, очень неравнаго достоинства.

Они нуждаются въ тщательной провѣркѣ и осторожномъ систематическомъ сводѣ, которые, конечно, не по силамъ, въ виду размѣровъ, отдѣльнымъ лицамъ и которые могло бы взять на себя библіографическое общество (или группа спеціалистовъ-пушкиніанцевъ).

Будемъ надѣяться, что они дадутъ не голый перечень, который часто ничего не говоритъ ищущему справки читателю, а настоящій библіографическій указатель, полный, тщательно провѣренный и обстоятельный — какъ его понимали библіографы прежнихъ временъ, а не гг. Межовы.

В.л. Каллашъ.

---

[1]) Для полноты упомянемъ: „юбилейная литература о Пушкинѣ— очень жидкій и безсодержательный *обзоръ* 3 *брошюръ и 1 сборника* въ „Живомъ Словѣ“ (Львовъ 1899, VI, 380—382), перечисленіе переводовъ и газетныхъ статей—„А. С. Пушкинъ въ Прикарпатской Руси“ („Живое Слово“ 1899, V, 280—283), „Пушкинскій юбилей въ галицкой русской печати“ (ib. VI, стр. 369—370) и мою статью: „Г. Драгановъ и Puschkiniana Межова“ („Русская Мысль“, 1900, VII, 47—54), въ которой между прочимъ доказывается несостоятельность указателя Межова.

Digitized by Google

Приложеніе I.

Статьи о Пушкинѣ въ „Дамскомъ Журналѣ“ [1])

1. **1823**, I. 41: Черкесская пѣсня А. С. П.
   ib. (особое приложеніе); то же (слова Пушкина, музыка Геништа).
† 2. XVIII 217—221 (о переводахъ изъ Пушкина Дюпре де Сенъ Мора).
† 3. **1824**, VI, 249—250: Замѣтка о «Бахчис. Фонтанѣ» (очень сочувственная).
† 4. ib VII, 33—39: «о литературныхъ мистификаціяхъ, по случаю напечатаннаго въ 5-ой книжкѣ «Вѣстника Европы» втораго и подложнаго разговора между Классикомъ и издателемъ» Бахчис. Фонт.» кн. Вяземскаго.
† 5. VIII, 63—82: «разборъ Втораго Разговора, напечатаннаго въ 7 № «Вѣстника Европы» кн. Вяземскаго.
† 6. IX, 115—8: «мое послѣднее слово» кн. Вяземскаго.
7. ib., 119—123: «еще нѣсколько слова о Бахчисар. фонтанѣ, не въ литературномъ отношеніи» П. П—ва.
8. X, 165: выписка изъ писемъ Пушкина о «Разговорѣ» кн. Вяземскаго.
† 9. **1825**, VI, 242—6: разборъ «Евгенія Онѣгина».
10. VIII, 68—69: къ А. С. Пушкину, К. Ш.
11. XV, 90: Кобозевъ, Одесса (о Пушкинѣ).

---

[1]) Крестами обозначены указанныя Межовымъ. Въ скобки взяты его ошибочныя указанія.

Digitized by Google

12. XVII, 175—6: Черкешенка Пушкина, бар. Розена.
† 13. **1826**, II, 92—4: Стих. Пушкина.
14. XI, 109—110: «Евг. Онѣгинъ», гл. 2, стих. К. Ш.
15. XXIV, 257: объ участіи Пушкина въ «Моск. Вѣстникѣ».
16. XI, 261: Къ Пушкину, на подарокъ поэмою «Цыганы».
17. XX, 62: о популярности сочиненій Пушкина.
† 18. XXI, 112—115: «Евгеній Онѣгинъ», гл. III. [1827, 115—122].
19. **1827**, II, 69: объ исполненіи Тоси по-русски «Черной шали».
† 20. № 11, 261. Къ Пушкину К. Ш.
21. XIX, 22: о портретѣ Пушкина.
† 22. XX (о балетѣ «Кавказскій Плѣнникъ»).
23. **1828**. II, 90: о портретѣ П.
24. ib., 63—64: о живыхъ картинахъ изъ «Кавказ. Плѣнника» въ Астрахани.
25. IV, 212—213: о новыхъ изданіяхъ «Кавказ. Плѣнника» и «Руслана и Людмилы».
26. XVIII, 239: о подражаніи Пушкину Волкова.
27. **1829**, IV, 56: «Авторы» (Пушкинъ и Баратынскій).
† 28. XIV, 8: «Русскому Байрону, А. С. П.» Мечтателя.
† 29. 9—10: Къ А. С. П., К. Ш.
30. XVI, 40: «Полтава»», поэма А. С. П.
31. ib., 46; о «Байронѣ» Пушкина; о подражаніяхъ «Евг. Онѣг.»
32. XIX, 88—89: Полевой и Пушкинъ.
33. XXX, 61—62: простонародная почитательница Пушкина.
† 34. XLI, 27: Къ А. С. П. въ день рожденія.
35. L, 165—166: противъ увлеченія «Цыганами» и «Братьями разб.» Пушкина.
36. **1830**: II, 76; о славѣ Пушкина.
† 37. 108—111: объ «Евгеніи Онѣгинѣ» (тутъ же эпиграмма на Пушкина).
. . . . . [1]).
38. **1831**, II, 31: В. И. Козловъ о семействѣ С. Л. Пушкина.
39. VI: 93—95: Борисъ Годуновъ.
40. VII, 104: На посвященіе Пушкинымъ Годунова памяти Карамзина, Н. И. П.

---

[1]) Второго полугодія „Д. Ж“. за 1830 г. у насъ подъ руками не было.

Digitized by Google

† 41. XXXII, 151—154: Разговоръ о Бор. Год., С. Глинки.
42. XXX, 53: Пушкиной и Пушкину.
† 48. **1832**, X, 157—9 и XI, 171—175: Послѣднія главы «Евгенія Онѣгина».
† 44. XIX, 95—96: стихотворенія А. Пушкина.
45. XXIV, 175: «Дѣвицы-красавицы», музыка Кашина.
46. XLIII, 63: извѣстіе о газетѣ Пушкина.
† 47. XLIV, 73—74: (франц. статья о Пушкинѣ).
† 48. **1833**, № XIII, 202: разборъ нападокъ на Пушкина Булгарина и Греча (и № XIV, 9—10, XVI, 40—41; XVIII, 73—75; XX, 107—108; XXI, 119—124).
49. XXIV, 173—5: о подражаніи Пушкину Крюковой.
50. XXVIII, 27—28: Сокольницкій житель (стихи объ Онѣгинѣ и Татьянѣ).
51. XLVII, 104 (отзывъ придворнаго о сочиненіяхъ Пушкина).

Итого изъ 51 № (minimum) у Межова всего 19!

Digitized by Google

Приложеніе II.

(Поправки и дополненія къ статьѣ IV.).

1. *Кони*, Общественные взгляды А. С. П., Спб., 1900.
2. Три письма о смерти А. С. П., Спб., 1900.
3. *Маркевичъ*, Пушкинъ и Новороссійскій край. Одесса. 1900.
4. *Острогорскій*, Первое знакомство съ А. С. П., Спб., 1901.
5. Веневитиновъ, Нѣмцы о Пушкинѣ въ 1899 г. Спб. 1900.
6. *Дашкевичъ*, А. С. П. въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени, вып. I. Кіевъ. 1900.
7. *Н. И. Петровъ*, къ исторіи внутренней жизни духовныхъ семинарій. Значеніе поэзіи А. С. П. въ сей жизни. М. 1899.
8. *Хрущовъ*, Одна изъ воспѣтыхъ Пушкинымъ. Харьковъ. 1900.
9. *Трубицынъ*, О русскихъ народныхъ пѣсняхъ, переведенныхъ П. на франц. яз. Спб. 1900.
10. Слово и рѣчи въ день столѣтней годовщины А. С. П. 26 мая 1799—1899. Екатеринославъ. 1899.
11. Свитокъ воспоминаній по поводу столѣтней годовщины со дня рожденія двухъ величайшихъ славянскихъ друзей-поэтовъ, Мицкевича и Пушкина. Казань. 1899.
12. *Лебедевъ*, Юбилеи—Довмонтовскій и Пушкинскій. Псковъ. 1899
13. *Бѣлинскій* о П. (изд. Сытина). М. 1899.
14. *Пароньевъ*, Слово въ день поминовенія А. С. П. Кишиневъ. 1899.
15. Въ память чествованія столѣтняго юбилея А. С. П. (изд. Ротенберга). Екатеринославъ. 1899.
16. Пушкинскія празднества въ Архангельскѣ. Архангельскъ. 1899.
17. *И. А. Вв—скій*. Панихиды на могилѣ А. С. П. 26 мая 1880. Витебскъ. 1899.

Digitized by Google

18. *Малышкинъ*, Памяти великаго поэта. Рига. 1899.
19. *П. Каратыгинъ*, Біографія А. С. П., Спб., 1899 (изд. Комарова).
20. *Кубинцевъ*, Памяти А. С. П. Благовѣщенскъ. 1899.
21. 26 мая 1899 г. въ Кіев. 1-ой муж. и Кіев. жен. А. Т. Дучинской гимназіи. Кіевъ. 1899.
22. Пушкинскій вечеръ въ жен. профес. школѣ фонъ-Дервизъ 26 мая 1799—1899 г. Спб. 1899.
23. Въ память П. Торжественные дни въ Спб. первой гимназіи. Спб. 1899.
24. *Батюшковъ*, Пушкинъ и Расинъ. Спб., 1900.
25. *Владимірскій*, Отраженіе религіознаго настроенія въ поэзіи П. Казань. 1899.
26. *Кунцкій*, Нрав. восп. значеніе поэзіи П. Спб. 1899.
27. *Ѳоминъ*, Значеніе поэт. дѣятельности П. Воронежъ. 1899.
28. *Бунаковъ*, Сто лѣтъ со дня рожденія П. Ворон. 1899.
29. *Прядкинъ*, Памяти П. Воронежъ. 1899.
30. *Стефановскій*, Языкъ произведеній П. Воронежъ. 1899.
31. *Козловскій*, О націон. значеніи литерат. дѣят. П. Ворон. 1899.
32. *Дроздовъ*, Воспит. значеніе поэзіи П. Ворон. 1899.
33. *Покровскій*, П. въ его значеніи худож., истор. и общ. М. 1901
34. *Эгль*, Шутки и остроты П. Спб. 1899.
35. *Антоній*, Памяти П
36. *Щегловъ*, По слѣдамъ Пушкинскихъ торжествъ. Спб. 1900.
37. *А. С.*, Двѣ рѣчи въ столѣтнюю годовщину со времени рожденія Ник. I и П. Спб. 1900.
38. *М. М.*, Реабилитація Пушкина. Спб. 1901.
39. *Кашпуревъ*, Заслуги А. С. П. предъ русскимъ народомъ. Кіевъ 1900.
40. *Шимановскій*, А. С. П. въ Кишиневѣ. Кишиневъ, 1900.
41. *Козминъ*, Взглядъ Пушкина на драму. Спб. 1900.
42. *Жадановъ*, Пушкинъ о Петрѣ Великомъ. Спб. 1900.
43. *Жадановъ*, «Русалка» Пушкина и «Das Donauweibchen» Генслера. Спб. 1900.
44. *Смирновъ*, Воспитательно-образовательное значеніе поэзіи П. для рус. общ. Пермь. 1899.
45. *Свѣтловъ*, О темныхъ и свѣтлыхъ сторонахъ поэзіи П. Кіевъ. 1899.
46. *Варыпаевъ*, О воспитательномъ значеніи произведеній П. Спб. 1899.

Digitized by Google

47. Отчетъ Рижскаго Реальнаго Училища Импер. Петра I. Рига. 1899 (Осмоловскій, Главнѣйшіе моменты въ развитіи художественнаго творчества Пушкина).
48. Вологодская гимназія. Столѣтній юбилей со дня рожденія А. С. П. 27 мая 1899 г. Харьковъ. 1900.
49. *Андроникова*, Воспитательное значеніе поэзіи А. С. П., М., 1900 г.
50. Отчетъ о состояніи Кіево-Печерской V гимназіи, Кіевъ. 1900.
51. *Крыловъ*, Значеніе поэзіи А. С. П. Тверь. 1899.
52. *Лебедевъ*, А. С. П. и его произведенія. Н. Новгородъ. 1899.
53. *Смольницкій*, А. С. П., какъ воспитатель русскаго общества. Воронежъ. 1899.
54. *Крыловъ*, Пушкинъ, какъ историкъ. Тверь. 1899.
55. *Владиславлевъ*, Патріотическое настроеніе въ произведеніяхъ П. Тверь. 1899.
56. *Ивановъ*, О пребываніи А. С. П. въ Тверской губ. Тверь. 1899.
57. *Колосовъ*, Рѣчь на вечерѣ, посвященномъ А. С. П. Тверь. 1899.
58. *Соколовъ*, Значеніе А. С. П. для Россіи. Екатеринославъ. 1899.
59. *Чобода*, 1) Отзвуки поэзіи П. въ послѣдующей русской литературѣ. 2) А. С. П. въ Каменкѣ. Кіевъ. 1900.
60. *Чобода*. Очерки Пушкинской литературы. Кіевъ. 1900.
61. *Яцимирскій*, Пѣсня Земфиры въ «Цыганахъ» Пушкина и цыганская хора. Спб. 1899.
62. *Марковъ*, А. С. П. Выбранныя сочиненія поэта въ связи съ его біографіей. Елисаветградъ. 1899.
63. По поводу столѣтія со дня рожденія. А. С. П. (изд. Каспари), Спб. 1899.
64. *Буличъ*, Пушкинъ и русская музыка, Спб. 1900.
65. *Петрикъ*, Пушкинъ и русская литература. Одесса. 1900.
66. Пушкинскіе дни въ Одессѣ. Одесса. 1900.
67. Памяти Пушкина. Празднованіе столѣтней годовщины въ учебныхъ заведеніяхъ Кіев. учебн. округа. I—III. Кіевъ. 1900.
68. *Тавровъ*, Пушкинъ и славяне. Одесса. 1900. (то же по-болгарски).
69. *Никольскій*. Послѣдняя дуэль Пушкина. Спб. 1901.
70. Матеріалы для каталога Пушк. юбил. выставки въ Ярославлѣ, Ярославль. 1899.
71. *Кузьминскій*, Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. М. 1901.

Digitized by Google

72. «Скупой рыцарь» Пушкина (снимки съ рукописи). М. 1901. (также фототипическія снимки рукописей «Русалки»).
73. *Филоновъ*. Поэтъ-Пушкинъ. Изд. 3. Спб. 1899.
74. А. С. Пушкинъ. юбилейное изданіе подъ редакціей В. С. Соловьева. Спб. 1899.
75. *Валуевъ*, Дѣтство Пушкина. М. 1899.
76. *Кранихфельдъ*, Пушкинъ (изъ газ. «Уралецъ» 1899).
77. *Козманъ*, Шутки и остроты П. изд. 2, Одесса, 1901.
78. *Посельянинъ*. Русская няня. М. 1899.
79. *Воскресенскій*, Пушкинъ въ Бессарабіи, Кишиневъ. 1899.
80. Первая любовь поэта. Изданіе Гулливера. М. 1899.
81. Яцимирскій, Румынскія параллели и отрывки въ нѣк. произведеніяхъ П—на. Варшава. 1901.
82. Зарипъ. Увлеченія П—на. Спб. 1901.
83 Любомудровъ. Античные мотивы въ поэзіи П—на. Изд. 2. Спб 1901.
84. *Щегловъ*, Новое о Пушкинѣ. Спб. 1902.
85. *Демидовъ*, О «сценахъ рыцарскихъ временъ» Пушкина. Спб. 1901.
86. *Сиповскій*, Пушкинская юбилейная литература. Спб. 1901.
87. *Ягичъ*, А. С. П. въ южно-славянскихъ литературахъ. Спб 1901.
88. *Моничъ*. 1) На что нужно обратить вниманіе, чтобы уяснить значеніе Пушкина. 2) Наказанный Борисъ Годуновъ по трагедіи Пушкина. Луганскъ. 1901.
89. *Сиповскій*, А. С. П. въ его письмахъ. Спб. 1902.
90. *Ильинъ*, Медали въ честь А. С. П., Спб. 1901.

Digitized by Google

Digitized by Google

II.

Стихотворенія о Пушкинѣ.

(1817—1849 гг.).

Въ 1899 г. я издалъ сборникъ: «Русскіе поэты о Пушкинѣ», радушно встрѣченный печатью [1]).

Въ предисловіи къ нему я немного смѣло заявилъ (стр. VI): «за указаніе пропусковъ будемъ очень благодарны критикѣ, хотя смѣемъ думать, что ихъ не такъ ужъ много».

Сейчасъ же послѣ выхода въ свѣтъ книги мнѣ пришлось раскаяться въ этихъ словахъ. П. А. Ефремовъ, В. Е. Якушкинъ, Н. А. Котляревскій, В. Я. Брюсовъ, Н. Н. Черногубовъ и нѣк. др. указали мнѣ до десятка пропусковъ; самъ я, во время занятій старинной нашей журналистикой и вообще литературой первой половины XIX в., разыскалъ нѣсколько десятковъ не отмѣченныхъ ни однимъ изъ пушкиніанцевъ и оставшихся мнѣ неизвѣстными во время печатанія моего сборника стихотвореній о Пушкинѣ.

---

[1]) Отзывы: „Вѣстникъ Европы“, 1899, VII, 421—3; „Русская Мысль“ 1899, V, 164—5; „Историческій Вѣстникъ“, 1899, VIII, 592—8; „Міръ Божій“, 1899, VI, 76—7; „Русскія Вѣдомости“, 1899, № 127; „Курьеръ“ 1899 № 106; „Новости“, 1899, № 134; „Русскій Листокъ“, 1899, № 122; „Педагогическій Сборникъ“, VIII, 162; „Русское Богатство“, IX, 27—31, „Извѣстія“ Вольфа VI—VII, 207; „Моск. Вѣд.“, 1899, № 141; „Стрекоза“, 1899, № 21; Лобода, Очеркъ Пушкинской Юбилейной Литературы, изъ Чтеній въ общ. Нестора Лѣтописца, Кіевъ, 1900, стр. 31; Драгановъ, Пятидесятиазычный Пушкинъ, Спб., 1899, стр. VIII; Владиміровъ, Отношеніе къ Пушкину русской критики..., Кіевъ, 1899, стр. 58 (изъ Кіев. унив. сборника); Пушкинскій сборникъ Моск. Унив., М., 1900, 229—230; „Журналъ Мин. Нар. Просв.“, 1901, X, 434 (Сиповскій).

Digitized by Google

Этими вновь собранными матеріалами я и думаю подѣлиться съ читателями. Лично я придаю имъ большое историко-литературное значеніе: они даютъ рядъ цѣнныхъ чертъ для уясненія литературныхъ отношеній Пушкина, могутъ служить мѣриломъ его пониманія въ обществѣ и въ особенности на «Русскомъ Парнассѣ»,—показываютъ всѣ колебанія въ оцѣнкѣ личности и творчества великаго поэта. Какъ уже мнѣ приходилось нѣсколько разъ указывать (и чего никакъ не хотѣли понять нѣкоторые изъ моихъ критиковъ), я хотѣлъ дать не хрестоматію художественныхъ стихотвореній о Пушкинѣ, а сборникъ историко-литературныхъ матеріаловъ. Я помѣщалъ и впредь намѣренъ помѣщать завѣдомо слабыя по формѣ стихотворенія, важныя иногда по своимъ идеямъ и вообще нужныя для общаго подсчета, для широкой характеристики общественныхъ отношеній къ Пушкину. Развѣ не важно опредѣлить, какія стороны его личности и творчества выдвигались поэтами, отражавшими общественное настроеніе или вліявшими на него—какъ бы ни были слабы произведенія этихъ поэтовъ?

Пріемы печатанія остались тѣ же. Стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ и снабжены библіографическими и историко-литературными примѣчаніями. Точки указываютъ на то, что изъ цѣлаго стихотворенія взята мною только часть, относящаяся къ Пушкину [1]) (въ такихъ случаяхъ я вообще старался придать возможную цѣльность отрывку). Включены мною въ сборникъ и лицейскія годовщины, обращенныя къ первому выпуску Лицея и въ частности къ Пушкину.

Матеріалъ будетъ печататься по частямъ. Къ послѣднему выпуску будутъ приложены общіе ко всѣмъ напечатаннымъ мною стихотвореніямъ о Пушкинѣ хронологическій и алфавитный указатели

---

[1]) Поставленныя авторомъ точки вездѣ мною оговорены.

Digitized by Google

Баронъ А. А. Дельвигъ [1])

Прощальная пѣснь.

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье
Въ объятьяхъ сладкой тишины.
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: «шествуйте, сыны!»
Тебѣ, нашъ царь, благодаренье,
Ты самъ насъ юныхъ съединилъ
И въ семъ святомъ уединеньи
На службу музамъ посвятилъ.
Прими жъ теперь не тѣхъ веселыхъ
Безпечной радости друзей,
Но въ сердцѣ чистыхъ, въ правдѣ смѣлыхъ,
Достойныхъ благости твоей.
Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье *и пр.*
О матерь! Вняли мы призванье,
Кипитъ въ груди младая кровь!
Одно лишь есть у насъ желанье —
Всегда къ тебѣ хранить любовь.
Мы дали клятву—все родимой,
Все безъ раздѣла, кровь и грудъ;
Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо правды въ судъ.
Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье *и пр.*
Благословите положившихъ
Святой отечеству обѣтъ
И съ дѣтской нѣжностью любившихъ
Васъ, други нашихъ рѣзвыхъ лѣтъ.
Мы не забудемъ наставленій,
Плодъ вашихъ опытовъ и думъ,

---

[1]) Шесть лѣтъ. Прощальная пѣснь воспитанниковъ Импер. Лицея въ Царскомъ Селѣ. 1817. Спб. 1835. Слова восп. барона Дельвига, музыка В. Теппера. Потомъ перепечатывалась съ значительными перемѣнами.

Digitized by Google

И мысль о нихъ, какъ нѣкій геній,
Неопытный удержитъ умъ.
Прощайтесь, братья! Руку въ руку,
Обнимемтесь въ послѣдній разъ:
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ.
Другъ на другѣ остановите
Вы взоръ съ прощальною слезой;
Храните, о друзья, храните
Ту жъ дружбу съ тою же душой,
То жъ къ правдѣ пылкое стремленье,
Ту жъ юную ко славѣ кровь,
Въ несчастьѣ гордое терпѣнье,
А въ счастьѣ всѣмъ равно любовь.
Шесть лѣтъ *и проч.*

1817.

Бар. Тепперъ де Фергюссонъ [1]). (?)

Lorsque je vois de vous, monsieur,
Les vers faits avec tant de grâce,
Il me résigne, et de bon coeur,
A vous céder sitôt la place.
Votre talent, sons grand pouvoir,
De beaucoup le mien efface.
Ie n'en ai vu que la surface.
Mais c'est pour lui dire *à revoir*.
Est-ce avec vous qu'il me convient,
En rimant de rompre une lance?
Si mon courage me soutient.

---

[1]) „Современникъ", 1863, VIII, 385—6. Для литературныхъ бесѣдъ, происходившихъ въ домѣ барона, въ 1817 г. Пушкинъ написалъ куплеты на заданную тему: „Jusq'au plaisir de nous revoir". Въ отвѣтъ на нихъ Пушкинъ получилъ посланіе—повидимому, отъ Теппера. Куплеты Пушкина напечатаны въ приложеніяхъ къ VII т. изданія лигер. фонда, стр. LIV—LV, и „Библ. Зап." 1858. Гротъ (Пушкинъ, 1899, 300) приписываетъ эти стихи г-жѣ Смитъ, урожд. Charon la-Rose.

Digitized by Google

Phébus me condamne au silence.
Il me dit que j'ai beau vouloir,
Ie risque trop en conscience,
Et mes couplets, quoique j'en pense,
Seront *des couplets à revoir*.
Au revoir est an vieux dicton,
Qui jamais ne passe de mode,
S'il est souvent dit sans raison,
Dans bien des cas il est commode.
Un parleur au loin se fait voir
Dont le jargon peu m'accomode:
Pour prévenir sa période
Rien de meilleur qu'un *au revoir*.

1817.

В. и. г. л. м. (В. Кюхельбекеръ?) [1].

Мечта.

Одинъ надъ озеромъ, вечернею порою
Сижу и сладкою мечтой душа полна!
Здѣсь ива гибкая любуется струею;
Надъ нею плаваетъ стыдливая луна.
Молчаніе дубравъ, осины трепетанье,
И факелъ Цинтіи и тишина полей
И прядка межъ розъ зефирово дыханье —
Все, все унынiе влекло въ душѣ моей.
И вдругъ надъ озеромъ спокойными тѣнями
Толпою понеслись друзья отцвѣтшихъ лѣтъ!
И осѣняетъ ихъ грусть томная крылами!
Товарищи забавъ! печаленъ вашъ полетъ!
Друзья! донесъ отъ васъ зефиръ ко мнѣ призванье!
Спѣшу я къ вамъ... вы скрылись въ темну даль!
И я одинъ! и лишь со мной въ молчаньѣ
Сестра унынія-печаль!

Царское Село.

---

1) „Благонамѣренный“, 1819, IV, 209. Вѣроятно относится къ Пушкину и Дельвигу.

Digitized by Google

N. N. [1]).

Новость на Олимпъ.

Недавно на Олимпъ Меркурій быстроногій
Съ земли принесъ *Красавицы* портретъ.
«Признаемся: такой и на Олимпѣ нѣтъ!»
Взглянувъ, въ одинъ сказали голосъ боги.
Съ досадой на лицѣ и съ завистью въ глазахъ
Венера на черты ея смотрѣла;
Увидѣвши портретъ въ амуровыхъ рукахъ,
И *Душенька*... невольно покраснѣла.
А Музы скромныя, любуяся Красой,
Съ улыбкою глядѣли другъ на друга
И тихимъ шопотомъ твердили межъ собой:
«*Откроемъ*—вотъ Русланова супруга!»

Ѳ. И. Тютчевъ. [2]).

Къ одѣ Пушкина «На вольность».

Огнемъ свободы пламенѣя
И заглушая звукъ цѣпей,
Проснулся въ лирѣ духъ Алцея,
И рабства пыль слетѣла съ ней.
Отъ лиры искры побѣжали
И вседрожащею струей—
Какъ пламень Божій—вспадали
На чела блѣдныя. [3])
Счастливъ—кто гласомъ твердымъ, смѣлымъ,
Забывъ ихъ санъ, ихъ тронъ
Вѣщать . . . . . .
Святыя истины рожденъ!
И ты великимъ симъ удѣломъ,
О музъ питомецъ, награжденъ?

---

1) „Благонамѣренный", 1820, XVII, 330.

2) „Рус. Стар.", 1837, X, 129. Провѣрено по рукописи Румянцевскаго музея, въ которой пропуски (неудобное для печати) возстановлены..

3) Точки въ подлинникѣ (по цензурнымъ требованіямъ).

Digitized by Google

Восной и силой сладкогласья
Разнѣжь, растрогай, преврати
Друзей холодныхъ самовластья
Въ друзей добра и красоты!
Но гражданъ не смущай покою
И блеска не мрачи вѣнца,
Пѣвецъ! подъ [illegible]парчею
Смягчай, а не тревожь сердца!

А. Ѳ. Вельтманъ. [1])

Экспромтъ.

Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ —
Парнасса русскаго пѣвцы,
Пафнутьевъ, Таушевъ и Слѣпушкинъ —
Шестого корпуса писцы.

1821 (?).

К. Ѳ. Рылѣевъ. [2])

Пустыня.

. . . . . .

То Пушкинъ своенравный,

---

[1]) Л. Майковъ, Пушкинъ, Спб., 1899, 130. Изъ записокъ Вельтмана „Я боялся не только говорить, но даже быть вмѣстѣ съ Пушкинымъ, но странный случай свелъ насъ. Заспоривъ однажды съ кѣмъ то, что фамилія Таушевъ, произносящаяся *у* съ краткою, должна и писаться правильно съ краткою, ибо письмо не должно измѣнять произношенію: я доказывалъ, что должно ввести въ употребленіе *у* съ краткою, и привелъ на-обумъ слѣдующіе четыре стиха... Надъ *у* не должно быть краткой, *и*—лишнее въ стихѣ; должно сказать: „Пафнутьевъ, Таушевъ, Слѣпушкинъ", кричали всѣ. Я изъ себя выходилъ, доказывая, что если въ произношеніи *у*—краткое, то *и*—должно быть. Въ это время вошелъ Пушкинъ; ему объяснили споръ; онъ былъ противъ меня, и тщетно я увѣрялъ, что *у* въ фамиліи Таушевъ—то же, что краткое *и*, и что, слѣдовательно, въ стихѣ: „Пафнутьевъ, Таушевъ и Слѣпушкинъ" необходимо. Ничто не помогло: Пушкинъ не хотѣлъ знать *у* съ краткою".

[2]) Сочиненія, Спб., 1893, стр. 90.

Digitized by Google

Парнасскій нашъ шалунъ,
Съ Русланомъ и Людмилой,
То Батюшковъ—рѣзвунъ,
Мечтатель легкокрылый
. . . . . .
Въ тиши уединенной
Дарятъ поперемѣнно
Мечты душѣ моей . . . .
. . . . . .

1821.

К. Ѳ. Рылѣевъ. [1])

Къ А. А. Бестужеву.

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный, взвѣсилъ,
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ.
Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!
Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы *требуетъ*, не проситъ!
Такъ и ко мнѣ, храня со мной союзъ,
Съ улыбкою и съ ласковымъ привѣтомъ,
Слетитъ порой толпа вертлявыхъ музъ,
И я вдругъ дѣлаюсь поэтомъ.

1821.

---

[1]) Соч. Спб., 1893, стр. 93. Это стихотвореніе вызвано, повидимому, рѣзкимъ отзывомъ Пушкина о поэтическомъ талантѣ Рылѣева. Во взглядахъ Пушкина на значеніе поэтической дѣятельности Рылѣева были вообще значительныя колебанія (см. соч. Пушкина, изд. литер. фонда, VII—стр. 46—7, 69, 71, 121, 39, 111, 117, 126, 129, 131, 48, 56, 166). Нѣкоторые изъ отзывовъ были очень отрицательными.

Digitized by Google

П. А. Плетневъ. [1])

Къ Гнѣдичу.

. . . . . .

Безсиленъ я владѣть своей душой
И съ Музою согласно жить одной:
Мнѣ нравится то гулъ трубы военной,
То сладкій гласъ свирѣли пастуховъ,
То лиры звукъ, въ тишп уединенной
Ласкающій стыдливую любовь.
Рѣшусь съ утра Омерова Ахилла
Весь день слѣдить въ живыхъ твоихъ стихахъ,
Но вдругъ Омеръ забытъ: въ моихъ мечтахъ
Герой Русланъ и рѣзвая Людмила.
Такъ поутру на пурпурный востокъ,
Гдѣ царь свѣтилъ является прекрасный,
Порой дитя гладитъ съ улыбкой ясной.
Отъ золота лучей горитъ потокъ,
Окрестный лѣсъ и дальнихъ горъ вершины;
Въ его глазахъ чудесныя картины:
Но долго ли займетъ его сей видъ?
Невольникъ чувствъ, ужъ онъ давно бѣжитъ
За мотылькомъ, надъ ближними цвѣтами
Мелькающимъ блестящими крылами.

. . . . . .

1822.

О. Н. [2])

Къ баловню—поэту.

Хаосъ тѣхъ взорамъ *свѣтлѣетъ*,
Коихъ самъ *Оивъ—Аполлонъ*

---

[1]) Соч. и переписка, III, Спб., 1885, 254—255.

[2]) „Благонамѣренный", 1822, XX, стр. 8. Пародія на дружескія посланія Пушкинской плеяды.

Digitized by Google

Въ душу *высокое свѣтъ*.
Лавры раститъ Геликонъ.
Пафой—Кипридой взлелѣянъ
Взросшій на лонѣ харитъ,
Амврою съ устъ ихъ *напоянъ*
Баловень музъ, сибаритъ.
Бабочкой легкой кружася,
Пьешь ароматы цвѣтовъ,
То, какъ орелъ, воскрыляся,
Рѣешь средь звѣздныхъ круговъ.
Тайнымъ влекомъ вдохновеньемъ
Сладкихъ поэзіи чаръ,
Насъ ты плѣняешь *видѣньемъ*,
Блещетъ въ которомъ твой даръ.
Сдержатъ ли *зависти волны*
Смѣлой стремленье ладьи?
Славься же, лавровъ достойный!
Что всѣ зоплы твои?
Что вся *толпа* ихъ *слѣпая?*
Пусть на Орфея свой тирсъ
Заносятъ вакханки, взывая:
Эвое! Вакхъ! Діонисъ!
Ты не Орфей, но смѣлѣе
Въ сплахъ смыслъ робкій попрать,
Будешь громчѣй и громчѣе
Лирой потомству звучать!

Д. Врс—въ. [1])

Союзъ поэтовъ.

Сурковъ Тевтонова возноситъ;
Тевтоновъ для него вѣнцовъ безсмертья проситъ;

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1822, окт., № 19, стр. 209–211. „Благонамѣренный" 1822, ч. 19, стр. 512—514. Пародія на дружескія посланія Пушкинской плеяды и отчасти самого Пушкина. Барабинскій—Варатынскій, Тевтоновъ—Кюхельбекеръ или Дельвигъ, Сурковъ—Дельвигъ или Пушкинъ.

Digitized by Google

Барабинскій, прославленный отъ нихъ,
Ихъ прославляетъ обоихъ.
Одинъ напишетъ: *мой Горацій!*
Другой въ отвѣтъ: *любимецъ грацій!*
И третій другъ,
Возвысивъ духъ,
Кричитъ: вы, вы любимцы грацій!
А тѣ ему: о нашъ Горацій!
Тевтонова Сурковъ въ посланьяхъ восхвалялъ:
О геній на всѣ роды!
Тевтоновъ же къ нему взывалъ:
О баловень природы!
А третій другъ,
Возвысивъ духъ,
Кричитъ: *вы баловни природы!*
А тѣ ему: *о геній на всѣ роды!*
А я скажу питомцамъ музъ:
Цвѣти, хвалебный вашъ союзъ!
Другъ друга прославляйте,
Другъ друга разбирайте,
Съ Горацiемъ равняйте,
Посланья сочиняйте,
Въ журналы отсылайте,
Видѣнія слагайте,
Другъ другу посвящайте,
Сильную насъ толпу, счастливцы, забавляйте
И, свой отборный слогъ любя,
Хвалите вы—самихъ себя!
Условныя желанья,
Нѣмыя ожиданья,
Кипящія лобзанья
И *сладострастья нѣгъ*
Твердите и твердите!
Увядши для утѣхъ,
Въ окно *не зря, глядите!*
Надъ *чашами* дремлите
И *чашами* стучите
Читателей глушите!
Другъ другу дребезжите

Digitized by Google

О *чашахъ* вы своихъ!
Безъ *чашъ* не полонъ стихъ.
Безпечность, свободу
Въ кустахъ огорода
Зовите летать,
Летать и порхать,
Друзей прикликать!
И въ юности *бывалой*
Вѣнки *брусники алой*
Любите вспоминать!
Заслугой вы велики—
Вамъ музы воздадутъ!...
Вѣнками васъ *брусники*,
Къ безсмертію увьютъ!

Б—ій. [1])

Эпиграмма.

Несвязной критикой своей
Ты одного себя безславишь;
Хотя не въ мочь *тяжелъ* ты въ ней,
А все Руслана не задавишь.

Иркутскъ.

В. [2])

Къ портрету N. N.

Благихъ законовъ врагъ, добра противникъ бурной,
Умѣлъ онъ ясно доказать,
Что можно думать очень дурно
И очень хорошо писать.

---

[1]) „Благонамѣренный“, 1822, ч. 17, стр. стр. 39.

[2]) „Благонамѣренный“, 1823, часть XXII, № IX, 215. Повидимому направлено противъ Пушкина.

Digitized by Google

М. Н. Загоскинъ. [1]

Посланіе къ Людмилу.

. . . . . .

. . . . . *Гражданскія права*
Не значатъ ничего въ республикѣ словесной.
Талантъ украсть нельзя—такъ выкради слова.
Лети во слѣдъ мечты *крылатой* и прелестной.
Всѣ сны *волшебные* чувствительной души
И *ночи праздной сонъ* описывай въ тиши,
Оплачь потерю дней, въ *чужбинѣ* проведенныхъ,
Кипящей младости отцвѣтшіе года—
Короче, модныхъ словъ, талантомъ освященныхъ,
Будь полнымъ словаремъ, описывай всегда
Души растерзанной всѣ бури и ненастья,
Цвѣтъ жизни молодой—грядущаго обѣтъ,
Бывалыя мечты, а пуще сладострастье:
Безъ этого словца въ стихахъ спасенья нѣтъ.
Хоть это все старо, не спорю я нимало,
За то, Людмилъ, чернилъ лишь только бы достало,
А то мой другъ, пиши! Стихи твои жестки?
Не бойся ничего, друзья найдутъ въ нихъ сплу.
Разбавлены водой? Такъ что жъ?! Они легки!
Ошибки всѣ простятъ богатому Людмилу:
Шампанскимъ кто поитъ, того никто не тронь!
Нѣтъ смыслу, наконецъ, зато какой огонь!
И словомъ, ты рожденъ писателемъ чудеснымъ,
Ты долженъ славнымъ быть, ты долженъ быть извѣстнымъ;
Стихамъ твоимъ гремитъ повсюду похвала,
И вскорѣ, можетъ быть, безъ всякихъ затрудненій,
По милости друзей и сытнаго стола,
Ты будешь все—талантъ, поэтъ и даже геній! [2]

[1] „Вѣстникъ Европы", 1823, II, 214—215. „Благонамѣренный", 1823, ч. 22, стр. 121. Противъ Пушкина и Пушкинской плеяды.

[2] Людмилъ—собирательный типъ богатаго поклонника романтической поэзіи и собутыльника „новомодныхъ" поэтовъ.

Digitized by Google

Н. М. Языковъ. [1])

А. С. Пушкину.

Не вовсе чуя Бога свѣта
Въ моей неполной головѣ,
Не вѣря вѣтреной молвѣ,
Я благоклоннаго привѣта—
Клянусь парнасскимъ божествомъ,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и виномъ
И вдохновенными стихами—
Въ тиши безвѣстности не ждалъ
Отъ сына музы своенравной,
Равно торжественной и славной,
И высшей рока и похвалъ.
Пѣвецъ единственной забавы,
Пѣвецъ вакхическихъ картинъ,
И..... скихъ дѣвъ и.... скихъ винъ
И прозелитъ журнальной славы,
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Такъ я тебя благодарю.
Богъ вѣсть, что̀ въ мірѣ ожидаетъ
Мои стихи, что́ буду я
На темномъ полѣ бытія,
Куда неопытность моя
Меня зачѣмъ то порываетъ;
Но будь, что́ будетъ—не боюсь:
Въ бытописаньи русскихъ музъ
Меня твое благоволенье
Предастъ въ другое поколѣнье,
И сталь плѣшиваго косца,
Всему ужасная, не скоситъ

---

[1]) „Современникъ“, 1837, VI, 374. Стих., II, Спб. 1858, 156—7. Повидимому, отвѣтъ на первое посланіе Пушкина изъ Михайловскаго (1824): „надревле сладостный союзъ“... Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ Вульфу (1825 г.). Точки въ подлинникѣ.

Digitized by Google

Тобой хранимаго пѣвца.
Такъ камень съ низменныхъ полей
Носитель зевсовыхъ отней,
Играя, на гору заноситъ.

1824?

В. Тило.[1])

Отъѣзжающей дѣвицѣ, при посылкѣ ей „Бахчисарайскаго Фонтана".

Вотъ вамъ, Эмилія, *Фонтанъ* Бахчисарайскій,
Парнасса русскаго цвѣтокъ прелестный, райскій!
Я пламенно люблю поэзіи цвѣты,
Люблю и юныхъ дѣвъ волшебны красоты,
Люблю ихъ жаръ ланитъ, ихъ очи голубыя,
Ихъ стройный, гибкій станъ и кудри золотыя.
Какъ странника въ степи, и дикой, и пустой,
Фіалка радуетъ смиренною красой,
Такъ будете и вы вездѣ плѣнять собою
Толпы поклонниковъ, вамъ преданныхъ душою.
И будутъ ихъ сердца любовію горѣть,
И взоры страстные восторгомъ пламенѣть.
Моихъ докучливыхъ стиховъ хоть не читайте,
Но изрѣдка меня въ чужбинѣ вспоминайте.

Баронъ Дельвигъ.[2])

19 октября 1824.

Семь лѣтъ пролетѣло, но, дружба,
Ты та же у старыхъ друзей;
Все любишь лицейскія пѣсни,
Все сердцу твердишь по Лицей.
Останься жъ вѣкъ нашей хозяйкой

---

1) „Благонамѣренный", 1824, XIV, XIV, 143—4.

2) „Русскій Архивъ", 1872, стр. 1486—7; 8 первыхъ стиховъ у Грота Пушкинъ, Спб., 1899, 285.

Digitized by Google

И долго въ сей день собирай
Друзей, не старѣющихъ сердцемъ,
И имъ старину вспоминай.
Нашъ милый начальникъ! Ты [1]) съ нами,
Ты любишь и насъ, и Лицей;
Мы пьемъ за твое всѣ здоровье,
А ты пей за насъ, за друзей!

Не...Рол... Ч

Къ ново-школьнымъ пѣвцамъ.

Ура! сыны мечты эфирной,
Пѣвцы таинственныхъ чудесъ!
Взгремѣлъ вашъ геній пѣснью лирной —
И трудный путь на Пиндъ исчезъ!
Но что! на Пиндъ ли вамъ стремиться
И тамъ полетъ остановить?...
Восторговъ вашихъ рой промчится,
Гдѣ только можетъ мысль парить.
Вѣнцы хвалы, при блескѣ славы,
Не музы вамъ—*друзья* сплетутъ.
Поприще классиковъ устазы;
Пусть васъ *фанатиками* чтутъ.
Для васъ ли критики законы?
Нѣтъ, нѣтъ: расколъ вводить пора!
Хвала вамъ, русскіе Гугоны! [3])
Гилье—романтики, ура!

---

[1]) Е. А. Энгельгардтъ.

[2]) „Благонамѣренный“, 1824, XIII, 43—4. Противъ романтиковъ вообще и „Пушкинской плеяды“ въ особенности. Самого Пушкина „Благонамѣренный“ задѣвалъ только слегка, почти прощая ему романтическія новшества за талантъ.

[3]) Новѣйшій французскій романтикъ, котораго стихотворенія, точно такого *покроя*, какой принятъ за образецъ въ нашей романтической швальнѣ. *Прим. автора.*

Digitized by Google

В. К. Кюхельбекеръ. [1])

Смерть Байрона.

.....Мы въ настоящемъ случаѣ вынуждаемся объявить тѣмъ изъ нашихъ читателей, которымъ поэтъ Байронъ извѣстенъ только по слуху, что видѣнія, возвѣщающія Лѣвцу Руслана и Людмилы о смерти Байрона, суть олицетворенныя произведенія послѣдняго, каковы: Дантъ (см. Пророчество Данта), Гяуръ, Манфредъ, Тассъ (см. сѣтованія Тасса), Мазепа.

Стихи:

Главу свою находитъ Дожъ,
Безсмертную и въ гробномъ прахѣ —

также требуютъ поясненія. Предметъ Байроновой трагедіи «Дожъ» почерпнутъ изъ исторіи Венеціи среднихъ вѣковъ. Фаліери, Дожъ сей республики, 80-лѣтній старецъ, оказавъ важнѣйшія услуги своему отечеству, обиженъ молодымъ патриціемъ въ лицѣ своей супругъ, требуетъ отъ Сената наказанія наглаго юноши; не получаетъ его, вступаетъ въ заговоръ, составленный нѣкоторыми людьми низкаго званія противъ вельможъ и Верховнаго Совѣта: сей заговоръ открытъ, а Дожъ приговоренъ къ смерти и обезглавленъ...

За небосклонъ скатило шаръ
Златое дневное свѣтило,
И твердь, и небо воспалило;
По рощамъ разлился пожаръ;
Зажженное зыбей зерцало,
Алмазъ огромный, трепетало.
Вспылалъ далекій Минаретъ;
Иманъ, надъ прахомъ возвышенной
Трикратъ провозгласилъ вселенной [2]):

---

[1]) Москва, 1824. Отдѣльный оттискъ изъ „Мнемозины", 1824, III, 189—199.

[2]) Въ арабскомъ текстѣ: *нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Магомедъ Пророкъ Его*—обыкновенный зовъ на вечернюю молитву мусульманъ.

Прим. автора.

Digitized by Google

«Богъ только Богъ—иного нѣтъ»...
Услышали; въ мгновенье ока
Всѣ пали ницъ сыны Пророка.
Но душенъ воздухъ; стадо тучъ
Паритъ надъ знойною землею;
Погасъ прощальный солнца лучъ:
Застувшій холмъ одѣлся мглою;
Простерлась всюду тишина;
Взошла багровая луна,
Взошла и посребрила скалы;
Звѣзда открылась за звѣздой;
Сѣть собралъ рыболовъ усталый,
Оратай поспѣшилъ домой;
Съ высотъ опрныхъ въ долъ и рощи
Толпой слетаютъ духи нощи!
И кто же въ сей священный часъ
Одинъ не мыслитъ о покоѣ?
Одинъ въ безмолвіе ночное,
Въ прозрачный сумракъ погружась,
Надъ моремъ и подъ звѣзднымъ хоромъ
Блуждаетъ вдохновеннымъ взоромъ?
Пѣвецъ [1]), любимецъ россіянъ,
Въ странѣ Назонова [2]) изгнанья,
Нѣмымъ восторгомъ обуянъ,
Съ очами, полными мечтанья,
Сидитъ на крутизнѣ одинъ;
У насъ его шумитъ Эвксинъ [3]) —
Шумитъ и бѣлыми рядами
За валомъ приближаетъ валъ;
Всталъ хладный вѣтеръ между скалъ.
Пронесся стонъ ихъ надъ водами;
Скользя поверхъ свинцовыхъ волнъ,
Качаясь, рѣетъ утлый челнъ.
Змѣятся быстрыя зарницы;
Бѣгутъ и вдругъ завѣсу тьмы
Срываютъ съ мраморной чалмы,

---

1) Пушкинъ.
2) Овидій.
3) Черное море.

Digitized by Google

Съ объятой розами гробницы; [1])
И соловей, любовникъ розъ, [2])
Вспорхнулъ, слетѣлъ съ надгробныхъ лозъ.
На краѣ неба городъ дальній
Чернѣетъ въ тусклой бѣлизнѣ;
Не звонъ ли звукнулъ погребальный,
Нежданный въ общей тишинѣ?
Земля содрогласъ; въ блескахъ молній,
Дрожа, шатнулись колокольни!
Громъ грянулъ; пышутъ небеса;
Въ селеньѣ стая псовъ завыла;
Расширивъ блещущія крыла,
Взревѣла дикая гроза;
Волкъ гладный бросилъ логовище,
Сошлись чакалы на кладбище!
Тогда—(но страхъ объялъ меня!
Блѣднѣю, трепещу, рыдаю;
Подавленъ скорбію, стеня,
Испуганъ, лиру покидаю!)—
Я вижу—сладостный пѣвецъ
Во прахъ повергнулъ свой вѣнецъ.
Онъ зритъ: отъ дальнихъ странъ полдневныхъ,
Гдѣ возвышался фебовъ храмъ,
Весь въ пламени, средь вихрей гнѣвныхъ,
По мрачнымъ, тяжкимъ облакамъ
Шагаетъ призракъ исполина;
Подъ нимъ сверкаетъ водъ равнина.
Онъ слышитъ: съ горней высоты
Глаголъ раздался чародѣя!
Волшебный зовъ, надъ міромъ вѣя,
Созданья пламенной мечты
Въ лицо и тѣло облекаетъ,
Отъ Стикса мертвыхъ вызываетъ!
Земля ихъ кости выдаетъ;
На зовъ того, кто ихъ прославилъ,

[1]) На мусульманскихъ гробницахъ обыкновенно находятся каменныя чалмы, а кладбища всегда обсажены цвѣтами. *Прим. автора.*

[2]) Соловей названъ здѣсь любовникомъ розъ въ подражаніе восточнымъ поэтамъ. *Прим. автора.*

Digitized by Google

Ихъ сонмъ могильный прахъ оставилъ,
Взвился, слетѣлся въ хороводъ;
Со тьмой слились ихъ одѣянья,—
О страхъ!— ихъ слышу завыванья!
Всѣхъ, всѣхъ воскресшихъ вижу васъ.
Героевъ, имъ воспѣтыхъ, тѣни!
Зловѣщій Дантъ, страдалецъ Тассъ
Исходятъ изъ подземной сѣни;
Гяуръ воздвигся, всталъ Манфредъ:
Ихъ озаритъ грозный свѣтъ.
Стрясая съ вѣждей смертный сонъ,
Всталъ изъ бездоннаго вертепа
Пенстовый ѣздокъ Мазепа;
Смущенный, вопрошаетъ онъ:
«Или насъ гонитъ рать Петрова?
«Коня! за мной! Помчимся снова!»
Главу свою находитъ Дожъ
Безсмертную и въ гробномъ прахѣ;
Онъ живъ, погибнувшій на плахѣ;
Отецъ народа, страхъ вельможъ,—
И вновь за честь злосчастный мститель
Идетъ въ безчестную обитель,
Туда, гдѣ темные рабы,
Пылая жаждой кровопійства,
Готовятъ гибель и убійства
И цѣпи рвутъ съ слѣпой толпы —
И вновь съ безстрашьемъ неизмѣннымъ
Онъ предстоитъ судьямъ гадменнымъ.
О, искра вѣчнаго Отца!
Огонь святого пѣснопѣнья!
Гласъ вдохновеннаго пѣвца!
Не мрутъ въ вѣкахъ твои творенья!
Ничтоженъ, тлѣненъ человѣкъ,
Но мысль живетъ изъ вѣка въ вѣкъ!
Я зрю блестящее видѣнье:
Горѣ парящій великанъ
Раздвинулъ предъ собой туманъ!
Сколь дерзостно его теченье!
Онъ строгъ, величественъ и дивъ!

Digitized by Google

Какъ полный мѣсяцъ блѣдный ликъ.
Шумя широкими крылами,
Летитъ—и скрылся дивный духъ.
Такъ водопадъ между скалами
Реветъ, пугаетъ взоръ и слухъ;
Ярясь, стремится въ край надзвѣздный,—
Вдругъ исчезаетъ въ мракѣ бездны.
Или единая отъ звѣздъ,
Оторгшись, мчится, льетъ сіянье
Чрезъ поле неизмѣнныхъ мѣстъ,
Чрезъ сумрачныхъ небесъ молчанье —
И око, зря ея полетъ,
За ней боязненно течетъ!
Упала дивная комета!
Потухнулъ средь тучъ перунъ!
Еще трепещетъ голосъ струнъ,
Но нѣтъ могущаго поэта!
Онъ палъ—и средь кровавыхъ сѣчъ
Свободный грекъ роняетъ мечъ!
Руками закрываетъ очи
Эллада, матерь свѣтлыхъ чадъ!
Вражда и Зависть, дѣти Ночи,
Ругаться славному спѣшатъ...
Прочь, червь презрѣнная! Прочь, злоба!
Бѣги, не смѣй касаться гроба
Того, чьи пѣсни и дѣла
Почтитъ дальнѣйшее потомство!
Бѣги! Умолкни, вѣроломство!
Его безсмертью обрекла,
Душой блестящей пораженна,
Не ты, Британія,—вселенна!
Бардъ, живописецъ смѣлыхъ душъ.
Гремящій, радостной, нетлѣнной,
Во вѣкъ пари, великій мужъ,
Тамъ надъ Элладой обновленной!
Тиртей, союзникъ и покровъ
Свободой дышащихъ полковъ!
Ты взвѣсилъ ужасъ и страданья,
Ты погружался въ глубь сердецъ

Digitized by Google

И средь волненій и терзанья
Рукой отважной взялъ вѣнецъ —
Завидный, свѣтлый, но кровавый,
Вѣнецъ страдальчества и славы!
И се—изъ лона облаковъ
Твои божественные братья,
Пѣвцы, наставники вѣковъ,
Тебя зовутъ въ свои объятья!
Утѣшься, горестная тѣнь!
Тебѣ сіяетъ вѣчный день!
Да мимо идетъ укоризна!
О, заглуши упреки, стонъ!
Изгнавшая его отчизна,
Рыдай, несчастный Альбіонъ!
Онъ палъ, не примиренъ, въ чужбинѣ!
Плачь, сѣтуй по великомъ сынѣ!
Увы, ударитъ часъ судьбы!
Вѣковъ потокомъ поглощенный,
Исчезнетъ твой народъ надменный,
Или пришельцовы стопы
Лобзать, окованъ рабствомъ, будетъ,
Но Байрона не позабудетъ
Тебя гнетущій властелинъ
Онъ на тебя перстомъ укажетъ;
Друзьямъ, главой поникнувъ, скажетъ:
«Ужель родиться исполинъ
Могъ въ сей землѣ, судьбой забвенной?»
И смолкнетъ, въ душу погруженной!

Уланъ—поселянинъ. [1])

Къ В. Ф. Линку.

. . . . . .

Я край родной опять увижу,
Я къ сердцу матери прижмусь;

---

[1]) „Украинскій Вѣстникъ, 1824, IV, 44.

Digitized by Google

«Мой сынъ!» привѣтъ ея услышу;
Съ сестрою нѣжно обнимусь.

. . . . . .

Опять, съ веселою душою,
Среди друзей предъ камелькомъ,
За чашей пунша круговою
Хвалить стихами стану ромъ,
Или, лафита за стаканомъ,
Прочту я имъ, какъ Черноморъ
Сражался съ витяземъ Русланомъ,
Искавшимъ милую средь горъ.

. . . . . .

Бар. Розенъ [1])

Черкешенка Пушкина.

Прости! прости! тебя ль сжимали
Объятья нѣжныя мои?
Тебя ль, о другъ моей печали,
Несутъ шумящія струи?
Увы! послѣднее желанье
Злосчастіемъ упоено!
Прощальное твое лобзанье
Такъ хладно! Такъ ли суждено?
И грудь горитъ, и сердце бьется,
Темнѣютъ юные глаза;
Къ тебѣ невидимая льется
Моя послѣдняя слеза.
Безумная! лишь укоризны
Проводятъ милаго пловца?...
Рѣшилась я—въ волнахъ отчизны
Ищу желаннаго конца!
Спасись, и съ томнымъ умиленьемъ
Свою любезную зови.
Скажи: «узналъ я съ огорченьемъ

1) „Дамскій Журналъ", 1825, XVII, стр. 175—6.

Digitized by Google

Всю страсть дѣвической любви!»
Ахъ! Вспомни, вспомни о страданьяхъ
Несчастной дѣвы! Милый другъ,
Вообрази въ своихъ мечтаньяхъ
Тяжелый вздохъ, струистый кругъ!...

V Лардем... [1])

Ангелика.

О глазки, глазки голубые!
Въ нихъ вижу небо, вижу рай!
О ручки, ручки золотыя!
Поцѣловать мнѣ ручку дай,
Прекраснѣйшая Ангелика!...
Какъ ручка у тебя мила,
Благоуханна, невелика,
А какъ нѣжна, а какъ бѣла!
Счастливъ, когда ее цѣлую...
О Ангелика! улыбнись...
Теперь пожалуй мнѣ другую
И ею къ сердцу прикоснись.
Ты въ этомъ сердцѣ, Богъ—свидѣтель,
Давно уже живешь, давно;
Люблю тебя, какъ добродѣтель.
Люблю обѣихъ васъ равно.
Клянуся, что не перестану
До тѣхъ поръ васъ равно любить,
Пока навѣки не увяну...
О Ангелика! Можетъ быть,
Ты иногда о мнѣ вспомянешь,
Когда, мой другъ, мой ангелъ, взглянешь
На ручки бѣлыя свои
И про себя со вздохомъ скажешь:
«Какъ ручки онъ любилъ мои!»

---

[1]) „Благонамѣренный“ 1825 г., 29, стр. 479—480. Къ сочиненію сихъ стиховъ дало поводъ автору прекрасное обращеніе къ ножкамъ въ поэмѣ *Евгеній Онѣгинъ. Прим. соч.*

Digitized by Google

А. Е. Измайловъ. [1])

Роза и репейникъ.

Репейникъ возгордился,
Да чѣмъ же?—Съ розою въ одномъ саду онъ росъ.
Иной молокососъ,
Который цѣлый курсъ проспалъ и пролѣнился,
А послѣ и въ писцы на дѣлѣ не годился,
Твердитъ, поднявши носъ;
«Съ такимъ то вмѣстѣ я учился!»
Хорошъ тотъ, слова нѣтъ! Ему хвала и честь,—
Да что, скажи, въ тебѣ то есть?

[Около 1825 г.(?)]

Кобозевъ. [2])

Одесса.

. . . . . .

Кому сей искренній привѣтъ?
Кому еще звучишь ты, лира?—
Тебѣ, любимѣйшій поэтъ!...
И ты любилъ глядѣть на *свѣтъ*,
На прелесть южныя столицы.
Я слышалъ звукъ твоей цѣвницы;
Съ благовѣньемъ ей внималъ
И весь въ восторгѣ трепеталъ! [3])

. . . . . .

1825.

[1]) „Современникъ", 1854, т. XL VII, отд. III, Стр. 43. Соч. Измайлова (Смирдина), I, стр. 57—58. На бар. Дельвига, за его упоминанія о дружбѣ съ Пушкинымъ.

[2]) „Дамскій Журналъ", 1825, XV, 90.

[3]) Прим. кн. Шаликова: „любопытно, о какомъ поэтѣ говоритъ поэтъ? Мы догадываемся, что это объ А. С. Пушкинѣ".

Digitized by Google

В. Туманскій. [1])

На кончину Р. (изничъ).

Сонетъ.

(Посвящ. А. С. Пушкину).

Ты на землѣ была любви подруга:
Твои уста дышали слаще розъ,
Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ,
Горѣла страсть, блистало небо юга.
Къ твоимъ стопамъ съ горячностію друга
Склонялся міръ — твои оковы несъ;
Но Гименей, какъ сѣверный морозъ,
Убилъ цвѣтокъ полуденнаго луча.
И гдѣ жъ теперь поклонниковъ твоихъ
Блестящій рой? гдѣ страстныя рыданья?
Взгляни: къ другимъ ужъ ихъ влекутъ желанья,
Ужъ новый огнь волнуетъ души ихъ;
И для тебя сей голосъ струнъ чужихъ
Единственный завѣтъ воспоминанья!

1825.

*** [1]).

Эпиграмма.

Ты Пушкина произведенье
Цѣнить не можешь, знаю я:
Ушамъ осла невнятно пѣнье
И свѣтлый голосъ соловья!

---

[1]) „Сѣверная Лира", 1827, М., стр. 153—4. Стих., Спб., 1891, стр. 122—123.

[1]) „Благонамѣренный", 1826, II, 91.

Digitized by Google

М. Даргомыжская. [1]

Въ альбомъ кому.

Что вы прислали мнѣ альбомъ
Съ пріятнымъ вашимъ письмецомъ —
Я это извиняю.
Но почему и для чего
Ко мнѣ прислали вы его —
Никакъ я не прощаю.
Желать отъ Пушкина поэмъ,
Чтобы альбомъ украсить тѣмъ —
Я очень извиняю.
Но пустяковъ моихъ просить
И ихъ съ поэмой помѣстить
Я, право, не прощаю.
. . . . . .

И. И. Козловъ. [2]

Стансы къ И. И. Гнѣдичу

(На Кавказъ и Крымъ).

. . . . . .
Иль, другъ, уже теперь въ объятьяхъ тихой лѣни
Вечернею зарей ты смотришь на Сялгиръ,
На сладострастныя таврическія сѣни,
На радужный эоиръ.
Тамъ сѣверный пѣвецъ [3] въ садахъ Бахчисарая
Задумчиво бродилъ, мечтами окруженъ;
Тамъ въ сумракѣ предъ нимъ мелькнула тѣнь младая,
И струнъ раздался звонъ.
Ты слышалъ, какъ фонтанъ шумитъ во тьмѣ полночной,
Какъ пламенно поетъ надъ розой соловей!

---

[1]) „Календарь Музъ", Спб., 1826, стр. 20.
[2]) Сѣверные цвѣты на 1826 г., стр. 85. Стих. Спб. 1892, стр. 173.
[3]) Пушкинъ.

Digitized by Google

Но сладостный фонтанъ и соловей восточный
Не слаще, не звучнѣй.

. . . . . .

1826

М—ъ. [1])

К—нѣ при стихахъ А. С. Пушкина „Къ морю“.

Какъ моря грознаго валы
Несутся шумными рядами,
И имъ во-слѣдъ падутъ скалы,
Хранимыя вѣками:
Волнуясь бурными годами,
Такъ нашей жизни океанъ
Уноситъ сердца упованья,
Всѣ наши думы и мечтанья
И стелетъ на душу туманъ.
Но ты, не зная бурь, подъ небомъ вѣчно яснымъ,
На мирномъ челнокѣ плыви:
Да свѣтитъ надъ тобой лучомъ своимъ прекраснымъ
Звѣзда надежды и любви!

(И. Е. Великопольскій). [2])

Посланіе въ отвѣтъ на полученную записку въ стихахъ. Къ А. С. Пушкину.

Въ умахъ людей, какъ прежде, царствуй!
Храни священный огнь души!
Какъ можно менѣе мытарствуй,
Какъ можно болѣе пиши, —
А за посланье благодарствуй!
Не правъ ли я, пріятель мой,

---

[1]) „Урапія“, М., 1826, 126.

[2]) „Раскрытый портфель“, Спб., 1859, стр. 236—7. Относится къ Пушкину. См. также Б. Л. Модзалевскій, Великопольскій, Спб., 1902, 28—29.

Digitized by Google

Не говорилъ ли я заранѣ:
Не сдобровать тебѣ съ игрой,
И есть дыра въ твоемъ карманѣ!
Поэтъ, ты честь родной странѣ,
Но, смѣлый всадникъ на Пегасѣ,
Ты такъ же пылокъ на сукнѣ,
Какъ ты заносчивъ на Парнассѣ.
Конечно, къ слову то нейдетъ;
Съ тобою тамъ никто не равенъ:
Ты тамъ могучъ, великъ и славенъ;
Передъ тобою все падетъ,
Тебя привѣтствуетъ и нѣжитъ, —
Но, другъ, въ игрѣ не тотъ разсчетъ:
Иной пяти не перечтетъ,
А вмигъ писателя подрѣжетъ [1]).
Въ стихахъ ты только что не святъ,
Но счастье—лживая монета,
И когти длинные поэта
Отъ бѣдъ игры не защитятъ.
Надменно плавая по небу,
Во многомъ ты подобенъ Фебу;
Но я боюсь, чтобъ и во всемъ
Ты не пошелъ его путемъ.
Нѣтъ у тебя ни въ чемъ завѣта
И, берегись, чтобъ и тебѣ,
Подобно горестной судьбы
Вождя блистательнаго свѣта,
(Слова не сбудутся, авось!)
Подъ-часъ сойти бы не пришлось
Къ стадамъ блуждающимъ Адмета!

1826.

[1]) *Вар.* А вмигъ и Пушкина подрѣжетъ.

Digitized by Google

(И. Е. Великопольскій). [1])

Мой демонъ.

(Подражаніе Пушкину).

Зачѣмъ ты, грусть, въ меня вцилась
И, съ непонятною мнѣ цѣлью,
Вкругъ сердца, жаднаго къ веселью,
Змѣей грызущей обвилась?
Въ какой ты алчущей утробѣ
Свой ядъ мучительный вцила?
Какая Фурія, во злобѣ,
Тебя съ главы своей сняла
И въ міръ закинула несчастный
Изъ нѣдръ пылающихъ огня?
Кто указалъ тебѣ меня?
Преодолѣть тебя невластный,
Вотще отрады я ищу!
Я впечатлителенъ и молодъ,
Но въ сердце бьетъ твой тяжкой молотъ —
И я тоскую и грущу!
Твоя рука отяготѣла
Надъ грудью пламенной моей...
И все ты, злобная, одѣла
Завѣсой мрачною твоей!

1826.

Неизвѣстный (В. К. Кюхельбекеръ ?). [2])

19 октября 1828 г.

Какой волшебною одеждой
Блисталъ предъ нами міръ земной!

---

[1]) „Раскрытый портфель": выдержки изъ „сшитыхъ тетрадей" автора, не желающаго объявить своего имени. Первый отдѣльный выпускъ. Спб. 1859. Стр. 226—7. Въ экземп., принадлежащемъ Румянц. Музею, анонимъ раскрытъ рукою самого автора: „отъ Автора, Ивана Ермолаевича Великопольскаго въ С. Петербургѣ воскр. 17 іюля 1856". См. также. В. Л. Модзалевскій, Великопольскій, Спб., 1902, 22—23.

[2]) „Подснѣжникъ", Спб., 1829, стр. 236—7. Выше (стр. 90—115) помѣщены три сцены изъ драматической поэмы „Ижерскій", приписанныя

Съ какимъ огнемъ, съ какой надеждой,
Съ какою дѣтской слѣпотой
Мы съ жизнію вступали въ бой.
Но вскорѣ измѣнила сила,
И вскорѣ нашъ огонь погасъ;
Покинула надежда насъ,
И жизнь отважныхъ побѣдила!
Монхъ друзей далекій кругъ!
Подъ воплями осеннихъ вьюгъ,
Но благостнымъ хранимый небомъ,
При пѣсняхъ, вдохновенныхъ Фебомъ,
Отъ бурь и горя вдалекѣ,
Въ уютномъ, мирномъ уголкѣ
Ты празднуешь ли день священный,
День, сердцу братьевъ незабвенный?
Монхъ друзей далекихъ кругъ!
Воспомнитъ ли въ сей день священный,
Въ день, сердцу братьевъ незабвенный,
Меня хотя единый другъ?
Или судьба меня лишила
Не только счастья—и любви?
И не взяла меня могила,
И кончился дни мои?

В. И. Туманскій. [1])

Къ одесскимъ друзьямъ.

(Изъ деревни).

. . . . . .
. . . . . сномъ отраднымъ
Летитъ нашъ ясный день. То внемлемъ ухомъ жадным
Свободной старины завѣтную скрижаль,

тоже „неизвѣстному“ и несомнѣнно принадлежащія Кюхельбекеру, который, какъ ссыльный, не могъ печататься подъ своимъ именемъ.

1) Сѣверная лира. М., 1827, стр. 22. Стих. В. И. Туманскаго, Спб., 1881, стр. 119.

Digitized by Google

То, сердцемъ погрузясь въ мечтательную даль,
Въ роскошномъ трепетѣ и радости и муки
Мы ловимъ Пушкина плѣнительные звуки.

. . . . . .

1826.

Goethe [1])

*Goethes Feder an ****

Was ich mich auch sonst erkühnt,
Jeder würde froh mich lieben,
Hätt'ich treu und frei geschrieben
All' das Lob, das Du verdient.

1826.

Rogalski [2]).

*Do ***.*

Ty, co z nauką łączysz przymilenie,
Którcy mą duszę zachwyca uroda,
Towarzyszko wdzięków młoda,
Przyymiy me pienie.
Jeśli w niém znaydziesz myśli okazałe,
Obrazy miłe i wspomnienia tkliwe;

---

[1]) Harnack, Goethes Beziehungen zu russischen Schriftstellern, „Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschicte und Renaissance — Litteratur", III, 1890, 271. По очень вѣроятному предположенію Гарнака и др. относится къ тому перу, которое, по словамъ Анненкова, Гёте прислалъ Пушкину (Анненковъ, Пушкинъ, Матеріалы для его біографіи, Спб., 1873, стр. 177).

[2]) Fontana w Bakczyseraiu. Poema Alexandra Puszkina. Przekład z rossyyskiego. Wilno 1826. стр. стр. XIX—XX. Судя по надписи, экземпляръ Румянцевскаго музея принадлежалъ Мицкевичу. Мѣстами чьи то карандашныя поправки—можетъ быть, самого Мицкевича или переводчика. Г. Дѣдовъ (А. С. Пушкинъ въ польской литературѣ, Варшава, 1899, стр. 1) приписываетъ этотъ анонимный переводъ Рогальскому. На экземплярѣ Рум. музея надпись: „Adamowi Mickiewiczowi, u dowód szacunku" и извитеватая подпись — повидимому Rogalsky.

Digitized by Google

Przyymiy te mieysca szczęśliwe
Na swą pochwałę.
Tam, gdzie despotyzm z prawami Korana [1]),
Kobietom pęta nakłada surowe;
Tam obce cnoty domowe,
Miłość niezuana.
Tam czarna zazdrość chwile życia truie.
Sramotna miękkość na zbrodnią gotowa.
Bo tylko roskosz zmysłowa
Wszystkich zaymuie.
Szanuiąc święte swey wiary zasady,
Tkliwy poeta wielkiego narodu
Wystawił w powabach wschodu
Okrucieństw ślady.
W przekładzie iego nie śmiem się spodziewać
Wdzięków i sławy twórczego Puszkina:
Chęć moia była iedyna
Dla ciebie śpiewać.
O żadne świata nagrody nie stoię,
Oklasków próżnych odgłos [2]) mię nie zwodzi:
Jedno mię tylko nagrodzi—
Spoyrzenie twoie.
Tak noc burzliwą słońce wynagradza,
Gdy z cieniów zmroku weydzie wdzięczne zorze,
J złocąc całe przestworze,
Pokóy sprowadza.

W Czerwcu 1824. St. Petersburg.

И. Е. Великопольскій [3])

Аристъ поэтъ.

Аристъ-негодный человѣкъ [4]),
Не связанъ ни родствомъ, ни дружбой

---

[1]) Карандашная поправка: Тугана.

[2]) Карандашная поправка (не вполнѣ ясная): rozgłas.

[3]) Б. Л. Модзалевскій, Великопольскій, Спб., 1902, стр. 37. Эпиграмма эта вызвана недоразумѣніями между Пушкинымъ и Великопольскимъ, разъясненными у г. Модзилевскаго и въ сборникѣ П. И. Бартенева „Пушкинъ".

[4]) Вар. Мытаринъ—скверный человѣкъ.

Digitized by Google

Отцомъ покинутъ, брошенъ службой,
Провелъ безъ совѣсти весь вѣкъ [1]);
Его исправить—трудъ напрасенъ,
Зато кричитъ о немъ весь свѣтъ:
Вотъ онъ то истинный поэтъ,
И каждый стихъ его прекрасенъ.
И точно—вѣрь или не вѣрь—
Не правда ли, сказать межъ нами,
На всю поэзію теперь
Другими взглянемъ мы глазами!

1826.

К. Ш. (Кн. Шаликовъ) [2])

Евгеній Онѣгинъ, глава вторая.

Мы въ первой видѣли главѣ
Картину франтовъ, модъ и свѣта —
При піэтической Невѣ,
Гдѣ развился талантъ поэта,
Какъ волны раннею весной.
Его намъ кисть въ главѣ второй
Совсѣмъ иныхъ картину нравовъ,
Иныхъ характеровъ и лицъ —
Отъ нашихъ вдалекѣ столицъ,
Иныхъ обычаевъ, уставовъ,
Съ иною жизнію, съ иной
Потребностью страстей и счастья,
Рисуетъ вѣрною рукою:
И обѣ—скажемъ безъ пристрастья
И съ независтливой душой —
Равно прелестны, и знакомы,
И *уморительны* подчасъ,

---

[1]) Варш.: Шумитъ, бунтуетъ цѣлый вѣкъ.

[2]) „Дамскій Журналъ", 1826, XXI, 109—110. „О романѣ въ стихахъ должно, по настоящему, и говорить не въ прозѣ. Итакъ мы отваживаемся дать знать стихами о содержаніи и достоинствахъ сей главы".

Прим. автора.

Digitized by Google

И *поучительны* для насъ;
И пусть другой напишетъ томы
Сихъ самыхъ же картинъ: онѣ—
Смолчавъ о краскахъ и огнѣ,
Скажу—полнѣй отнюдь не будутъ.
Двухъ главъ... въ два вѣка не забудутъ—
Затѣмъ, что есть всему предѣлъ!
Блаженъ, кто и для *внуковъ* пѣлъ!

Б. Федоровъ [1])

Къ нѣкоторымъ поэтамъ.

Вы все *за чашами*, друзья?
Былое неразлучно съ вами?
При васъ *Она*—и съ ней семья
Надеждъ, играющихъ съ мечтами.
Но, если искренно сказать,
Вы насъ обманывать хотите
И легковѣрныхъ удивлять!
За чашами вы не сидите:
Претрезвой жизни! Грѣхъ винить!
Былымъ не любите вы жить,
А настоящимъ дорожите;
Она—незнаема и вамъ,
И для стопы лишь къ вамъ приходитъ.
Какъ часто вы, съ перомъ въ рукѣ,
Когда морозъ цвѣты наводитъ
На стеклахъ, жметесь въ уголкѣ,
А прелести весны поете,
Пастушекъ на лужокъ зовете!
Какъ часто рѣзвитесь въ стихахъ
На балѣ съ милою вертушкой;
Но, строя замки въ облакахъ,
Вы восхищаетесь въ мечтахъ,

---

[1]) „Календарь Музъ", Спб., 1826, 157—9. На эротическія и анакреонтическія стихотворенія Пушкина и Пушкинской плеяды.

Digitized by Google

А дома—дремлете съ подушкой!
Какъ часто, *баловни-пѣвцы*,
О поцѣлуяхъ вы твердите
И стихотворные вѣнцы
Своимъ красавицамъ дарите —
А между тѣмъ—о стыдъ! Онѣ
Васъ взглядомъ подарить скупятся
Вы въ страстномъ таете огнѣ,
Онѣ—спросить о васъ лѣнятся,
Не зяютъ часто, какъ назвать!
Ахъ, воспѣвая наслажденье,
Себя хотите вы прельщать,
Какъ тѣ, охотники играть,
Которыхъ все въ мѣлкѣ имѣнье,
Съ мѣлкомъ, какъ вы съ перомъ, въ рукѣ,
Мечтами тѣшатся своими,
И, безъ копейки въ кошелькѣ,
Дождятъ рублями мѣловыми!

Б. Ѳедоровъ [1])

Къ картинкѣ, представляющей разбойниковъ изъ поэмы Пушкина.

(въ альбомѣ А. П. Аз—й)

Къ чему столь мрачные предметы?
Пускай ихъ могутъ украшать
Волшебной прелестью поэты;
Зачѣмъ въ альбомѣ представлять
Толпы злодѣевъ совѣщанье?
Гдѣ дружество вѣнокъ кладетъ,
Гдѣ мирныхъ чувствъ воспоминанье,
То ужасамъ—тамъ мѣста нѣтъ.

---

[1]) „Славянинъ", 1827, XXI, 297.

Digitized by Google

И. Бороздна [1]).

Къ А. А. Туманскому.

. . . . . .

Средь усладительныхъ трудовъ
Пренебрегаю я пустое лепетанье
Ничтожной клеветы. Мое очарованье —
Творенья геніевъ, рожденныхъ для вѣковъ:
И пѣсни звучныя угрюмаго Байрона,
И Мура свѣтлыя мечты,
И лира Пушкина, который съ Геликона
Принесъ въ обитель музъ столь пышные цвѣты!

. . . . . .

1826.

Н. М. Языковъ [2]).

Къ П. А. Осиповой.

Благодарю васъ за цвѣты,
Они священны мнѣ: порою
На нихъ задумчиво покою
Мои любимыя мечты;
Они плѣнительно и живо
Тѣ дни напоминаютъ мнѣ,
Когда на волѣ, въ тишинѣ,
Съ моей Каменою лѣнивой
Я своенравно отдыхалъ
Вдали удушливаго свѣта
И вдохновеннаго поэта [3])
Къ груди кипучей прижималъ!
И нынѣ съ грустью безутѣшной
Мои желанія летятъ

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1827, V, 284.

[2]) Русскій Архивъ", 1867, стр. 733—4; Острогорскій, Пушкинскій уголокъ, М., 1899, стр. 60.

[3]) А. С. Пушкина.

Digitized by Google

Въ тотъ край возвышенныхъ отрадъ
Свободы милой и безгрѣшной.
И часто вижу я во снѣ:
И три горы, и домъ красивый,
И свѣтлый Сороти извивы
Златого мѣсяца въ огнѣ,
И тамъ, у берега, тѣнь ивы —
Пріютъ прохлады въ лѣтній зной,
Наяды пологъ продувной;
И тѣ отлогости, тѣ нивы,
Изъ-за которыхъ, вдалекѣ,
На ворономъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый,
Спѣша въ Тригорское, одинъ —
Вольтеръ и Гёте и Расинъ —
Являлся Пушкинъ знаменитый;
И ту площадку, гдѣ въ тиши
Насъ нѣжила, насъ веселила
Вина чарующая сила —
Оселокъ сердца и души;
У все божественное лѣто [1]),
Которое изъ рода въ родъ,
Какъ драгоцѣнность перейдетъ,
Зане Языковымъ воспѣто!
Взываю къ вамъ, и гдѣ жъ они?
Теперь не то: съ утра до ночи
Міръ политическихъ суетъ
Мнѣ утомляетъ умъ и очи,
А пользы нѣтъ и славы нѣтъ!
Скучаю горько, и едва ли
Къ порѣ, ко времени, пройдутъ
Мои учебныя печали
И прозаическій мой трудъ.
Но что бы ни было, оставлю
Незанимательную травлю
За дичью суетныхъ наукъ,

---

[1]) Которое Языковъ провелъ въ Тригорскомъ у Осиповой и во время котораго сблизился съ Пушкинымъ.

Digitized by Google

И, другъ природы, лѣни другъ,
Безпечной жизнью позабавлю
Давно ожиданный досугъ.
Итакъ, впередъ! Молюся Богу,
Да онъ меня благословитъ,
Во имя Феба и Харитъ,
На православную дорогу [1]);
Да мой обрадованный взоръ
Увидитъ вновь, восторга полный,
Верхи и скаты вашихъ горъ,
И темный садъ, и домъ, и волны.

1827.

Е. А. Баратынскій [2]).

Свои стихи Т—въ [3], пѣтъ
Покроемъ Пушкина кропитъ,
Но славы громкой не получитъ,
И я котенка вижу въ немъ,
Который—право, не шутемъ —
На голосъ лебедя мяучитъ.

1827.

Е. А. Баратынскій [4]).

Богдановичу.

. . . . . .

Какъ быть писателю? Въ пустынѣ благодатной,
Забывши модный свѣтъ, забывши свѣтъ печатной,
Какъ ты, философъ мой, таиться безъ грѣха,
Избрать въ совѣтники кота и пѣтуха,
И, въ тишинѣ трудясь для собственнаго чувства,

---

[1]) Изъ Дерпта въ Тригорское.
[2]) Соч., Казань, 1884, стр. 125.
[3]) Я. Толстой?
[4]) Соч., Казань, 1884, стр. 119—120.

Digitized by Google

Въ искусствѣ находить возмездіе искусства!
Такъ, вѣку вопреки, въ сей самый вѣкъ у насъ,
Сладкопоющихъ лиръ порою слышенъ гласъ,
Благоуханный дымъ отъ жертвы безкорыстной!
Такъ нѣжный Батюшковъ, Жуковскій живописный,
Неподражаемый, и цѣлую орду
Злыхъ подражателей родившій на бѣду, —
Такъ Пушкинъ молодой, сей вѣтреникъ блестящій,
Все подъ перомъ своимъ шутя животворящій
(Тебѣ, я думаю, знакомъ довольно онъ:
Недавно отъ него товарищъ твой Назонъ
Посланье получилъ), любимцы вдохновенья
Не могутъ побѣдить высокаго влеченья
И между насъ поютъ, какъ нѣкогда Орфей
Между мохнатыхъ пѣлъ, по вѣрѣ старыхъ дней.
Безмертіе въ вѣкахъ имъ будетъ воздаяньемъ!
. . . . . 1827.

Кн. Шаликовъ [1]).

Къ Пушкину.

(На подарокъ поэмою „Цыганы).

Все украшаетъ кисть волшебнаго поэта!
И дикихъ эоіопскихъ чадъ—
Сихъ безпріютныхъ гражданъ свѣта —
Я видѣть у себя... въ твоей поэмѣ радъ.

Н. М. Языковъ [2])

Къ Вульфу.

. . . . . .
Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ,
Все свято: Пушкинъ, ты да я —

---

[1]) „Дамскій Журналъ", 1827, ч. XVIII, № 11, стр. 261.
[2]) Стих., I, Сыб., 1858, 106.

Digitized by Google

Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
Мы пили нѣгу бытія!...
. . . . . .

1827.

Кн. А. И. Одоевскій [1])

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.
Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся . . . . . .
Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя —
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.
Мечи скуемъ мы изъ цѣпей,
И вновь зажжемъ огонь . . .
И съ нею грянемъ на . . . . .
И радостно вздохнутъ народы.

(К. Шаликовъ ?) [2])

Въ альбомъ Р. М. фонъ Бландовъ.

И Пушкинъ бы, взглянулъ на сей альбомъ *прелестный*
Въ немъ пламенный свой стихъ, конечно, написалъ,
И это бъ искренній былъ сердца мадригалъ
Хозяйкѣ... даже незвѣстной.

---

[1]) Отвѣтъ на стих. Пушкина „Посланіе въ Сибирь“ (1827)—къ друзьямъ—декабристамъ, переданное имъ чрезъ А. Г. Муравьеву. См. соч. Пушкина (литер. фонда), II, 11 и Бартеневъ, А. С. Пушкинъ, I, М. 1881, стр. 112—113. Точками обозначены мѣста, неудобныя для печати.

[2]) „Дамскій Журналъ“, 1828, IX, 119.

Digitized by Google

Кн. П. А. Вяземскій [1]).

Простоволосая головка.

Простоволосая головка,
Улыбчивость лазурныхъ глазъ,
И своенравная уловка,
И блажь затѣйливыхъ проказъ —
Все въ ней такъ молодо, такъ живо
Такъ не похоже на другихъ,
Такъ поэтически игриво,
Какъ Пушкина веселый стихъ.

. . . . . .

1828

Θ. (Клюшниковъ) [2]).

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?...
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.
Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ:
Сотворивый міръ въ немъ скрытъ,
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.
Познавать его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить —
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значитъ въ Богѣ жить!

---

1) Соч., IV, 23.

2) Передѣлка „Даръ напрасный, даръ случайный“ Пушкина (1828). См. соч. Пушкина (изд. Поливанова, М., 1893), I, 258.

Digitized by Google

Кн. П. Вяземскій [1]).

Станція.

. . . . . .

Здѣсь [2]) блещетъ знаменьемъ утѣшнымъ
И мнѣній и одеждъ успѣхъ:
Чинъ съ чиномъ, съ знатью скромный цѣхъ
Сравнялись равенствомъ безгрѣшнымъ
(Хотя оно и вводитъ въ грѣхъ)
Пригожихъ лицъ и ножекъ стройныхъ,
Мой Пушкинъ, строфъ твоихъ достойныхъ
И такъ обутыхъ, что едва ль
Ихъ обнажить было бъ не жаль.

. . . . . .

1828.

Новизнинъ [3]).

Вдохновительность ночи.

Элегія.

Какъ сладко на коврахъ лѣнивыхъ
Дождаться пламенныхъ часовъ,
Когда, сквозь занавѣсъ ревнивыхъ,
Луна глядитъ изъ облаковъ
На перси дѣвы полуночи!
Ея горячія уста,
Власы, язвительныя очи,
Движеній робкихъ красота —
Льютъ въ душу жаркое волненье,
Златой привѣтъ ночной поры,
И надо мною вдохновенье
Плыветъ, какъ надъ землей пары...

---

1) Соч., IV, 39. „Подснѣжникъ", Спб., 1829, стр. 43. *вар.* „любви не жаль".

2) Въ Варшавѣ.

3) „Атеней", 1828, I, 93. Пародія на элегіи Пушкина и „Пушкинской плеяды".

Digitized by Google

Кн. П. А. Вяземскій [1])

1828 годъ.

. . . . . .

На зло безграмотныхъ нахаловъ
И всѣхъ, кто только имъ съ родни,
Дай Богъ намъ болѣе журналовъ:
Плодятъ читателей они.
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Въ чести тамъ грамота, перо;
Гдѣ грамота – тамъ просвѣщенье;
Гдѣ просвѣщенье - тамъ добро.
Козловъ и Пушкинъ съ Баратынскимъ!
Кого жъ еще бы къ вамъ причесть?
Дай вамъ подрядомъ исполинскимъ,
Что день, стиховъ намъ ставить десть!
А вамъ, поставщикамъ всѣхъ бредней
На мельницахъ поэмъ и одъ,
Дай, муза, рюмою послѣдней
Вамъ захлебнуться въ Новый годъ!

. . . . . .

Н. М. Языковъ [2])

Посланіе о журналистахъ.

. . . . . .

Что жъ? Въ Бѣлокаменную, съ Богомъ,
Въ «Московскій Вѣстникъ». Трудно, братъ:
Онъ выступаетъ въ чинѣ строгомъ,
Разборчивъ, строгъ, аристократъ [3]),
Такъ и пріязнь ему не въ ладъ

---

[1]) „Русскій Зритель", 1828, I—II, стр. 69. Соч. Вяземскаго, IV, 5.

[2]) Этотъ отрывокъ стиховъ Языкова „о своихъ стихахъ" цитируетъ Пушкинъ въ письмѣ къ Погодину отъ 1 іюля 1828 г. См. Стихотворенія Языкова (изд. Суворина), Спб., 1898, I, 169.

[3]) „Московскій Вѣстникъ" былъ органомъ тогдашней литературной аристократіи.

Digitized by Google

Со мной, парнасскимъ демогогомъ...
Ну, въ «Аѳинеѣ»... Что «Аѳинеѣ»?
Журналъ казенно-философскій [1]),
Отступникъ Пушкина, злодѣй,
«Благонамѣренный» Московскій [2]).
. . . . . .

М. А. Бестужевъ—Рюминъ [3]).

М. В. Томская и Ф. С. Калугинъ.

М. В. . . . . . .
Нѣтъ къ книгамъ приступа: «Евгеній
Онѣгинъ» по 5 рублей!...
Ужъ я бы книжныхъ торгашей
За то...

Ф. С. Какъ строги ваши пѣни!
Онѣгинъ дорогъ по цѣнѣ,
Но возразить позвольте мнѣ,
Что сочинитель чудный геній
Имѣетъ...

М. В. Что за чудеса?
Прочтешь книжонку въ полчаса.
Но въ полчаса я прочитаю,
Хотя не скоро разбираю,
А молодежь то въ часъ иль два
На память выучить успѣетъ.
Смотрите: каждая глава
Страничекъ сорокъ лишь имѣетъ,
И то премаленькихъ такихъ
И сколько пробѣловъ большихъ!

---

[1]) „Атеней" издавался шеллингіанцемъ Павловымъ. Сначала онъ благосклонно относился къ Пушкину, а потомъ началъ печатать нападки противъ него (въ 1828 г.).

[2]) Пушкинскій кружокъ очень презрительно относился къ „Благонамѣренному" Измайлова, хотя самъ Пушкинъ участвовалъ въ немъ въ 1818 г.

[3]) Спб., 1828, стр. 13—15. „Мавра Власьевна Томская—богатая лѣтъ 60-ти вдова, охотница до чтенія. Фролъ Саввичъ Калугинъ—старинный пріятельея мужъ, человѣкъ, обращавшійся въ кругу ученыхъ людей". *Прим. авт.*

Digitized by Google

Что жъ начитаете въ книжонкахъ?...
Сужденья наглыя однѣ
Не о дѣвицахъ, о дѣвчонкахъ.
Татьяна видѣла во снѣ,
Что мельница въ мундирѣ пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ.
Но часто грезятся и мнѣ
Невѣроятности такія,
Что, право, стоило бъ иныя
Стихами также описать.
Такъ въ чемъ же тутъ вашъ чудный геній?...
Притомъ о нѣгѣ и о лѣни
Мнѣ любопытно ли читать?
Большая надобность мнѣ знать,
Что нѣжатся они, лѣнятся...
Зачѣмъ, бывъ въ лѣтахъ молодыхъ,
Для общей пользы не трудятся!
Межъ тѣмъ рублей все по пяти
За каждую главу плати!

. . . . . .

М—ру [1]).

. . . . . .

Мой другъ, оставя дѣвъ младыхъ,
И связки книжекъ покупныхъ,
И даже въ рамахъ золотыхъ
Откинувъ Креза иль Нерона
И ликъ Венеры-бюстъ пустой,
Мы вдохновеннаго Байрона
Почтимъ и сердцемъ и душой;
Онъ намъ, въ пылу воображенья,
Тоску и мрачное мученье
Съ унынъемъ сладко перелилъ

---

[1]) „Пѣсни золотаго рожка. Отысканная рукопись неизвѣстнаго сочинителя". М. 1828. стр. 41—43.

Digitized by Google

И насъ, суровый, научилъ
Питать къ невѣжеству презрѣнье.
Его и Пушкинъ полюбилъ:
Младой пѣвецъ Бахчисарая
Ему по чувствамъ близокъ сталъ
И, насъ стихами услаждая,
Пѣвцу, какъ геній, подражалъ:
Сераль роскошнаго Гирея,
Фонталъ гарема, злой евнухъ
И двухъ плѣнницы самъ-другъ,
Ни думать, ни желать ни смѣя,
Въ уединенной тишинѣ,
Подъ стражей бдительной и хладной
На лонѣ скуки безотрадной—
Намъ представлялись и во снѣ
Марія, мѣсяцъ вѣчно ясной,
Такъ непорочна и прекрасна,
Какъ сердцу близкой идеалъ:
Пѣвецъ какъ будто [1])... зналъ,
Онъ такъ плѣнительно и ясно
Ея портретъ обрисовалъ...
При звукѣ тонкаго стакана,
Мой милой, бывшій капитанъ,
Воздастъ хвалу твой метроманъ
Пѣвцу Кавказа и Руслана;
Бештау былъ его Парнассъ;
Теперь, съ вершины Аю-дага,
Его всевидящей мечтой,
Предъ новымъ, грознымъ легіономъ
Махая острой полосой,
Вездѣ летаетъ за Байрономъ...

. . . . . .

1823 (?)

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Digitized by Google

Евгеній Вельской [1])

. . . . . .

Книгопродавецъ. Чего жъ вамъ хочется, скажите?
Мнѣ непонятна ваша цѣль —
И, кажется, —не осудите! —
Напрасно взяли вы свирѣль.
Едва ли лавры вы пожнете,—
Нѣтъ, мудрененько ихъ достать:
Въ Жуковскіе не попадете
И Пушкинымъ вамъ не бывать.

Авторъ. А! Вотъ о Пушкинѣ, и—кстати —
Ты знаешь, у него въ печати
Поэма есть...

Книгопродавецъ. Его Русланъ?

Авторъ. О нѣтъ! тотъ маленькій романъ...

Книгопродавецъ. «Евгеній»? Кто его не знаетъ?
Романъ намъ этотъ доставляетъ
Таки порядочный доходъ,
И весь ученый вашъ народъ
Его, какъ чудо, выхваляетъ!

Авторъ. Согласенъ съ ними и тобой,
Какъ ни суди о немъ кто строго —
Хорошаго все очень многое:
Стихи прекрасны, слогъ живой...

. . . . . .

П. Межаковъ [2]).

Къ другу.

. . . . . .

Несравненнаго Крылова
Басни наизусть твердимъ.
И опять читаемъ снова —

---

[1]) Москва, 1828. стр. V—VII. Стр. X: „Евгеній, Пушкина поэма, книгопродавцамъ не накладъ".

[2]) Стих. П. Межакова, Спб., 1828, стр. 93—94.

Digitized by Google

И опять дивимся имъ;
То Жуковскій, вѣрный житель
Тайныхъ областей небесъ,
Манитъ насъ съ собой въ обитель,
Райскихъ полную чудесъ;
Или Батюшковъ согласной
Пламень нѣги сладострастной,
Какъ волшебникъ, въ душу льетъ
И умы къ себѣ влечетъ;
Или Пушкинъ своенравный,
Одному себѣ лишь равный
Мощный властелинъ сердецъ,
Рветъ у всѣхъ изъ рукъ вѣнецъ.
. . . . . .

Е. А. Баратынскій [1]).

Историческая эпиграмма.

Хвала—маститый нашъ Зоилъ,
Когда то Дмитріевъ бѣсилъ
Тебя счастлівымі струнамі;
Бѣсілъ Жуковскій вслѣдъ за німъ;
Вотъ бѣситъ Пушкінъ: какъ любімъ
Ты дальновіднымі судьбамі!
Трі поколѣнія пѣвцовъ
Тебя красой своіхъ вѣнцовъ
Въ негодованье пріводілі;
Пекісь о здравіі своемъ,
Чтобы подобно первымъ тремъ
Другіе трі тебя бѣсілі!

---

[1]) „Московскій Телеграфъ", 1829 апрѣль, VII, 257—8. „Соч.", Казань, 1884, стр. 170. На Качановскаго. Скарикатурено его правописаніе, возвращавшее къ своеобразному правописанію Тредьяковскаго. Это возвращеніе осмѣяно было въ „Литер. Газетѣ", I, 1830, стр. 194.

Digitized by Google

(Кн. Шаликовъ ?) [1].

Въ альбомъ К: Н. У....й

Какъ ни прелестны вы талантомъ, красотой,
Какъ ни плѣняются всѣ вами,
Но если съ пламенной душой
Вамъ выскажетъ стихами
Въ альбомѣ, напримѣръ, поэтъ
Все то, что чувствуетъ, когда на васъ взираетъ,
Когда гармоніи изъ вашихъ устъ внимаетъ,—
Разсчетливый, холодный свѣтъ
Съ презрѣньемъ броситъ взглядъ на *дань благовѣнья*
Таланту, красотѣ!!!
Но что до свѣта мнѣ? что до его сужденья?...
Въ своей златой мечтѣ
Я думаю о васъ, я дорожу лишь вами!
И еслибъ даръ имѣлъ вамъ угодить стихами...
Ахъ! что я говорю? Мнѣ ль даръ такой имѣть?
Мой жребій столь ли славный?
Васъ долженъ пѣть
Поэтъ самодержавный!...

О. С. Пушкина—Павлищева (?).

Разувѣреніе [2]

Не мани меня, надежда,—
Не прельщай меня, мечта!

---

[1] „Дамскій Журналъ", 1829, № 49, стр. 131. К. Н. У.....а—несомнѣнно Катерина (такъ всегда писалъ Шаликовъ) Ник. Ушакова, какъ въ слѣдующемъ за этимъ стихотвореніемъ (ib., 131—2) Е. Н.—ея сестра Елизавета. „Самодержавный поэтъ"— несомнѣнно Пушкинъ: такъ его назвалъ Туманскій. О близости Пушкина и Шаликова къ семейству Ушаковыхъ см. Л. Н. Майковъ, Пушкинъ, Спб., 1899, стр. 335—377.

[2] Стихотвореніе это приписалъ своей матери Л. Н. Павлищевъ, на показанія котораго вообще трудно полагаться. Вотъ его слова (соч. кн.

Digitized by Google

Ужъ нельзя мнѣ всей душою
Вдаться въ сладостный обманъ,
Ужъ унесся предо мною
Съ жизни жизненный туманъ.

Неожиданная встрѣча
Съ сердцемъ, любящимъ меня,—
Мнѣ ль тобою восхищаться,
Мнѣ ль противиться судьбѣ?
Я боюсь тебѣ ввѣряться,
Я не радуюсь тебѣ!

Надо мною тяготѣетъ
Клятва друга первыхъ лѣтъ...
Юношей связали музы,
Радость, молодость, любовь,—
Я расторгъ святыя узы,
Онъ въ толпѣ мопхъ враговъ!

Ни любовницы ни друга
Не имѣть тебѣ во вѣкъ—
Молвилъ, гнѣвомъ вдохновенный,
И пропалъ мнѣ изъ очей.
Съ той поры уединенный
Я скитаюсь межъ людей.

Разъ еще я видѣлъ счастье,
Видѣлъ на глазахъ слезу,
Видѣлъ нѣжное участье,
Но, проститъ меня, пѣвецъ,—
Ужъ предвижу я ненастье,
Для меня ль союзъ сердецъ?

П. П. Вяземскаго, Спб., 1893, 486—7): „пьеса" Разувѣреніе", въ которой О. С. говоритъ отъ имени царскосельскаго товарища А. С., В. В. (sic, вм К.), написана по случаю упрека, сдѣланнаго Кюхельбекеру моимъ дядей за обидчивый характеръ, при чемъ А. С. сказалъ ему: „тяжелый у тебя нравъ, братъ Кюхля! Вспомни мое слово: ни любовницы, ни друга не познать тебѣ во вѣкъ".

Digitized by Google

Что же роковая пуля
Не прервала дней моихъ?
Что жъ для новаго изгнанья
Не подводятъ мнѣ коня?
Въ тихой тьмѣ воспоминанья
Ты бъ не разлюбилъ меня!

А. Родзянка [1])

О Пушкинъ, мотъ и расточитель
Даровъ поэзіи святой
И молодежи удалой
Іерофантъ и просвѣтитель!
Любезный женщинамъ творецъ,
Пѣвецъ «Разбойниковъ», Цыгановъ»,
Безумцевъ, рыцарей, Руслановъ:
Скажи, чего ты не пѣвецъ?

Илличевскій [2])

Экспромтъ.

У печки, погруженъ въ молчанье,
Поднявши фракъ, онъ спину грѣлъ —
И никого во всей компаньѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

---

[1]) Лейпентамъ, „Честь Пушкину", Кишиневъ, 1898 г. стр. 18. Стихи эти приписаны А. И. (?) Керн, между тѣмъ какъ они принадлежатъ Арк. Родзянкѣ. (См. Бартенев, Пушкинъ, II, 126).

[2]) Л. Н. Майковъ, Пушкинъ, Спб., 1899, 265. Изъ воспоминанія А. П. Керн о Пушкинѣ: „бывъ холостымъ, онъ рѣдко обѣдалъ у родителей, а послѣ женитьбы—почти никогда; когда же это случилося, то послѣ обѣда на него иногда находила хандра. Однажды, въ такомъ мрачномъ расположеніи духа, онъ стоялъ въ гостиной у камина, заложивъ назадъ руки... Подошелъ къ нему Илличевскій и сказалъ: у печки *и пр.*... Это развеселило Пушкина, и онъ сдѣлался очень любезенъ".

Digitized by Google

Эпиграмма на Л. С. Пушкина [1]).

А Левушка нашъ радъ,
Что онъ—родному брату братъ.

Н. Полевой (?) [2]).

Отрывокъ изъ поэмы.

..... Нѣтъ, нѣтъ! Подъ небомъ Хоразана
Такъ пышно роза не цвѣтетъ,
И твой, о Пери Шамахана,
Не столько сладостенъ полетъ,
Какъ пышно грудь младой Хариты
Цвѣла подъ дымкой кисеи,
И черныхъ локоновъ струи
На грудь вились и на ланиты!
Она горитъ огнемъ любви
Отъ поцѣлуя молодого,
И жаръ кипитъ въ ея крови
Страстей и чувства неземного!
Съ привѣтной лаской рѣчей
Сливался огнь ея очей,
И ярко лучъ луны свѣтился
Въ потокѣ тихомъ и въ рѣкѣ,
Гдѣ рыбарь въ легкомъ челнокѣ
Съ унылой пѣснію катился,

---

[1]) Л. Н Майковъ, Спб., 1899, стр. 19.

[2]) „Новый Живописецъ", II, 196—198. Пародія на Пушкина и „Пушкинскую плеяду". *Прим. автора:* „ С. К. Конфетинъ, юный поэтъ, извѣстный многими стихотвореніями, помѣщенными въ журналахъ и альманахахъ, сообщилъ намъ неоконченную свою поэму „Зюлейка". Онъ хочетъ издать ее вполнѣ, но прежде намѣренъ напечатать изъ нея *пятнадцать* отрывковъ въ альманахахъ. Вся поэма составитъ до 600 стиховъ. Съ удовольствіемъ помѣщаемъ отрывокъ, изъ котораго читатели могутъ судить объ оригинальности, силѣ чувства и вкусѣ поэта".

Digitized by Google

Скользя по влагѣ голубой,
Подернутой ночною мглой.
Онъ о бываломъ миломъ счастьѣ
Тихонько пѣсню напѣвалъ
И намять-сердца сладострастье —
Словами грусти волновалъ...

Пѣсня рыбака.

Какъ газели легконогой
Мчался бѣгъ среди полей;
Какъ средь рощицы далекой
Пѣлъ мгновенный соловей;
Какъ ему внимали розы
Чуть колышимымъ листомъ;
Какъ невѣрной дѣвы слезы
Осушались при другомъ;
Такъ и ты мнѣ измѣнила,
Дѣва нѣги и любви!
Все забыла, все забыла,
И восторгъ, и жаръ въ крови!

О бываломъ, о мечтаньи
Ты ль не вспомнишь никогда,
Дѣвы, гурій красота?
Самъ хочу я, самъ люблю я
Дѣву рая забывать
И, о счастіи тоскуя,
О тебѣ не тосковать...

И онъ умолкъ въ тиши далекой,
И снова тихо, — лишь порой,
Какъ надъ луною одинокой,
И надъ заснувшею волной
Тихонько облачко мелькаетъ,
Все звуки есть издалека...
Такъ звукъ на лирѣ умолкаетъ,
Когда Туманскаго рука

Digitized by Google

Ея игрой не оживляетъ,
А звукъ привычный все звучитъ
И душу грустью тяготитъ...

1830.

Н. Полевой (?) [1]).

Разувѣреніе.

(Элегія).

Она прошла, былая радость,
Онъ пролетѣлъ, мой счастья сонъ,
И потускнѣлъ твой небосклонъ,
Разочарованная младость!
Мои бывалыя мечтанья,
Мои далекія мечты,
Ты, трепетъ счастья, упованья,
Ты, вольный геній красоты!
Гдѣ вы? Прелестное видѣнье!
Ты, перелетнымъ вѣтеркомъ,
Мнѣ навѣвало вдохновенье,
Меня ласкало тихимъ сномъ!
Разбиты счастія надежды,
Исчезъ мой свѣтлый идеалъ,
И на хладѣющія вѣжды
Унынья тяжкій сонъ упалъ...
Такъ, въ блескѣ яркомъ, погасаетъ
Въ часъ поздній алая заря
И свѣтлый отблескъ отражаетъ
Въ святыхъ стѣнахъ монастыря;
И вѣтеръ на могилахъ братій
Листкомъ полыни шевелитъ,
Гдѣ память мира, слезъ, проклятій
Непознаваемая спитъ....

---

[1]) „Новый Живописецъ", II, 194—196. Подпись „И. Пустоцвѣтовъ". Пародія на элегіи Пушкина и „Пушкинской плеяды".

Digitized by Google

Зачѣмъ же, свѣтлыми словами,
Еще поэзіи привѣтъ
Меня знакомитъ, какъ съ друзьями,
Съ мечтой на-вѣкъ протекшихъ лѣтъ?
Міръ опыта, рукою смѣлой,
Гробокопатель добрый мой!
Обвей меня въ свой саванъ бѣлой
И душу за-живо отпой!... [1]).

1830.

Кн. Шаликовъ (?)

Эпиграмма [2]).

По старинѣ Гомеръ
Былъ геній;
А нынѣ, напримѣръ,
И Пушкина Евгеній,
И Баратынскаго Арсеній—
Все геній.

Митроп. Филаретъ [3])

Не напрасно, не случайно
Жизнь судьбою [4]) мнѣ дана;

---

[1]) Все стихотвореніе состояло изъ 17 строфъ, но, такъ какъ мѣста для него недостаетъ, то мы рѣшились остальныхъ строфъ не печатать. Надѣемся, что любезный поэтъ не оскорбится, ибо смысла ни убавилось, а душа поэта уже вся видна и въ помѣщенныхъ здѣсь строфахъ.

Прим. автора.

[2]) „Дамскій Журналъ", 1830, № 20, стр. 111.

[3]) „Звѣздочка", 1848, X; Соч. Пушкина (изд. Поливанова, М., 1893), I, 258; „Рижскій Вѣстникъ", 1899, № 113. Написано на стихотвореніе Пушкина „Даръ напрасный, даръ случайный" (1828). Въ 1830 г. Пушкинъ отвѣтилъ митр. Филарету—стихотвореніемъ „Въ часы забавъ иль праздной скуки".

[4]) Вар. „отъ Бога".

Digitized by Google

Не безъ правды ею тайно [1])
Ты [2]) на казнь осуждена:
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забвенный [3]) мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый [4]) умъ.

1830.

А. Башиловъ [5]).

Поэтъ.

(Посв. А. С. Пушкину).

Какъ безначаліе судьбы,
Какъ бытія своеобразный свитокъ,
Какъ суетныхъ страстей враждебныя борьбы
Какъ своевольныхъ чувствъ избытокъ:
Такъ, независимо отъ суетныхъ влеченій,
Поэтъ, любимый сынъ боговъ,
Не вѣдая земныхъ оковъ,
Храня въ себѣ тайникъ событій, впечатлѣній
Какъ представитель поколѣній,
Какъ современникъ всѣхъ вѣковъ,
Природы раболѣпный данникъ,
Въ отрадномъ сердца забытьи,
Какъ вѣрный стражъ на жизненномъ пути,

---

1) Вар. „не безъ воли Бога тайной".
2) Вар. „и".
3) Вар. „забытый".
4) Вар. „свѣтелъ".
5) „Радуга, М., 1830, 218—219.

Digitized by Google

Поставленъ сей изящнаго избранникъ!
Безъ цѣли онъ живетъ и мыслитъ безъ препонъ;
. . . . . [1])
Когда питомцевъ вдохновенья
Въ мечтаньи [2]) погруженъ, то нелюдимъ и дикъ.
Друзья высокаго! Слезой благоговѣнья
Почтемъ въ сей вдохновенный мигъ
Его пророческій языкъ!

Н. Полевой (?) [3]).

Пародія на эпиграммы Пушкина.

Корчи харю философа,
Сухопарый критикъ мой!
Я молчу: въ отвѣтъ ни слова;
Не раздѣлаюсь съ тобой!
Съ длинноухими ослами
Насъ дубина разочтетъ,
И съ тобою не стихами —
Палкой кончу я разсчетъ!

1831.

Н. А Полевой [4]).

Пародія.

Вотъ сердца горестныхъ замѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій,

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Мечтанья?

[3]) „Новый Живописецъ", IV, 192.

[4]) „Новый Живописецъ", IV, 195. Составлено изъ посвященія Плетневу „Евгенія Онѣгина"— въ обратномъ порядкѣ. Полевой хотѣлъ доказать, что стихи Пушкина можно читать и „задомъ напередъ" (стр. 196).

Digitized by Google

Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній
Небрежный плодъ. Моихъ забавъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ—
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Ну! такъ и быть—рукой пристрастной,
Высокихъ думъ и простоты,
Поэзіи живой и ясной,
Святой исполненной мечты,
Достойнѣе души прекрасной,
Залогъ достойнѣе тебя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Не мысля гордый свѣтъ забавить...

1831.

Н. Полевой (?) [1]).

Отрывокъ изъ поэмы: Курбскій (пѣснь III).

LXIII.

. . . . . Сказалъ, и вотъ
Кипитъ народъ нетерпѣливый:
«Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Зачѣмъ пейдетъ?
«Зачѣмъ?...» Но шумъ толпы крикливой
Умолкъ. Съ узорчатыхъ высотъ
Кремля, святого по преданью,
И по молвѣ, и по сказанью
О чудесахъ былыхъ временъ,
Валитъ народъ со всѣхъ сторонъ
На мѣсто лобное, гдѣ казни
Вельможа гордый учреждалъ,

---

[1]) „Новый Живописецъ", II, 189—190. Пародія на отрывки изъ поэмъ Пушкина, которые помѣщались въ тогдашнихъ альманахахъ. Подпись „И. Пустоцвѣтовъ". Ниже (стр. 210—223) „Сцены изъ трагедіи: Стенька Разинъ (Демишиллерова)—довольно длинная и развязная пародія на „Бориса Годунова". Точки принадлежатъ автору.

Digitized by Google

Гдѣ прежде ужасъ непріязни
Онъ самъ на плахѣ испыталъ...

LXIX, LXX, LXXI, LXXII.

«Нѣтъ, нѣтъ!» рекла святая дѣва:
«Ты не погибнешь отъ меча!
Отъ царскаго спасу я гнѣва
И отъ сѣкиры палача!
Чрезъ монастырь, чрезъ переходы,
Чрезъ подземелья проведу,—
И двинешь ты его народы
Ему на гибель и бѣду!»...
Умолкла. Съ тайною тоскою
На дѣву юноша глядѣлъ;
Ведомый милою рукою,
Онъ холодѣлъ, онъ пламенѣлъ,
Онъ забывалъ свои обѣты,
Онъ забывалъ свою судьбу,
И тайныя любви примѣты
Искалъ.....

1831.

И. Р. [1]).

Къ Тавридѣ.

Узрю ли я твои, Таврида, небеса,
Вершины горъ, въ одеждѣ вѣчноснѣжной,
Благоуханные долины и лѣса,
И бунтъ стихій, и твой народъ небрежной?
Узрю ли я когда развѣнчанный дворецъ
Твоихъ царей и дѣвы той гробницу,
Которую воспѣлъ полуночный пѣвецъ [2])
И лавръ тамъ принялъ въ даръ, и громкую цѣвницу?

---

[1]) „Украинскій Альманахъ", Харьковъ, 1831, стр. 55—6.
[2]) „Бахчисарайскій фонтанъ" Пушкина.

Digitized by Google

И состраданія слезой?
Я окроплю ль могилу дѣвы
И буду ль пѣть? И тихіе напѣвы
Промчатся ль къ ней воздушною страной?

А. Ѳ. Вельтманъ [1]).

Пегасъ

(А. С. Пушкину).

Phébus ne craint pour sesouvrages
Que la chute de l'univers.
La Motte (Ode sur la Poèsie).

I.

По безпредѣльности паритъ крылатый конь,
Ничто стремленіемъ не правитъ;
Всеосвѣщающій въ очахъ горитъ огонь,
Ничто смириться не заставитъ!
Подъ нимъ клубятся облака;
Подъ нимъ безбрежная рѣка;
Бѣгутъ подъ нимъ предметы всей природы,
И слились въ радугу цвѣты, и тѣнь, и свѣтъ,
И день, и ночь, и вечеръ, и разсвѣтъ,
Прошедшіе и будущіе годы!

II.

Счастливъ, кому волшебникъ-геній далъ
Очаровательную силу!
Онъ возлетитъ на немъ къ прекрасному свѣтилу,
Гдѣ пламенникъ души богъ пѣсней возжигалъ!

---

[1]) „Бѣглецъ", повѣсть въ стихахъ А. Вельтмана, М., 1831, стр. VII—VIII.

Digitized by Google

N. [1]).

Пародія (*на „Черную шаль“ Пушкина*).

Гляжу я безмолвно на бѣлой султанъ,
И душу терзаетъ любовь и обманъ.
Когда еще съ куклой играла моей,
Въ то время не знала печальныхъ я дней.
Мадамъ Крокъ и няня ласкали меня,—
Но долго ль невѣстѣ до чернаго дня?
Едва миновало семнадцатый годъ,
Ко мнѣ постучался коварный Эротъ.
«Брось куклу,» шепнулъ онъ: «красотка моя!
Тебѣ приготовилъ гусара ужъ я».
Невинной малюткѣ подалъ онъ конфектъ,
Я кликнула няню къ себѣ на совѣтъ.
Мы вышли; я къ другу летѣла пѣшкомъ,
И щеки пылали невиннымъ огнемъ.
Вхожу я поспѣшно на дворъ роковой,
И вижу—коляска стоитъ четверней.
И тотчасъ выходитъ гусаръ на крыльцо,
И смотритъ невинной мнѣ прямо въ лицо,
И скрылся въ коляску, не медливъ, изъ глазъ.
Уѣхалъ и мчится злодѣй на Кавказъ.
Несчастная шляпа упала съ него,—
Я шляпу ногами топтала его,
И съ гнѣвомъ исторгла султанъ роковой,
Безмолвно заткнула за гребень я свой.
Слезами омыла обратный я путь,
И, чаю напившись, легла я заснуть.
Меня разбудила вечерняя мгла.
Несчастную шляпу со стѣнки сняла—
Гляжу я безмолвно на бѣлой султанъ,
И душу терзаетъ любовь и обманъ.

---

[1]) „Венера“, 1, Москва, 1831, стр. 51—53

Digitized by Google

А. Д. Илличевскій [1]).

19 октября.

Друзья! опять насъ вмѣстѣ свелъ
Въ лицейскій кругъ сей день завѣтной.
Не видѣли, какъ годъ прошелъ;
Мелькаетъ время непримѣтно!
Но что намъ до него? Оно
Коснуться братскихъ узъ не смѣетъ,
И дружба наша, какъ вино,
Тѣмъ больше крѣпнетъ, чѣмъ старѣетъ.

1831?

Тверской бульваръ [2]).

Здѣсь и педантъ учено-важный,
И франтъ паркетный записной,
Членъ клуба Англіи вальяжный
И членъ Нѣмецкаго простой!
Здѣсь много милаго, смѣшного!
Сюда, запрятавъ свой галунъ,
Отъ душной лекціи Пустова
Пришелъ спастись студентъ-- шалунъ.
Здѣсь и романтикъ полупьяный,
И классицизма вождь сѣдой,
Пѣвцомъ ругавшійся Татьяны,
И самъ пѣвецъ съ своей женой.
Здѣсь и торговка въ душегрѣйкѣ,
И дерзкій враль, и злой нахалъ!
И много пищи для статейки
Въ уютный *Княжескій* [3]) журналъ!

---

[1]) Эртель и Глѣбовъ, Русскій Альманахъ на 1832 и 1833, Спб. стр. 362. Лицейская годовщина, обращенная къ Пушкину и другимъ однокурсникамъ Илличевскаго

[2]) „Молва", 1831, № 16, стр. 4.

[3]) „Дамскій Журналъ" кн. Шаликова?

Digitized by Google

Н. Полевой (?) [1]).

Къ веснѣ.

Опять лазурными лучами
Взошло на вешній небосклонъ,
Опять привычными мечтами
Тобой разсѣянъ зимній сонъ,
Природы баловень могучій,
Любовникъ осени пахучей,
Женихъ весны, зимы супругъ
И лѣта благодатный другъ!
Нѣтъ, нѣтъ! не развѣвай унынья,
Не грѣй чела и не лови
Въ глазахъ обманчивой любви
Моей слезы . . . . . [2])
Убитый рокомъ, я отнынѣ
Посхимленъ горестью навѣкъ.
Моя судьба судьбѣ упрекъ.
Упрекъ безжалостной судьбинѣ...
Надежды свѣтъ мнѣ не златитъ
Бывалой прелестью долины,
Не золотитъ весны картины
И солнцемъ счастья не горитъ...
Я—мертвеца живого видъ,
Пугаю всѣхъ моей мечтою,
Разстался съ дѣвой неземною
И погубилъ свой идеалъ!
Подай мнѣ тяжкій свой фіалъ,
Моя знакомая, привѣтомъ
Меня мирившая со свѣтомъ
И съ благодатью тяжкихъ мукъ—
Ты исцѣли мнѣ мой недугъ,
Ты, мой сопутникъ неизмѣнной,

---

[1]) „Новый Живописецъ" Полевого. VI. М., 1832, тр. 103—4. Подпись: И. Пр...нъ. Пародія на элегіи Пушкина.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

Digitized by Google

Отрада горести блаженной,
Костлявый гость моей весны!
Мой конченъ пиръ, отсчтены
Мгновенья радости живыя
И сны надежды золотые!

1832.

Н. Полевой (?) [1]).

Воспоминанія.

Безумства юнаго безкрылыя желанья,
Мечта минувшаго, тяжелый думы слѣдъ,
Мои бывалыя, живыя бушеванья,
Страстей и призраковъ давно заглохшій цвѣтъ,
Обманъ надеждъ моихъ, и славы оболыценья,
Любви, вина и слезъ живыя наслажденья—
Васъ нѣтъ, давно васъ нѣтъ!

Н. Теплова [2]).

Къ любимому поэту.

Мнѣ измѣняютъ вдохновенья,
И преклоняюсь предъ тобой,
Любимецъ музъ и пѣснопѣнья,
Кипящій жизнію младой!
Горжусь твоей высокой долей
Съ самозабвеніемъ любви:
Ты лучшій цвѣтъ въ земной юдоли,
Ты мигъ восторга на земли.
Твои живыя вдохновенья
И поэтическіе сны—

---

1) „Романтическая пьеса Грошенникова"—„Новый живописецъ" Полевого, VI, М., 1832, стр. 97. Пародія на пушкинскія элегіи.

2) Стихотворенія Надежды Тепловой. М. 1833. Стр. 21—2. Теплова (позднѣе Теряхина) преклонялась передъ геніемъ Пушкина и написала сильные стихи на его смерть. „Любимый поэтъ"—скорѣе всего Пушкинъ.

Digitized by Google

Теперь *святое* наслажденье
Моей безрадостной весны.
Его судьба отнять не можетъ.
Коварно жизнь не осмѣетъ;
Она мнѣ лучшій путь проложитъ.
Превыше скорби и заботъ.
Пока душа моя согрѣта
Душой любимою поэта,
И съ именемъ его слита
Всего прекраснаго мечта, —
Иду въ ея тяжелый путь,
Но образъ свѣтлый, геніальный
Увижу ль я когда-нибудь?

1832.

Баронъ Розенъ [1]).

26-ое мая. [2])

Въ дни соловья, во дни утѣхъ и цвѣта
Когда съ небесъ слетаютъ счастья сны.
Есть празднество—великое для свѣта:
Какъ торжество, какъ *лучшій* день весны,
Мы празднуемъ рожденье поэта,
Чьей жизнію мы всѣ оживлены!
Сей день богамъ въ хвалу и честь мы ставимъ—
Такъ! генія сошествіе мы славимъ!
Давно ль еще, таинственный, какъ рокъ,
Съ уставами ничтожной жизни въ ссорѣ,
По областямъ поэзіи онъ влекъ
Сомнѣнья вѣкъ, блистательное горе?
Какъ грозный духъ, какъ бѣдствія пророкъ,
Давно ль блуждалъ въ эопрномъ неба морѣ,

---

[1]) „Альціона", Спб, 1832, стр. 33—34. На день рожденія Пушкина.

[2]) См. *Сѣверные цвѣты* на 1830 годъ, стихотв. отдѣл. стр. 98 и Сонетъ А. С. Пушкина: *Мадонна.* *Прим. автора*

Въ „Сѣверн. цвѣтахъ" было помѣщено стих. Пушкина „26 мая 1828 г." „Даръ напрасный, даръ случайный"...

Digitized by Google

Невѣдомымъ, причудливымъ путемъ—
Полночное свѣтило съ бунчукомъ!
Но разлился живой разсвѣтъ съ востока...
Мадонны ликъ, какъ солнце, восходилъ—
И вѣяли горѣ туманы рока
Въ дыханіи свѣтила изъ свѣтилъ!
Сей чудный ликъ, для нашего пророка,
Игрой лучей весь міръ преобразилъ...
И п[illegible]лась—въ услышаніе свѣта—
Сіона пѣснь изъ звучныхъ устъ поэта.

Мечтатель (С. Н. Глинка) [1]).

Экспромтъ.

Князю А. Д. Абамелику.

Нашъ Пушкинъ, Вяземскій, Козловъ
Тебя осыпали поэзіи цвѣтами.
Что послѣ нихъ сказать? Не нахожу я словъ!
Скажу простыми лишь стихами:
Твой умъ и твой талантъ даютъ тебѣ вѣнецъ!...
И это судъ сердецъ!

И. И. Мартыновъ [2])

Собственное негодованіе.

О! не тревожьте вы меня,
Поэзіи причуды милы!
Нѣтъ Пушкина во мнѣ огня,
Жуковскаго волшебной силы.
По приговору злыхъ головъ,
Я сталъ второй Хвостовъ.

до 1833.

---

[1]) „Дамскій Журналъ", 1832, XXIV, 171.

[2]) Колбасинъ, Литер. дѣятели прежняго времени. Спб., 1859, стр. 152—3.

Digitized by Google

И. И. Мартыновъ [1])

О Жуковскомъ, Батюшковѣ и А. Пушкинѣ.

(Послѣ чтенія ихъ сочиненій).

Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ предо мною!
Я всѣмъ имъ не даю ни малаго покою:
Послушавъ одного, клоню къ другому слухъ;
Равно ихъ сладкій гласъ мой восхищаетъ духъ.
Различны лиры ихъ, но всѣ три друга Фива:
Сверкаетъ ярко въ нихъ свѣтъ генія счастлива.
Не мните, чтобы я къ сухимъ педантамъ тѣмъ прилегъ,
Кого безвкусья богъ къ злорѣчію обрекъ,
Въ порывахъ смѣлыхъ кто зритъ дерзкое стремленье,
Кому блескъ новый—мракъ, восторги—ослѣпленье.
Ни лести, ни зависти языкъ не знаетъ мой:
Съ душею младости плѣняюсь я красой.
Недавно я смотрѣлъ свои забавы давни:
Сличалъ съ ихъ пѣснями стихи мои сусальны.
О, слабость юныхъ лѣтъ все отдавать въ печать!
О, какъ желалъ бы я все пламени предать!
Когда бы могъ собрать все въ безобразну кучу
И на нее навесть зиловъ грозну тучу!

до 1833.

М. Саранданаки [2]).

Эпиграммы.

I.

Ты изъ *Онѣгина* отважною рукою
Похитилъ все, что могъ:

---

[1]) Колбасинъ, Литер. дѣятели прежняго времени, Спб., 1859, стр. 127.

[2]) „Литер. прибавл. къ Русск. Инв.“, 1833, № 36. стр. 287 и № 38, стр. 303. Повидимому, на поэму „Евгеній Вельскій“ (М., 1828)—пародію на „Евгенія Онѣгина“.

Digitized by Google

Глазъ цыфры римскія и точки съ запятою,
И длинный рядъ страницъ, неполный чепухою,
И домикъ и пруды, и мельницу и стогъ,
И... и... и всего довольно.
Зачѣмъ же не взялъ ты еще талантъ и слогъ?
Напрасно ты отъ нихъ отрекся добровольно.

II.

Евгеній новый твой
Есть копія точь въ точь (и кто того не видитъ?)
Съ *Онѣгина*: твой бѣдненькой герой
И любитъ, и живетъ, и даже ненавидитъ,
Какъ чувствовалъ, любилъ и ненавидѣлъ онъ.
За нимъ *Евгеній* твой, какъ тѣнь, во слѣдъ тащится.
Такъ за учителемъ по улицамъ влачится
Несчастныхъ школьниковъ нестройный легіонъ.

В. К. Кюхельбекеръ [1]).

Брату.

. . . . . .

И что жъ? пространство ли одно
По волѣ сокращать мечтаніямъ дано?
Ихъ вѣтреное племя
Не покорило ли и самый рокъ и время?
Не призракъ ли былыхъ, прекрасныхъ дней
Они подъемлютъ изъ могилы?
Отъ вѣянья ихъ чудотворной силы
Вдругъ предо мной всплываетъ сонмъ тѣней:
Я вижу утра моего друзей [2]),
Всѣхъ вижу ихъ, какъ ихъ видалъ бывало!
Такъ — вотъ и тотъ, кого давно уже не стало [3]),

---

[1]) „Избранныя стихотворенія", Ію-де-фонъ, 1880, стр. 35—36.
[2]) Пушкина, Грибоѣдова, Дельвига и т. д.
[3]) Грибоѣдовъ?

Digitized by Google

И тотъ, который живъ, но дружбѣ измѣнилъ;
Тѣ съ высоты честей, тѣ изъ степей изгнанья,
Изъ шумныхъ городовъ, изъ тишины могилъ, —
Всѣ, всѣ стеклися для свиданья:
Сдается—только сонъ всѣ наши испытанья:
Ихъ образъ тотъ же, тотъ же разговоръ,
И слышу тотъ же смѣхъ и тотъ же жаркій споръ,
Но мигъ—и нѣтъ ихъ....

. . . . . .

1833.

Сокольницкій Житель [1]).

Стихи, написанные въ отсутствіе хозяина Д. М. Львова на его домъ.

Храмъ, богу вкуса посвященный
Самими греками, не могъ
Плѣнять взоръ смертныхъ восхищенный,
Какъ сей плѣняетъ храмъ!... Самъ богъ,
Богъ вкуса, собственной рукою
Его украсилъ и сказалъ:
«Еще я съ прелестью такою,
Нѣтъ, ничего не создавалъ!»
И видимъ все, что мысль о Киндѣ,
О Паосѣ, Цитерѣ намъ,
Въ очаровательномъ ихъ видѣ,
Являетъ съ живостью очамъ!
И только ль? нѣтъ! въ семъ эрмитажѣ,
Достойномъ грацій и тебя.
Онѣгинъ, такъ! *Онѣгинъ* даже
Напоминаетъ мнѣ себя!
Вся та роскошь будуара;
Все тѣ же прелести для глазъ!...
«Ахъ! еслибъ не *одинъ*, а *пара*
Здѣсь раздѣляла каждый часъ!»
Еще подумаетъ невольно

---

[1]) „Дамскій Журналъ", 1833, № 28, стр. 27—2 .

Digitized by Google

Твой гость, хозяинъ дорогой:
«Когда бъ *Татьяна!*» Но довольно!
Иду въ мечтахъ своихъ—домой.

Е. А. Боротынскій [1]).

Новинское.

(А. С. Пушкину).

Она, улыбкою своей,
Поэта въ жертвы пригласила,
Но не любовь отвѣтомъ ей,
Взоръ ясный думой осѣнила.
Нѣтъ, это былъ сей легкій сонъ,
Сей тонкій сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви,—для вдохновенья...

1835—42

И. Бороздна [2]).

. . . . . .

Повсюду [3]) я искалъ слѣдовъ
Еще недавнихъ вдохновеній —
И предо мною *Слезъ Фонтанъ*,
Которому на стражу данъ
Поэзіи могучій геній!
Такъ, здѣсь и трубадуръ Литвы [4])

---

[1]) Полное собр. соч., I, Спб., 1894, стр. 122. Таинственные намеки этого стихотворнія до сихъ поръ еще никѣмъ не разъяснены.

[2]) Поэтическіе очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма въ стихахъ, М., 1837, стр. 153 155, 177.

[3]) Въ Бахчисараѣ.

[4]) „Мицкевичъ. Кто не читалъ безсмертныхъ его сонетовъ: *Бахчис. Дворецъ*, *Бахчисарай ночью*, *Гробница Потоцкой* и *Могилы гарема*, если не въ подлинникѣ, по крайней мѣрѣ въ превосходныхъ переводахъ: стихотворномъ И. И. Козлова и прозанч. Феликса Мьясковскаго (F. Miaskowski) и Фюльженже (D. Fulgengé), на франц." *Прим. автора.*

Digitized by Google

И знаменитый бардъ Невы [1]),
Обвороженные бродили —
И черпали и жадно пили,
Ключъ поэтическій, твою
Животворящую струю,
А всемогущія Камены
Ей дали силу Иппокрены!
И падаетъ на сердце грусть,
Когда Марію и Зарему
Тамъ вспомнишь! Пушкина поэму
Прочтешь невольно наизусть,
А думы радужнымъ потокомъ,
Неудержимыя, кипятъ
И душу пылкую свѣжатъ —
И все кругомъ блеститъ Востокомъ!
Безвѣстный путникъ, цѣлый день
Я слушалъ говоръ водомета,
Передъ которымъ дѣвы тѣнь
Мелькнула надъ челомъ поэта,
Когда онъ въ дивной угадалъ
Знакомый сердцу идеалъ —
И въ эти свѣтлыя мгновенья,
Для Аполлонова жреца,
Палаты ханскаго дворца
Вдругъ стали храмомъ вдохновенья —
И низложилъ съ себя туманъ
Неблагодарнаго забвенья
Любовью созданный фонтанъ!
Воздвигнутъ онъ не на забаву,—
Нѣтъ! Начертаніе гласитъ:
Ключъ этотъ здравіе даритъ [2])
А я примолвилъ бы: *и славу*!

. . . . . .

. . . . . .

Здѣсь [3]) очарованный Мицкевичъ

---

[1]) Пушкинъ.

[2]) „Такова дѣйствительно подпись на фонтанѣ, который прославленъ Пушкинымъ подъ именемъ *Фонтана Слезъ*. При входѣ со двора онъ налѣво."

[3]) Въ Крыму.

Digitized by Google

Пѣлъ, Музой призванный поэтъ,
Свой гармоническій сонетъ!
И лавры пышные Тавриды
Отдали бъ каждый свой листокъ,
Чтобъ сплесть безсмертному вѣнокъ!
Здѣсь Пушкинъ видѣлъ Нереиды [1])
Неуловимыя красы
Въ тѣ сладострастные часы,
Когда звѣзда денницы блещетъ,
И море, зеленѣя, плещетъ
Въ тѣни оливковыхъ деревъ,
Вокругъ скалистыхъ береговъ!

. . . . . .

1836.

А. И. Полежаевъ [2]).

На смерть Пушкина.

И поэтическія вѣжды
Сомкнула грозная стрѣла—
Тогда, какъ свѣтлыя надежды
Вились вокругъ его чела;
Когда рука его сулила
Намъ тьму надеждъ—тогда сразила
Его судьба.....

А. В. Кольцовъ [3]).

Письмо А. А. Краевскому.

А. С. Пушкинъ померъ; у насъ его болѣе нѣту!... Едва взошло русское солнце, едва освѣтило широкую русскую землю небесъ

---

[1]) „Кто не знаетъ наизусть очаровательной пьесы знаменитаго поэта, начинающейся стихами:

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду?“

Прим. автора.

[2]) Стихот., Спб., 1892, стр. 75.

[3]) Стихотв. и письма, Спб., стр. 1893, 118.

Digitized by Google

вдохновеннымъ блескомъ, огня животворной силой; едва огласилась могучая Русь стройной гармоніей райскихъ звуковъ; едва раздался волшебныя пѣсни родимаго барда... Прострѣлено солнце... Лицо помрачилось, безобразной глыбой упало на землю! Кровь, хлынувъ потокомъ, дымилася долго, наполняя воздухъ святымъ вдохновеньемъ недожитой жизни!... Толпой согласной соберитесь, други, любимцы искусства, жрецы вдохновенья, посланники Бога, пророки земные! Глотайте тотъ воздухъ, гдѣ русскаго барда, съ послѣднею жизнью, текла кровь на землю, текла и дымилась! Глотайте тотъ воздухъ, глотайте душою: та кровь драгоцѣнна. Сбериге ту кровь, въ сосудъ положите, въ роскошный сосудъ. Сосудъ тотъ поставьте на той на могилѣ, гдѣ Пушкинъ лежитъ.

О лейтесь, лейтесь же ручьями
Вы, слезы горькія, изъ глазъ,
Нѣтъ больше Пушкина межъ нами,—
Безсмертный Пушкинъ нашъ угасъ!

Слѣпая судьба! Развѣ у насъ мало мертвецовъ? Развѣ, кромѣ Пушкина, тебѣ нельзя было кому нибудь другому смертный гостинецъ передать? Мерзавцевъ есть много,—за что жъ ты ихъ любишь, къ чему бережешь? Мерзавка судьбы!... Творецъ Всемогущій свѣта! Твоя воля, Твои совѣты мудры, но непостижимъ намъ Твой законъ!

М. Демидовъ [1]).

На смерть Александра-Пушкина.

Былъ на Руси поэтъ. Любила и ласкала
Русь благодарная питомца своего,
И слава шумная цвѣтами украшала
Чело открытое его.
И русскаго царя внимательное око
Поэта берегло съ любовію отца,
И разносилася изъ края въ край далеко

---

[1]) „Ау". Стих. М. Демидова. М. 1839. Стр. 65–66.

Digitized by Google

Пѣснь вдохновеннаго пѣвца.
Ужъ нѣтъ его! Вѣсть страшно роковая
Раздалась по Руси, какъ погребальный звонъ.
И Русь, еще молвѣ не довѣрая,
Спросила: точно ль умеръ онъ?
Да, умеръ онъ, животворящій геній!
Но, какъ свѣтъ солнечный, сквозь мглу волнистыхъ тучъ
Дойдетъ изъ рода въ родъ, до позднихъ поколѣній,
Его мечты блестящій лучъ.
Вотъ и другой питомецъ шумной славы
На высотѣ Кавказа снѣговой
Палъ жертвою войны кровавой
За славу родины святой [1]).
Когда божественный пѣвецъ Ерусалима [2]).
Печальный вѣкъ въ страданіяхъ кончалъ,
Державный Римъ о лучшемъ сынѣ Рима
Такъ древле плакалъ и стенялъ.

1837 (?)

С. Ахлопковъ [3]).

На смерть А. С. Пушкина [4]).

Кого сопровождаетъ клиръ
На вѣчное упокоенье,
Кому гласитъ протяжно пѣнье?
Кто здѣсь оставилъ міръ?
Къ кому народъ толпится въ домъ,
Увидѣть съ жадностью стремится —
Уснувшаго послѣднимъ сномъ?

---

[1]) Бестужевъ—Марлинскій.
[2]) Т. Тассо
[3]) Фіолетовыя книжки. I. Спб., 1846, стр. 3—5.
[4]) Стихи сіи написаны были въ слѣдъ по преждевременной кончинѣ поэта, но сочинитель ихъ не почелъ умѣстнымъ хлопотать тогда объ ихъ помѣщеніи въ какомъ-либо повременномъ изданіи, ибо другія стихотворенія поэтому поводу занимали въ то время вниманіе публики.

Прим. авт.

Digitized by Google

Надъ кѣмъ художникъ тамъ трудится,
Чіи черты снимаетъ онъ?
Вельможа ль умеръ именитый,
Заслугой царству знаменитый,
Любовью общею почтенъ?
Иль воинъ, лаврами увитый
И снѣгомъ сѣдины покрытый,
Окончилъ жизни славный бѣгъ?
О нѣтъ! поэтъ свершилъ свой краткій вѣкъ!
Судьба поэта совершилась—
Того поэта, что намъ пѣлъ:
«Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ—
«И постепенно жизни холодъ
«Съ годами вытерпѣть сумѣлъ!»
Звѣзда поэта закатилась,
Поэта геній отлетѣлъ—
Того поэта, что намъ пѣлъ
Любовь роскошную въ садахъ Бахчи-Сарая,
Живой свой фантазіи мечту,
Наѣзды бурные Нагая,
Черкесской дѣвы красоту;
На рубежѣ давнишнихъ становъ
Грозящій видъ родныхъ орловъ,
И жизнь бродяжную цыгановъ,
И удальскую казаковъ;
Что пѣлъ возстанье нашей славы
При свистѣ шведскаго ядра,
Что пѣлъ побѣдный кличъ Полтавы
И славу громкую Петра!
Онъ пѣлъ. Мы къ пѣснѣ жадный слухъ склоняли,
И пѣснямъ мы его рукоплескали.
И вдругъ, замолкъ поэтъ!
Что съ нимъ? Гдѣ онъ? Его ужъ больше нѣтъ!
И пѣсней болѣе его намъ не слыхать!
Его смерть жадная косою поразила,
И на уста его безмолвны положила
Руки таинственной печать!
Такъ, Пушкинъ! ты оставилъ свѣтъ

Digitized by Google

И въ свѣтѣ все, что сердцу мило,
И все, чѣмъ въ свѣтѣ сердце жило,
И чѣмъ оно живетъ!
И палъ съ главы твоей невянущій вѣнецъ,
Отъ музъ тебѣ и Граціи сплетенный,
И положенъ трудамъ твоимъ конецъ,
И пламень генія священный
Въ твоей лампадѣ не горитъ!
И лира громкая ужъ не звучитъ!
Увита черною шафтой —
Души восторженной царица —
Оспротѣлая цѣвница
Легла печальная съ тобой!
Но для чего, поэтъ, мое къ тебѣ воззванье
И дума грустная моя?
Не есть ли наша жизнь мечтанье,
И смерть-вѣнецъ ея?
И что здѣсь въ мірѣ жизнь поэта?
Не жертва ли въ забаву свѣта? —
И что поэта даръ
Воображеній упоенье,
Страстей сокрытыхъ отраженье,
Болѣзненный сердечный жаръ,
Души печальное томленье,
Перемѣненное порой
Не жалкое ума смятенье...
Что жъ смерть твоя? Покой.

А. Г. Родзянка [1]).

На смерть А. С. Пушкина 1837 г. 27-го января.

Таланта въ полномъ блескѣ онъ
Поникъ увѣнчанной главою,
Свинцомъ летучимъ пораженъ

---

[1]) „Рус. Обозр.," 1897, V, 420—421; Сумцовъ, А. С. Пушкинъ, Харьковъ, 1900, стр. 329.

Digitized by Google

Братоубійственной рукою [1]);
Изъ [2]) дѣтства баловень пѣвецъ
Прелестной музы своенравной,
И послѣ жизни бурной, славной,
И бурный встрѣтилъ онъ конецъ.
Негодованье и печаль
Волнуютъ грудь и мысль невольно:
Увы, кому его не жаль,
О Пушкинѣ кому не больно?
Одинъ онъ намъ звѣздой свѣтилъ,
Звучалъ и въ будущія лѣта:
Зачѣмъ же ты его убилъ,
Злодѣй, отнялъ у насъ поэта?
Кто право крови далъ тебѣ
Надъ сей главою озаренной [3])?
Ты знаешь ли, къ его судьбѣ
Восторгъ прикованъ полъ-вселенной?
Любимецъ нашъ, отрада, другъ,
Честь, украшенье полуночи,
Его напѣвовъ жаждалъ слухъ,
Его лица искали очи!
И слышишь ли плачевный звонъ?
Весь Петроградъ, сліянъ душою,
Подвигся въ ходѣ похоронъ
Необозримою толпою,—
Не полководецъ, не монархъ.
Онъ въ землю сходитъ имъ подобно,
И общей грустью въ міръ загробный
Сопровожденъ любезный прахъ.
Коль ближніе, склонясь челомъ,
Въ боязни кроются виновной,
Ты ль, Муза, предъ пѣвца костромъ
Пребудешь робкой и безмолвной?
Какъ Цезаря кровавый плащъ,

---

[1]) *Вар.* душою.
[2]) *Вар.* И съ
[3]) *Вар.* одаренной.

Digitized by Google

Бери, кажи ты барду [1]) тогу,
Зови къ Цезарю [2]), къ народу плачь.
И месть кричи землѣ и Богу!
Но успокойся, Неба дочь!
Кто усладилъ пѣвца кончину,
Его дѣтямъ успѣлъ помочь,
Устроивъ прочно ихъ судьбину,
Тотъ знаетъ... и не дремлетъ онъ,
Вѣчанный Россовъ представитель,
И грянетъ въ свой чередъ законъ,
Невинныхъ неподкупный мститель.

1837.

Я. К. Гротъ [3]).

Дань Пушкину.

Вотъ онъ, друзья, нашъ пѣвецъ, бездыханенъ, недвиженъ и блѣденъ,
Сжаты навѣки уста, потрясавшія словомъ намъ душу:
Смолкнулъ плѣнительный голосъ, широкую Русь облетавшій,
Голосъ, коему съ дѣтства привыкли внимать мы съ улыбкой.
Ахъ! и не онъ ли впервые поэзіи жаръ пробудилъ въ насъ?
Помните ль, братья, тѣ дни, какъ за тихой оградой Лицея,
Тамъ, гдѣ нѣкогда цвѣлъ вдохновенный Каменами отрокъ,
Съ жаждой прекраснаго въ сердцѣ пѣсни его повторялись?
Помните ль, какъ, ослѣпляясь громкой судьбою поэта,
Силъ не измѣривъ своихъ, мечтали порой мы о славѣ?
Помните ль, какъ онъ однажды, вѣрный завѣтному чувству,
Дѣдовскимъ ларамъ притекъ поклониться межъ внуковъ веселыхъ?
Мнилось, самъ богъ пѣснопѣнья съ горнихъ высотъ посѣтилъ насъ...
Други, его уже нѣтъ! Молодого, кипящаго жизнью,
Полнаго замысловъ пылкихъ Смерть удержала въ стремленьи!
Сколько прекрасныхъ начатковъ новой блистательной славы

---

[1]) барда?
[2]) Царю?
[3]) Гротъ, Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ, Спб., 1895, стр. 75; Гротъ. Пушкинъ, Спб., 1899, стр. 289—290.

Digitized by Google

Въ гробъ онъ уноситъ съ собой! Для чего же ты, Смерть, ненасытно
Цвѣтъ человѣчества косишь? Но безотвѣтна могила--
И передъ нами лежитъ облеченный саваномъ Пушкинъ.
Муза уныло склонилась надъ прахомъ его и рыдаетъ,
Вѣтвь кипариса сплетая съ лавромъ надъ тихой главою.
Жизни обманчивый сонъ ужъ болѣ его не тревожитъ;
Жаркая кровь ужъ остыла; вмѣстилище мысли могучей—
Бренный сосудъ разрушёнъ; но утѣшимся, мысль намъ осталась;
Древо разбито грозой, но плоды отъ него уцѣлѣли.
Младости бурной порывы, сердца печальныя думы,
Взглядъ самобытный на міръ,—на призывы природы свой откликъ,—
Все завѣщалъ намъ поэтъ—и почилъ. Съ какою любовью
Юноши, дѣвы и старцы, влекомые генія силой,
Дань воздаютъ удивленья передъ гробницею ранней!
Миръ же тебѣ, о нашъ бардъ, за таинственной гранію Стикса,
Тамъ, гдѣ давно по тебѣ воздыхалъ, сиротѣя, Державинъ.
Дивныя тѣни! ликуйте же вмѣстѣ о юной Россіи,
Вами прославленной въ гимнахъ, васъ прославляющей нынѣ!

1837.

К. [1]).

Вся Русь мольбы несетъ, печалію горя,
На жертвенникъ твой, мрачная Медуза.
На жизнь священную поэта и царя
Не дрогнетъ лишь рука француза [2]).
О, накажи безнравственный народъ
Не гладомъ, не чумой, не смертью вѣчной
Ни не потокомъ бурныхъ водъ,
Ни лавой быстротечной.
Но да противники святого и добра,
Доколѣ міръ живетъ и движетъ грифель Кліи,
Не узрятъ надъ собой владыки, какъ Петра,
Поэта, какъ пѣвецъ Кавказа и Маріи.

1837.

---

[1]) „Жизнь пережить—не поле перейти". Записки неизвѣстной, „Рус. Вѣст." 1881, сент., 154—155.

[2]) Почему Дантеса считали французомъ, я не знаю: вѣроятно, его мать была француженка. (Примѣч. автора воспоминаній).

Digitized by Google

М. Демидовъ [1]).

На кончину [2])....

. . . . . .

Твой гибкій, стройный станъ былъ диво красоты—
Прелестное Кановы изваянье.
А ножка, ножка, Пушкина мечты—
Изящное, чудесное созданье.

. . . . . .

Д. Сушковъ [3]).

Памяти незабвеннаго.

Сегодня годъ, какъ онъ почилъ
Среди безмолвныхъ сожалѣній;
Угасъ, угасъ нашъ чудный геній,
Какъ погасаетъ дымъ кадилъ
Средь ароматныхъ испареній!
Его ужъ нѣтъ!... Сокрылся онъ...
И обдалъ насъ житейскій холодъ:
Такъ тяжкой опытности молотъ
На вѣки рушитъ жизни сонъ.
И гдѣ святыя вдохновенья?
Гдѣ эти звуки и мечты?
Гдѣ, гдѣ бывалыя томленья?
Ихъ нѣтъ! ихъ нѣтъ!... Унесъ ихъ ты,
И мы, безмолвные, рыдая,
Твои поминки лишь творимъ,
Печально воздухъ оглашая,
Святые звуки мы твердимъ;
Но болѣ нѣтъ намъ наслажденій,

---

[1]) „Разныя разности", стих. М. 1838. Стр. 86.
[2]) Точки въ подлинникѣ.
[3]) Стих., I. Спб., 1838, стр. 66—67.

Digitized by Google

Не оживитъ насъ лиры гласъ:
Угасъ, угасъ нашъ чудный геній,
. . . . . [1])

1838.

Е. Шахова [2]).

Къ тѣни умершаго поэта.

Съ рожденья жребіемъ убитый,
Угасъ измученный пѣвецъ,
Неоцѣненный и забытый,
Красотъ непризнанныхъ творецъ!
Какъ началъ-кончилъ жизнь уныло,
Никто по сиромъ не вздохнетъ,
Никто надъ раннею могилой
Въ раздумьи плакать не придетъ!
Какъ будто свѣтъ его не знаетъ.....
И тѣнь отверженца людей
Безсонной ночью не пугаетъ
Ничьихъ задумчивыхъ очей.
Достойной славы отчужденный,
Его пріютъ послѣдній тихъ;
Прими жъ, покойникъ угнетенный,
Отъ сердца выплаканный стихъ!
Пусть грустный стихъ и слезка эта
Мнѣ тѣнь усопшаго поэта
Изъ мрачной сѣни гробовой
Къ свиданью вызовутъ мечтой...
Пусть, благосклонная, предстанетъ,
Пѣвца видъ прежній сохранивъ,
И въ очи ласково заглянетъ,
Мои восторги оцѣнивъ:
Смирюсь, почтительно колѣни

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Стихотворенія Елизаветы Шаховой, I. „Мірянка и отшельница", Спб., 1847, стр. 79–80

Digitized by Google

Предъ ней безъ страха преклоня,
И, можетъ быть, усопшій геній
Благословитъ одну меня!
И я, какъ въ храминѣ надежной,
Священный образъ заключу,
Въ душѣ довольной, безмятежной;
И, благодарная, смолчу
О тайнѣ поздней, краткой встрѣчѣ
Съ пѣвцомъ, чуждавшимся людей,
Чтобъ ихъ насмѣшливыя рѣчи,
Привычной ѣдкостью своей,
Не оскорбили прахъ поэта;
А я по суетной землѣ
Пройду смѣлѣй, предъ взоромъ свѣта,
Нося въ душѣ и на челѣ
На даръ небесъ благословенье
На мигъ воскресшаго пѣвца,
И замолю успокоенье
Душѣ мятежной мертвеца!

1838.

Гр. Е. Ростопчина [1]).

ЦВѢТОКЪ НА МОГИЛУ

Е. М. Хитровой, урожденной княжны Кутузовой—Смоленской.

Ея ужъ нѣтъ!... Одной душой прекраснои
Бѣднѣе сталъ нашъ коловратный свѣтъ;
И громкій плачъ, и плачъ единогласный
Провозвѣстилъ: «Ея ужъ нѣтъ»!!
На дняхъ еще, на дняхъ, она блистала
Осеннею, но свѣжею красой;
Любила жизнь, и вдругъ ея не стало,—
Пресѣкся путь ея земной!

---

[1]) „Вѣстникъ Всемірной исторіи", 1900, IX. 09. Стих., Спб., 1859, I, 275—276.

Digitized by Google

Красавицы! усыпьте вы цвѣтами
Тотъ гробъ, гдѣ спитъ, какъ падшій цвѣтъ, она!
Она была прославлена межъ вами,—
Молва хвалой ея полна.
Прощальный гимнъ воспойте ей, поэты!
Въ васъ даръ небесъ цѣнила, поняла
Она душой, святымъ огнемъ согрѣтой, —
Она другъ Пушкина была!
Страдальцевъ рой, сиротъ и вдовъ собранье,
Кто въ ней нашли заступницу и мать,
Вы знаете, какъ скорби и страданья
Она умѣла утѣшать:
Вашъ плачъ ей дастъ небесное блаженство,
Онъ вѣчную ей память обрѣтетъ.
Пусть гибнутъ всѣ земныя совершенства,—
Благотворенье не умретъ!...

1839.

М. Демидовъ [1]).

Н. Языкову.

. . . . . .

Я такъ любилъ и свѣтъ и жаръ
Твоихъ летучихъ пѣснопѣній.
Онъ умеръ, онъ умолкъ, какъ звукъ,
Нашъ Пушкинъ, твой собратъ и другъ;
И ты, питомецъ музъ счастливой,
Живешь въ безпечности лѣнивой...
Не слышимъ пѣсни мы твоей!
Но ты стряхни вериги лѣни,
И жаромъ прежнихъ вдохновеній
Опять согрѣй сердца людей!

---

[1]) „Ау", Стих. М. Демидова. М. 1839. Стр. 100.

Digitized by Google

Н. П. Огаревъ [1]).

. . . . . .

Что я писалъ вамъ въ этотъ разъ?
Письмо ли это, или ода,
Или элегія? У насъ
Послѣдняго не любятъ рода...
А было время—развелась
На вздохи, слезы, стоны мода;
Всѣ вспоминали юны дни,
И лѣзли въ Пушкины они.
Да я и самъ... Но, Боже мой,
Кого я назвалъ?... Плачъ надгробный
Ужели смолкъ въ странѣ родной??
Гдѣ нашъ пѣвецъ, душой незлобный,
Гдѣ дивныхъ пѣсенъ даръ святой
И голосъ, шуму водъ подобный?
Гдѣ слава нашихъ тусклыхъ дней?
Внимайте повѣсти моей!
О, тамъ, въ тиши родной Москвы
Отъ бурь мірскихъ задвинувъ ставень,
И не предчувствуете вы,
Какъ душу здѣсь сжигаетъ пламень,
Но будьте вы, какъ ледъ Невы,
Или безчувственны, какъ камень,
Все жъ васъ растопитъ мой разсказъ
И выжметъ слезъ ручей изъ васъ.
Когда молву, что нѣтъ его
Въ столицѣ древней услыхали,
Всѣмъ было грустно отъ того.
Всѣ посердились, покричали,
Но черезъ день — какъ ничего,
Опять спокойно замолчали:
Такъ шумный рой спугнутыхъ мухъ,

---

[1]) „Юморъ", 1857, стр. 65–9.; „Русская Мысль" 1899, VII, 29—30.

Digitized by Google

Взлетѣвъ на мигъ, садится вдругъ.
Вчера а встрѣтилъ невзначай--
Два мальчика прошли съ лотками
Статуекъ. Тутъ былъ попугай,
Качали кошки головами,
Наполеонъ и Николай
Стояли, обратясь спинами,
И Пушкинъ--голову склоня,
Скрестивши руки, близъ коня.
И равнодушною толпой
Шли люди мимо безъ вниманья,
И каждый занятъ былъ собой,
Не замѣчая изваянья.
Да хоть взгляните, Боже мой,
Въ лицъ, исполненный страданья
И думъ, и грезъ... Вѣдь онъ поэтъ!
Да дайте жъ лепту свой за портретъ.
Поэтъ ненадобенъ для нихъ,
Ему внимать имъ даже скучно,
И звонкій, грустный, яркій стихъ
Они услышатъ равнодушно,
Какъ скрипъ телѣгъ на мостовыхъ,
Пѣснь аматера въ залѣ душной.
Они согласны быть скорѣй
Часъ цѣлый у рѣзныхъ дверей—
Пока лакей имъ въ галунахъ
Отворитъ входъ жилищъ священныхъ,
Гдѣ можно ползать имъ въ ногахъ
Временщиковъ и баръ надменныхъ
И цѣловать ничтожный прахъ
Людей ничтожныхъ и презрѣнныхъ,
Которыхъ кознями поэтъ
Погибъ въ всей силѣ лучшихъ лѣтъ.
Ему досадой сердце жгли,
И дѣло быстро шло къ дуэли;
Предотвратить ее могли,
Но не хотѣли, не хотѣли...
Къ нему на похороны шли
Лишь люди въ фризовой шинели,
И тѣхъ обманомъ отвели,

Digitized by Google

И гробъ тихонько отвезли.
Поэта мучить и терзать,
Губить со злобою холодной,
На тѣло мертвое не дать
Пролить слезу любви народной—
Что жъ можно вамъ еще сказать,
Что бъ было хуже? Благородный,
Священный гнѣвъ въ душѣ моей
Кипитъ—чѣмъ скрытнѣй, тѣмъ сильнѣй.
Но только втайнѣ пару словъ
Могу сказать въ кругу собратій,
Боясь . . . . . .
Боясь предательскихъ объятій.
А какъ бы на его враговъ
Я, сколько есть въ душѣ проклятій,
Собрать былъ радъ въ единый мигъ,
Чтобы въ лицо имъ плюнуть ихъ.
И вашъ еще спокоенъ духъ,
И не дрожите вы съ досады,
Что такъ безсильны мы, мой другъ,
И что намъ правду прятать надо,
И мнѣнью высказаться въ слухъ
Вездѣ поставлены преграды?!
Да, еслибъ кто чужой узналъ,
Онъ насъ бы трусами назвалъ!

1840.

В. Зотовъ [1]).

Прологъ, читанный на домашнемъ театрѣ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, 19 октября, день его основанія.

Была пора... Еще не прославляла
Въ Европѣ насъ ни битва, ни молва;
Еще тогда пожаромъ не пылала
Передъ врагомъ родимая Москва;
Не защищалъ нашъ царь чужого трона;

[1]) На отдѣльномъ листкѣ, безъ указанія года и мѣста изданія.

Digitized by Google

Насъ бичъ войны кровавой не постигъ,
И не каралъ еще Наполеона
Ни русскій царь, ни грозный русскій штыкъ.
Въ тѣ дни, когда въ тиши гроза сбиралась,
И гибель намъ готовилъ славы сынъ,
Мысль у царя Россіи развивалась,
И думалъ думу мощный властелинъ...
Наукъ, искусствъ высокій покровитель
Лишь повелѣлъ—и для его дѣтей
Воздвигнулась священная обитель,
И нашъ родной возвысился лицей.
Съ тѣхъ поръ прошли года. День основанья [1],
Прекрасный день живъ въ памяти у насъ,
И дорого объ немъ воспоминанье,
Какъ дорогъ тотъ, кто рано такъ угасъ!
Объ этомъ днѣ въ заботахъ мелкихъ свѣта
Никто изъ насъ вовѣкъ не забывалъ,
Объ этомъ днѣ *лицейскаго поэта*
Гремучій стихъ не разъ напоминалъ.
И каждый годъ день основанья славный,
Холодный день сѣдого октября,
Мы празднуемъ—знакъ милости державной
Великаго почившаго царя.
И каждый разъ мы весело, привольно
На праздникъ собираемся толпой,
И каждый разъ туманятся невольно
У насъ глаза горячею слезой,
Слезой чистой, данью умиленной
Великому въ прекрасный этотъ часъ!
И вѣримъ мы: тогда Благословенный
Съ высотъ небесъ благословляетъ насъ!
И въ этотъ день, весельемъ молодѣя,
Мы смѣло въ новый путь хотимъ идти—
И собрались, чтобъ въ скромный залъ лицея
Здѣсь Талію веселую ввести.
Благослови жъ, незримый покровитель,

---

[1]) Открытіе Лицея послѣдовало 1811 года 19 октября.

Digitized by Google

Селенія небесъ на мигъ оставь!
Какъ былъ всегда занятій нашихъ зритель,
Такъ будь теперь ты зрителемъ забавъ!
Все тѣ же мы! Въ сердцахъ горитъ святая
Любовь у насъ ко престолу, къ алтарю!
Все тѣ же мы—усердіемъ пылая
И къ новому великому царю!
Онъ нашъ монархъ! Твоей прекрасной славы
Наслѣдникъ онъ достойный, мудрый сталъ.
Онъ нашъ отецъ! Въ заботахъ о державѣ
Онъ никогда объ насъ не забывалъ.
Мы горести слезу тебѣ приносимъ
Въ знакъ памяти, печальною толпой,—
Но всѣ объ немъ Творца небесъ мы просимъ
И съ радостной, и съ чистою слезой!
У насъ въ сердцахъ одно желанье: слава
И счастіе отчизны и царей!
Цвѣти во вѣкъ, россійская держава!
Цвѣти во вѣкъ, родимый нашъ лицей!

1840.

С. Бурачекъ [1]).

Видѣніе въ царствѣ духовъ.

I.

Метеоръ [2]).

(юнаго поэта).

.... мимо идохъ и се не бѣ. Исаія.

Черни ужасъ, черни диво:
Искрометный метеоръ

---

[1]) „Маякъ", 1840, X, стр. 58—65. Фантастическій разсказъ, въ который вставлены стихи юнаго поэта, Поэзина, поэта—идеалиста,—преображенныхъ смертью Пушкина, Гёте и Байрона. Мы проводимъ всѣ стихотворенія, приписанныя Пушкину, или имѣющія къ нему отношеніе.

[2]) Это стихотвореніе составлено яко бы въ духѣ *слишкомъ земной* поэзіи Пушкина, Гёте и Байрона.

Digitized by Google

Взвился, взнесся горделиво,
Яркимъ пламени разливомъ
Ослѣпилъ усталый взоръ.
Стройной выгнулся дугою,
Лентой небо охватилъ,
Впился въ нѣдра тучъ стрѣлою.
Снопъ лучей онъ за собою
Опахаломъ распустилъ.
Рѣки золота раскинулъ,
Брызнулъ искрами вокругъ,
Мостъ огнистый перекинулъ
Съ тучъ на тучи, гордо вскинулъ
Величавый полукругъ.
Свился вдругъ огромнымъ шаромъ,
Распустился вновь змѣей,
Залилъ неба высь пожаромъ,
Брызнулъ пламенемъ и жаромъ,
Вспыхнулъ точкой огневой
И потухъ...
Хоть за собой онъ
Не оставилъ ничего,
Хоть свѣтъ неба вновь спокоенъ,
Чистъ, какъ былъ и до него,
Хоть одну минуту жилъ онъ.
Хоть мгновенно онъ блестѣлъ,
Все жъ природу освѣтилъ онъ,
Все жъ хорошъ его удѣлъ.
Чѣмъ печальною звѣздою
Вѣкъ обычный проводить,
Чѣмъ порою надъ землею
Блѣднымъ пламенемъ свѣтить,
Чѣмъ уныло серебриться
Въ міріадахъ звѣздъ другихъ,
Лучше вспыхнуть и разлиться
Въ искрахъ ярко-золотыхъ,
Искрометнымъ *метеоромъ*
Небо темное зажечь
И къ себѣ вселенной *взоры*
Хоть на мигъ одинъ привлечь,

Digitized by Google

Посвѣтиться и разлиться,
Предъ очами всей земли,
И потомъ—на вѣкъ сокрыться
Въ неразгаданной дали!...

II.

Возраженіе Пушкина [1]).

Не согласенъ я съ тобою,
Юный, пламенный пѣвецъ—
Метеоромъ надъ землею
Пролетѣть, чтобъ подъ конецъ
Скрыться—падшею звѣздою
Въ неразгаданной дали...
Нѣтъ! не взманитъ участь эта
Вдохновеннаго поэта,
Если въ немъ душа согрѣта
Жаромъ неба, не земли!
Сынъ небесъ, свѣтильникъ міра
Не *ракетой* долженъ быть,
И не вспышками свѣтить
Призванъ ты съ высотъ эѳира:
Животворнымъ будь лучомъ
Для цвѣтовъ и злаковъ дольныхъ,
Благодатнымъ будь дождемъ
Для полей, луговъ привольныхъ;
Озаряй, не ослѣпляй;
Созидай, не истребляй!
Рѣчью смѣлой, огневою
Растопи людей сердца,
Грянь въ порочнаго грозою,
Жги перуномъ гордеца,
Въ грудь невиннаго страдальца
Упованья свѣтъ пролей
И *снопомъ* твоихъ огней

---

[1]) Въ загробномъ мірѣ его взгляды на задачи поэзіи измѣнились кореннымъ образомъ по мнѣнію Бурачка...

Digitized by Google

Заблужденнаго скитальца
Наведи на путь прямой;
Не безплоднымъ *метеоромъ* —
Путеводной будь звѣздой,
И тебѣ согласнымъ хоромъ
Пророкочетъ гимны свѣтъ,
И въ вѣкахъ тотъ хоръ отгрянетъ,
И въ безсмертье съ нимъ отгрянетъ
Сынъ небесъ, творецъ — поэтъ!

III.

Возраженіе Гёте [1]).

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Господа дана!
Не безъ *цѣли* Его тайной
На тоску осуждена!
Самъ я своенравной властью
Зло изъ бездны земныхъ воззвалъ;
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забытый мной! [2])
Просіяй средь смутныхъ думъ —
И созиждется тобою
Сердце чисто, свѣтлый умъ...

IV [3]).

Поэзинъ — юношу поэту.

Лѣтъ за двадцать, какъ ты, лицейскій трубадуръ.

(*Поэзинъ указалъ послѣ этого на Пушкина*),
Исполненный ума и юношеской силы,

---

[1]) Поэзинъ сослался на стихотвореніе Пушкина „Даръ напрасный, даръ случайный..." Приписанная Гёте передѣлка этого стихотворенія принадлежитъ на самомъ дѣлѣ митр. Филарету.

[2]) Мною?

[3]) Поэзинъ, повидимому,—Жуковскій, если не самъ Бурачекъ.

Digitized by Google

Поэтъ въ душѣ, сатирикъ, балагуръ,
Пѣвецъ Руслана и Людмилы,
Прислалъ мнѣ первые стихи
Своей таинственной и прихотливой музы,
Гдѣ часто даръ боговъ расцвѣчивалъ грѣхи,
Гдѣ, кистью генія украсивъ ликъ Медузы,
Его за прелестей возможныхъ идеалъ
Поэтъ художникъ выдавалъ;
Тогда былъ молодъ я не даромъ,
Съ толпою восхищенъ поэта чуднымъ даромъ,
Провидя въ Пушкинѣ красу пѣвцовъ родныхъ—
И я былъ увлеченъ его могучимъ даромъ:
Алмазомъ Пушкина считая каждый стихъ,
Какъ брату, руку давъ поэту,

Я первый передалъ его попытки свету;
Когда же послѣ пригласилъ
Я генія на трудъ, его достойный,
Онъ улыбнулся и спокойно
Вѣнокъ похвалъ мнѣ предъявилъ,
Надѣтый на него нескромными друзьями,
И продолжалъ, какъ началъ. Но съ лѣтами,—
Постигнувъ цѣну бытія,

Онъ самъ припомнилъ мнѣ, что я
Желалъ ему добра, добромъ руководимый...
И вслѣдъ за тѣмъ исчезъ въ дали недостижимой
Пѣвецъ любви, ума и славы нашихъ дней,
Какъ недопѣвшій пѣснь полночный соловей,
И лира Пушкина осталась сиротою...
Но отъ него письмо храню я, какъ завѣтъ,
Гдѣ съ геніальной простотою
Онъ вспоминаетъ мнѣ былое прежнихъ лѣтъ.
О, еслибъ въ день печальной тризны
Судьба не сорвала съ него вѣнца
И не пресѣкла дней его блестящей жизни,
Намъ Пушкинъ бы явилъ народнаго пѣвца,
Достойнаго громить *клеветниковъ* отчизны.
Чего не кончилъ онъ, ты довершилъ атлетъ,

Digitized by Google

Допой намъ жизни пѣснь, пѣвецъ того жъ лицея [1],
Гдѣ юный Пушкинъ пѣлъ! И ты въ душѣ поэтъ:
Но, тѣмъ же жаромъ пламенѣя,
Направь его на путь прямой:
Не увлекайся похвалой
Толпы безсмысленной, всегда несправедливой---
И въ оскорбительныхъ хулахъ,
И въ тѣхъ безстыдныхъ похвалахъ,
Въ которыхъ для души поэта горделивой
Таится лесть, какъ ядъ въ сосудѣ золотомъ.
Тогда дерзай, твори! И, ежели вѣнцомъ,
Тобой заслуженнымъ отъ свѣта,
Украсится чело *народнаго поэта*,
Не позабудь и ты радушнаго совѣта,
Который далъ тебѣ, о юноша, пѣвецъ.
Другъ опытный— не льстецъ;
А если не при мнѣ свою раскинешь силу,
Тогда брось горсть цвѣтовъ и на мою могилу!

V.

Отвѣтъ юнаго поэта.

Воспитанный въ тиши, бурь жизненныхъ не зная,
Я дару своему не довѣрялъ,
И, въ звукахъ чувствъ моихъ порывы изливая,
На сердцѣ молодомъ ихъ сохранялъ;
Невольные лились они; робѣя
Я ихъ слагалъ, мечтой руководимъ
Въ обители моей, въ садахъ лицея,
Такъ чудно нѣкогда воспѣтыхъ *имъ*! [2])
Онъ былъ одинъ всегда моимъ кумиромъ,
Я пламенно великаго любилъ
Въ его стихахъ, гдѣ онъ съ людьми и съ міромъ
На брань такъ гордо выходилъ.
Онъ былъ мой добрый духъ, хранитель—геній,
Благословлялъ меня на смѣлый путь;

---

[1]) Не В. Зотовъ, стихи котораго печатались въ „Маякѣ“?
[2]) Пушкинымъ.

Digitized by Google

При имени его порывомъ вдохновеній,
Поэзіи огнемъ пылала грудь.
И думалъ я: прекрасенъ путь поэта!
Великъ поэтъ душъ жаждущихъ сподвижникъ!
Но тотъ, кто разгадалъ его на сценѣ свѣта,
Кто руку далъ ему, чья грудь была согрѣта
Участіемъ къ пѣвцу—тотъ болѣе великъ!
Понять пѣвца съ любовью друга,
Въ дорогѣ жизни наставлять
И жаръ душевнаго недуга
Холоднымъ разумомъ смягчать,
Внушить любовь къ природѣ, къ міру,
Желаньямъ пылкимъ дать законъ,
Настроить молодую лиру
На чистый, вѣрный, звучный тонъ,
Спасти его отъ заблужденій,
Отъ грѣшныхъ мыслей охранить
И пѣсни чистыхъ вдохновеній
На пользу родины внушить,
Быть покровителемъ искусства,
Совѣты опыта давать,
Свои возвышенныя чувства
Младому сердцу передать;
Быть выше и зоиловъ строгихъ
И низкихъ генія льстецовъ—
Высокій жребій! дань немногихъ
Душъ чистыхъ, доблестныхъ умовъ!
Въ потомствѣ дальнемъ имя Мецената
Вѣкъ съ именемъ поэта не умретъ,
И вмѣстѣ съ нимъ оно, какъ имя брата,
На судъ вѣковъ грядущихъ перейдетъ!
Тяжка для свѣта будетъ ихъ утрата,
Объ нихъ обоихъ грустно свѣтъ вздохнетъ,
И, можетъ быть, поэтовъ было много,
И многимъ покровительствовалъ онъ,
Но ихъ давно потомство позабыло,
А меценатъ живъ въ памяти временъ!
Благодарю тебя, мой добрый покровитель!
Я радостно услышалъ твой привѣтъ.

Digitized by Google

Ты — первый Пушкина цѣнитель.
Благодарю тебя,—ты самъ поэтъ!
Не чуждъ тебя поэзіи высокой
Прекрасный и таинственный языкъ;
Ты чувствомъ понялъ стихъ, а мысль—душой глубокой;
Ты музъ языкъ и даръ наукъ постигъ
И душу чудную въ груди развилъ ты смѣло:
Даръ мыслей съ даромъ чувствъ соединить
И двѣ враждебныя стихіи въ цѣлой
Составъ для славной цѣли слить!
Ты помирилъ поэзію съ наукой,
Огонь съ водой, мысль съ чувства полнотой—
И твой талантъ, и умъ высокій твой
Намъ будетъ вѣрною порукой,
Что совершишь ты подвигъ свой;
Что жаръ кипучихъ вдохновеній
Спокойной прозой уменьшишь
И холодъ скучныхъ разсужденій
Огнемъ небеснымъ оживишь;
Что мысль согрѣта будетъ чувствомъ,
А чувство мыслію оживлено,
И что наука и искусство
Сольются въ неразрывное звено.
Итакъ, прими привѣтъ пѣвца,
Одушевленнаго тобою!
Мой первый шагъ ты встрѣтилъ похвалою,
И эта похвала дороже мнѣ вѣнца!
Такъ, я твои надежды оправдаю!
Я чувствую въ груди избытокъ юныхъ силъ,
И первый опытъ мой тебѣ я посвящаю:
Увѣренность во мнѣ ты поселилъ!
Прими жъ даръ скудный въ воздаянье
Отъ сердца, полнаго любви,
И на высокое призванье
Поэта ты благослови!...

Digitized by Google

VI.

Пушкинъ—юному поэту.

Насталъ часъ. Пушкинъ обратился къ юному увѣнчанному поэту,

И когда роскошной жизни
Закипѣлъ веселый пиръ,
Изъ надоблачной отчизны
Отпускалъ его онъ въ міръ,
И блаженному созданью
Съ трона славы говорилъ:
«Не для счастья--*для страданья*
Въ міръ тебя Господь пустилъ:
Знаю я, что міръ забудетъ
Благость Бога и Творца,
И твой голосъ не пробудитъ
Въ немъ уснувшія сердца.
Но въ юдольныхъ обольщеньяхъ
Ты Небесъ не забывай,
Въ горѣ, въ бѣдствіи, въ мученьяхъ
Не грусти, не унывай!
Будь гонителемъ порока,
Не страшись людской молвы,
Подъ ударомъ злого рока
Не склоняй святой главы!
Славь Творца на звучной лирѣ,
Лишь небесное любя;
Не забудь, что въ этомъ мірѣ
Ты живешь не для себя;
Что ты посланъ въ слабомъ сердцѣ
Вѣру въ небо укрѣпить,
Что ты волю Міродержца
Долженъ міру возвѣстить.
Ты гремучіе перуны
Въ злобу низкую бросай,
Но во вѣкъ въ святыя струны
Безъ нужды не ударяй.
Знаю, будешь, обличитель,

Digitized by Google

Ненавидимъ ты толпой,
И возстанетъ, какъ гонитель,
Свѣтъ на избранныхъ судьбой,
И начнетъ въ порока сѣти
Онъ заманивать тебя:
Противъ козней всѣхъ на свѣтѣ
Есть защитникъ—знаю я!
И когда въ коварномъ мірѣ
Не найдешь покоя ты,
Мчись—и въ радужномъ эопирѣ
Отдохни отъ суеты.
Чтобы низкому народу
Ты отмстить достойно могъ,
Вотъ даютъ тебѣ свободу
Возвратиться въ нашъ чертогъ:
Чтобы въ низкомъ зломъ усильи
Міръ вредить тебѣ не смѣлъ,—
Вотъ лазоревыя крылья
Поданы тебѣ въ удѣлъ.
Если злобный міръ забудетъ,
Чѣмъ Творцу обязанъ онъ;
Если гнать тебя онъ будетъ,
Громкой славой раздраженъ,—
Ты лазурными крылами
Вольный воздухъ разсѣкай,
Отъ земли съ ея грѣхами
Устремляйся въ свѣтлый рай.
Помни! Свѣтъ неблагодаренъ,
Въ людяхъ есть твои враги!
Міръ—обманчивъ и коваренъ:
Даръ свой чудный береги!
Если жъ хитрости навѣтомъ
Дашь себя ты обмануть—
Никогда въ эопирѣ свѣтломъ
Не вздохнетъ больная грудь.
Никогда въ сей край надзвѣздный
Ты не будешь прилетать;
Въ мірѣ хладномъ и желѣзномъ
Будешь плакать и страдать.

Digitized by Google

Береги жъ святыя крылья!
Міръ карай и наставляй
И, презрѣвъ людей усилья,
Въ рай сей свѣтлый прилетай!»

VII.

Послѣ нѣвотораго молчанія Пушкинъ снова обратилъ слова свои къ юному поэту: «сынъ земли и неба! Ты долженъ знать, что каждый избранный поэтъ, посылаемый на землю, напутствуется подобными откровеніями и даромъ поэтическихъ крылъ, способныхъ возносить его отъ мѣста изгнанія въ нашу страну родную. Но почти всѣ увлекаются прелестями суеты и тщеславія и безславно погибаютъ на распутіяхъ страстей. Вотъ и предмѣтникъ твой [1]) былъ удостоенъ видѣнія нашего сонма; все это же самое онъ видѣлъ, слышалъ, получилъ, какъ ты, и—послушай!

Смолкло царственное слово.
Вкругъ разлился чудный свѣтъ,
И горѣлъ въ восторгѣ новомъ
Богомъ взысканный поэтъ.
Вотъ одѣянъ онъ лучами,
Грудь восторгомъ *расцвѣла*,
За могучими плечами
Распустились два крыла.
Ихъ заря рукой багровой
Расцвѣтила, убрала,
Мотылекъ далъ пухъ шелковый,
И луна своимъ перловымъ
Ихъ сіяньемъ облила.
Силу ангелы имъ дали,
И огнями изъ очей
Ночи—звѣздъ они блистали;
Серафимы крылья ткали
Изъ эѳира и лучей.

---

[1]) Мы не можемъ указать, кого собственно имѣлъ въ виду Бурачекъ. Можно предположить, что кого-нибудь изъ поэтовъ—лицеистовъ.

Digitized by Google

И поэтъ надъ темнымъ міромъ
Мощно крыльями взмахнулъ,
За синѣющимъ эопромъ
Свѣтлой точкою блеснулъ;
Долго взорами святыми
Обращался онъ назадъ,
И раздался хоръ незримый:
«Возвращайся, милый братъ!»
Веселъ, радостенъ и свѣтелъ
Онъ носился надъ землей.
Тотчасъ злобный міръ примѣтилъ
Гостя съ чудною душой.
Онъ сначала въ изумленьи
Пѣснямъ сладостнымъ внималъ
И въ нѣмомъ благоговѣньи
На великаго взиралъ,
Но потомъ воздвигъ гоненье
На небеснаго пѣвца,
Злобѣ низкой и мученью,
Горю не было конца.
Онъ завидовалъ высокимъ
И божественнымъ дарамъ,
Но поэтъ крыломъ широкимъ
Вдругъ взмахнулъ и къ небесамъ,
Свѣтлыя эопра волны
Разсѣкая, полетѣлъ,
Міръ коварный, злобы полный,
Въ слѣдъ могучему смотрѣлъ.
Вновь вернулся небожитель
Къ дѣтямъ міра, дѣтямъ зла;
Вновь юдольная обитель
Пѣснямъ царственнымъ внимала.
И замыслилъ міръ коварный
Исполина погубить,
Крыльевъ свѣтлыхъ, лучезарныхъ
Гостя чуднаго лишить:
Цѣпью крѣпкою, желѣзной
Къ міру на вѣкъ приковать,
Чтобъ не могъ онъ въ край надзвѣздный
Вольной птицей улетать.

Digitized by Google

Избралъ онъ для обольщенья
Дѣву съ пламенной душой,
Съ пылкой жаждой наслажденья,
Съ неземною красотой:
Устъ горячее дыханье,—
Полный нѣги, страстный взглядъ,
Стана стройность, трепетанье,
Бѣлой груди колыханье,
Черныхъ кудрей ароматъ,
Губокъ поцѣлуй ревнивый,
Вороненыхъ грань очей,
Страстной нѣги пылъ бурливый;
Нѣжный свѣтъ луны стыдливой,
Мракъ таинственныхъ ночей.
И поэтъ отъ обольщенья
Тайныхъ чаръ не избѣжалъ,
Полный страсти, упоенья,
Жадный нѣги наслажденья,
Онъ на грудь земную палъ.
Тщетны слабыя усилья!
Блескъ небесъ потухъ во мглѣ,
И лазаревыя крылья
Опустился въ безсильи,
И когда въ грѣха пучины
Палъ заоблачный пѣвецъ,
Мы уныли отъ кручины,
Отвратилъ Свой взоръ Творецъ.
И лазоревое царство
Онъ, развѣнчанный, забылъ:
Лести, злобѣ и коварству
Струнъ аккорды посвятилъ.
И любовь, и страсть земную
Въ стройныхъ звукахъ воспѣвалъ,
И порой въ страну родную
Лишь мечтою улеталъ.
И когда отъ козней міра,
Отъ печали и скорбей,
Черезъ области эѳира
Рои свѣтлые тѣней,

Digitized by Google

Чистой вѣрою водимы,
Возвращался назадъ,
Раздавался хоръ незримый:
«Не вернулся ль милый братъ?»
Онъ предался дѣвѣ милой,
Бѣдъ не видя впереди:
Дочь земная усыпила
Сына неба на груди.
Міръ злого Немезида
Факелъ мщенья подала,
И коварная Долида
Крылья чудныя сожгла.
Силы дивныя пропали,
Блескъ съ чела его исчезъ,—
Злобно люди хохотали
Надъ изгнанникомъ небесъ.

Rob. Lippert. [1])

Zueignung.

Wenn wir an der Wüste Schwellen
Ganz verschmachtend hingesunken,
Haben wir an deinen Quellen
Neue Lebenskraft getrunken;
Rettest uns aus Eisesklüften,
Bettest uns auf grünem Rasen,
Leben mischst du Todtengrüften,
Uns erfrischst du an Oasen.
Hauchest in des Lebens Norden
Deiner Lieder milden Osten,
Giebst uns unter wilden Horden
Hesperidenfrucht zu kosten—
Weilest bei dem Halberstarrten,
Heilest ihn vom Brand der Nesseln,
Trägst ihn zu der Liebe Garten,
Schlägst ihn dort in Rosenfesseln.
Und so hast du uns begleitet

[1]) Alexander Puschkin's Dichtungen. Aus dem Russischen übersetzt von Dr. Robert Lippert. Erster Band. Leipzig. 1840. Стр. XI—XIII.

Digitized by Google

Unterm fernen nord'schen Himmel,
Stürzten uns, von dir geleitet,
In Poltawa's Schlachtgetümmel;
Flogen hin zum Steppenrande,
Zogen mit Zigeunerhorden,
Sprachen zu der Räuberbande,
Lagen an der Wolga Borden.
Floh'n des Harems Frau'nkabalen
In des Tartarchans Pallaste,
Gingen bei Tscherkessenmahlen
Fern am Kaukasus zu Gaste
Stiessen von uns böse Träume,
Liessen stätten rohen Grauses--
Eilten in des Friedens Räume,
Weilten dort im Schutz des Hauses.
Alle Elemente fanden
Wir im Liede des Poeten,
Wo sich Lieb' und Hass verbanden,
Gläserklang und Kriegdrometen—
Reich bedacht mit solchen Dingen,
War's gemacht uns arme Laien
Allgewaltig zu durchdringen,
Vielgestaltig zu erfreuen.
Und so nehmet's hin, ihr Richter,
Des Gesanges kund'ge Meister,—
Sahmähet oder krönt den Dichter,
Der im Lande sel'ger Geister!—
Gehet hin zum deutschen Volke,
Wehet dort, ihr duft'gen Lieder—
Sänger, schicke aus der Wolke
Beifallsblicke auf uns nieder!—

Т. Соколова [1]).

Къ П.....у.

Не унывай, младой пѣвецъ,
Ты долженъ жить твоей душою!

---

[1]) „Стих.". М., 1841, I, Стр. 44. Повидимому, относится Пушкину.

Digitized by Google

Твоимъ пришелъ бѣдамъ конецъ,—
Не вѣкъ же быть тебѣ съ тоскою.
Тебѣ измѣной суждено
Разстаться съ жизнью по неволѣ;
Коль счастье здѣсь не рождено,
Терпи, надѣйся на Благое!..
Ты знаешь, что въ странѣ святой
Есть дружба и любовь прямая;
Съ надеждой тамъ найдешь покой,—
Тамъ въ счастьи—радость неземная!

И. П. Бороздна [1])

. . . . . .

Чаровница—молодая!
Ты мнѣ *Божью птичку* [2]) спой:
Ей задумчиво внимая,
Легче справиться съ тоской!
Неотвязная, что камень,
Вдругъ отъ сердца отпадетъ;
Какъ могущественный пламень,
Радость душу обойметъ—
И она, презрѣвши горе,
На крылахъ мечты своей,
Въ край иной, *за сине море*,
Улетитъ до лучшихъ дней!

1847.

---

[1]) „Лучи и тѣни", новыя стихотв. И. Бороздны, М., 1847, стр. 96—7.

[2]) „Птичка Божія не знаетъ"... Пушкина. Это стихотвореніе было положено на музыку 20 композиторами (см. Корганов, Пушкинъ въ музыкѣ, Тифлисъ, 1899, стр. 38).

Digitized by Google

Е. Шахова [1].

Къ портрету А. Пушкина.

Вотъ *онъ*! Живое вдохновенье
Вѣнчаетъ думное чело!
Какое дивное явленье
Надъ нимъ торжественно взошло?
Онъ веселъ, ясенъ взоръ вперенный
Въ непроницаемую даль;
Уста свѣтлы... О, не тогда ль,
Отъ Духа свыше озаренный,
Свои высокія мечты
Изъ головы темно-кудрявой
Перелагалъ онъ на листы,
Еще невѣданные славой!
Прими ненужный мой привѣтъ,
Нашъ лавроносецъ невозвратный,
Сладкогласноголивый поэтъ!
Ужель на геній необъятный,
На чудотворческіе сны,
У насъ не явится наслѣдникъ,—
Ужель, за скорбь такихъ утратъ,
Могила Музъ осиротила,
И такъ ревниво отдалила
Отъ насъ безсмертнаго возвратъ?

---

[1] Мирянка и отшельница, стихотворенія, Спб., 1849, стр. 97. Повидимому, конецъ вырѣзанъ цензурой, такъ какъ слѣдующая 98 стр. совсѣмъ пропущена.

Digitized by Google

Е. Шахова [1]).

Думка

надъ сухими растеніями съ южнаго берега Крыма.

Напрасно сѣверная вьюга
Холоднымъ вихремъ закрутитъ,
Завѣтный прахъ растеній юга,
Какъ мать, чужбина пріютитъ.
Въ минуты ль грусти, вдохновенья,
Поэта даръ заповѣдной,
Тѣ чужеземныя растенья
Всегда лежатъ передо мной.
Когда вперю я долго взгляды,
Игрою звуковъ занята,
На тѣнь былой очей отрады—
Меня томитъ одна мечта,
И та мечта необъяснима.
Я рвусь, я жажду посѣтить
Роскошный южный берегъ Крыма,
Душевной жизнію пожить!
Взглянуть на царственныя воды,
На шелкъ Таврическихъ полей,
Приволье нѣги и свободы!
А здѣсь, на родинѣ моей,
Видна лишь мертвенность природы!
Блаженный край! волшебный Крымъ!
Ты мной мечтательно любимъ
Не изъ однихъ сокровищъ вида:
Какъ будто мнѣ была Таврида
Вторымъ отечествомъ моимъ!
Такъ мнѣ огонь воображенья
И перелетная мечта

---

[1]) Стихотворенія Елизаветы Шаховой „Мірянка и отшельница," Спб., 1849, стр. 31—33.

Digitized by Google

Рисуетъ въ очеркахъ видѣнья
Тѣ незабвенныя мѣста,
Благоухающія сѣни,
Гдѣ три могучіе пѣвца [1])
Склоняли въ прахъ могучій геній
Передъ величіемъ Творца;
Гдѣ ихъ блуждающіе взоры
Простой цвѣтокъ остановлялъ,
И славный лавръ пріосѣнялъ
Нѣмые съ думой разговоры;
Гдѣ ихъ пытливая рука
Растенья чуждыя срывала,
Чтобъ милый прахъ издалека
Въ отчизнѣ память сберегала....
О, какъ я рвусь туда летѣть,
Лавровой тѣнью осѣниться,
Полудня воздухомъ упиться
И—послѣ сладко умереть!
Средь поэтической свободы
Я нагляжусь хоть годъ одинъ
На всю поэзію природы,
На красноречіе картинъ!

Когда жъ порою неизбѣжной
Наступитъ часъ послѣдній мой,
Да не увижу мглы безбрежной
Родного неба надо мной!
Пусть кипарисъ, а не береза
Мою могилу осѣнитъ,
И чужеземная же роза
Свой пурпуръ склонитъ на гранитъ:
Весенней ночью вдохновенной,
Сіяньемъ лунным озаренной,
Надъ нимъ въ тиши густыхъ вѣтвей,

---

[1]) Пушкинъ, Мицкевичъ. Не знаемъ, кого имѣла въ виду Шахова третьяго (Козловъ?) Лермонтова она не могла подразумѣвать.

Digitized by Google

Засвищетъ Крымскій соловей;
Полудня ль Царь золотострѣлый
Надъ чуждой насыпью взойдетъ,
Пусть Крымецъ пламенный и смѣлый
На отдыхъ къ камню подойдетъ....

Digitized by Google

1116.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129

Digitized by Google